

Учредитель издания:

**Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации»**

Главный редактор:

С. И. Герасимов, д-р юрид. наук

Заместитель главного редактора:

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Г. А. Насимов, канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

В. Н. Бабенко, д-р ист. наук, проф.;
В. А. Виноградов, д-р юрид. наук, проф.;
В. Л. Гейхман, канд. юрид. наук, проф.;
А. Герлох, проф. (Чехия);
А. Гоцянь, проф. (Китай);
В. А. Гуреев, канд. юрид. наук;
Н. Г. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
М. Н. Илюшина, канд. юрид. наук, доц.;
А. Казертано, проф. (Италия);
А. А. Лебедева, д-р филол. наук;
Б. Н. Мальков, д-р филос. наук, проф.;
О. М. Медведев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Морозов, д-р юрид. наук, проф.;
И. А. Попов, д-р юрид. наук, проф.;
Б. В. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, проф.

© Вестник Российской правовой академии, 2014

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК), публикации в которых обязательна при защите докторских и кандидатских диссертаций.

Адрес редакции:

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Тел./факс: 8-499-613-4754, 8-499-613-7218

E-mail: vestnik-rpa@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Над номером работали:

Е. В. Болотова, Т. А. Гетьманова, Е. А. Козырева, И. Е. Яковлева

Дизайн: Ю. С. Соколова

Верстка: Г. Р. Эфендиева

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Формат 60×90 1/8. Печ. л. 12,25.

Подписано к печати 11.03.2014.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 127.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

Звягинцев А. Г.

У истоков 3

Философия права

Мальков Б. Н.

Мировоззренческие коллизии права (в лабиринтах справедливости) 11

Гражданское право и гражданский процесс, предпринимательское право

Гинц Е. М.

Реквизиция имущества как основание возникновения обязательств по возмещению правомерно причиненного вреда 18

Гущин В. В., Кирпичев А. Е.

Предпринимательно-правовые аспекты планирования публичных закупок 22

Заец А. М.

Минимизация риска утраты права собственности, вызванного рейдерством, путем использования титульного страхования 26

Козлова Е. Б.

Договоры об установлении ограниченных вещных прав как основание для актуализации теории вещного договора 30

Рычкова И. Н.

Государственная услуга: процесс или результат . . . 34

Уголовное, уголовно-процессуальное право, криминология и криминалистика

Абрамов В. Г.

Состав экологического преступления: понятие, особенности содержания, виды 39

Авсеницкая К. В.

Границы деятельного раскаяния
и их отражение
в уголовном законе 43

Карпова О. В.

Региональная криминологическая
характеристика личности женщин-
преступниц, совершивших преступления
повторно 48

Колесова А. С.

Тактические особенности проведения
отдельных следственных действий при
расследовании насильственных
преступлений в семье 54

Информационное право

Морозов А. А.

Вопросы формирования Единого регистра
нормативных правовых актов 61

Химченко А. И.

Глобальное информационное общество:
правовые проблемы построения и подходы
к пониманию и определению 66

Административное право

Егошина Ю. А.

Механизм реализации административно-
правового статуса территориального
органа Минюста России: понятие,
структура, содержание 71

Международное право

Красиков В. И.

Международное право в противодействии
политическому насилию (к 65-летию
Всеобщей декларации прав человека) . . . 74

Юридическая помощь населению

Чумакова О. В.

Дополнительные категории граждан,
имеющих право на получение
бесплатной юридической
помощи, установленные
законодательством субъектов
Российской Федерации 79

Персоналии

Никифорова Т. С.

Человек на все времена (памяти Юрия
Дмитриевича Северина) 83

Сокращения, принятые в издании 90

Наши авторы 91

Перечень статей и материалов,
опубликованных в 2013 году 94

Правила приема и требования,
предъявляемые к рукописям, направляемым
в редакцию журнала «Вестник Российской
правовой академии» 99

У истоков

The Origin

Посвятивший свою жизнь юриспруденции, Александр Григорьевич Звягинцев широко известен в нашей стране не только как прокурор, но и как ученый-правовед, писатель, историк, сценарист. Будучи мастером остросюжетной прозы, он успешно занимается также историческими исследованиями зарождения и развития отечественной прокурорской системы. Литературное творчество А. Г. Звягинцева отличается глубиной и важностью затрагиваемых проблем.

Публикуемая статья представляет собой выдержки из подготовленной им к печати книги «История российской прокуратуры. Документы, события, люди». В ней Александр Григорьевич рассказывает о периоде, предшествующем становлению российской прокуратуры, обращает внимание на деятельность русских царей, и особенно Петра I, сыгравшего главную роль в появлении этого уникального правового института.

Петр I; Правительствующий сенат; правовой институт; реформа; российская прокуратура; Российское государство; фискал; фискалитет

Alexander Grigorjevich Zvyagintsev who has devoted a lot of years to jurisprudence is well known in our country not only as a law scientist, but also as a writer, a historian and a scenario writer. Being a master of fascinating prose, he successfully deals with historical researches. The literary work of Zvyagintsev is notable for the deep meaning of the problems discussed by him as well as for the precision and the number of facts.

The published article contains extracts from the book “The history of the Russian prosecutor’s office. Documents, events, people”. The book that is ready for being printed tells us about the period of the origin of the Russian prosecutor’s office and about different stages in its development. Alexander Grigorjevich who has thoroughly studied the history of the Russian prosecutor’s office draws the readers’ attention especially to the activity of Russian tsars and in particular to that of Petr I who played a great role in the origin of this legal institution.

Petr I; the Governmental Senate; a legal institution; a reform; the Russian prosecutor’s office; the Russian state; fiscal; fiscal institution

Разобраться в русской истории, становлении правовых институтов, а тем более ее законодательства весьма непросто. Не зря в 1907 г. философ и историк В. О. Ключевский писал: «Юрист строгий и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерка никогда не поймет целомудренного акушера» [1]. И все же вне зависимости от изложенного законы, действующие

в конкретном времени и пространстве и оказывающие существенное влияние на развитие общества, очень часто помогают нам правильно расставлять столбовые вехи в летописи дел и событий.

По наезженной столетиями колее продолжала неукротимый бег на оглобле своих традиций и обычаев русская птица-тройка. Поглядывая временами то на Восток, то на Запад, Россия

представляла одну из тех стран, что на протяжении всего своего исторического развития впитывала важнейшие элементы античной культуры, начиная от римского права и заканчивая цезаризмом. Категориями Цезаря и Августа гласно или негласно оперировали многие российские монархи и просветители, сравнивая между собой законы Русского государства с Римом и Грецией. Отсюда и появление идеи третьего Рима, возникшей в годы правления Ивана III и выраженной Филофеем Псковским в XVI в. в концепции: «Москва — третий Рим, а четвертому не быть!» В этой формуле сконцентрированы понятия как политического, метаисторического плана, так и бытового уровня.

Имелось в виду, что после потери независимости Грецией и крушения Рима Российское царство должно занять их место в истории. Забегая немного вперед, добавим только, что законы Византийской империи, второго Рима, обогащали кислородом кровеносную систему русского права.

В этой связи весьма уместно будет вспомнить Ш.-Л. Монтескье. Рассуждая о пользе заимствования законодательства других стран, он отмечал необходимость делать это с учетом национально-исторических особенностей страны «в зависимости от государственного строя, ибо они (законы. — А. Г.) предназначены для общества». Прежде чем ввести закон одного народа для другого, по его мнению, следует «рассмотреть, имеют ли оба народа одинаковые установления и одинаковое государственное право» [2]. Одновременно он предупреждал, что самые истинные и святые догматы могут иметь весьма дурные последствия, если они не сообразуются с принципами общественной жизни.

Значение этой парадигмы, провозглашенной выдающимся ученым-просветителем и оказавшим большое влияние на развитие планетарного правового мышления, является ключом к исследованию предмета истории возникновения и развития прокуратуры в России.

Многие русские ученые разделяли и развивали точку зрения Монтескье. В частности, известный философ и историк Н. И. Кареев в начале прошлого века, рассматривая через призму юриспруденции одну из западноевропейских формул — некой «идеальной и вечной истории, по которой проходят во времени все истории народов» [3], писал, что «общей исторической схемы, общего шаблона истории нет и быть не может, потому что условия жизни отдельных народов слишком неодинаковы. Однако мы знаем также, что общность условий создает и большие сходства в условиях разных народов» [4].

Предметное изучение любого правового явления следует начинать с глубинной сущ-

ности исследуемой темы. И летопись русского прокурорского надзора не является исключением. Вся история нашей прокуратуры, как и многих других правовых институтов общества и законодательства, детерминирована прежде всего характером экономических отношений, общественно-политическим строем, традициями и обычаями народов, внешнеполитическими связями, заимствованиями зарубежного опыта и даже климатическими условиями. «От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов» [5].

Эти факторы, как показывает исторический анализ, оказывали влияние на развитие законодательства и органов прокуратуры не только России, но и других стран. Следовательно, говорить о том, что наша страна составляет исключение из правил — значит игнорировать очевидное. Конечно, часто в выборе вектора развития государства присутствует субъективный фактор. В историях одних стран это была воля суверена или иного высшего должностного лица, влияющего на принятие решения, в других — ангажированное мнение (и не обязательно политизированное) столпов общества или неких авторитетов. Правда, существовали и такие периоды, когда в эти процессы вмешивались роковые случайности и события. Тогда ранее исповедуемая апологетика и проторенные маршруты менялись на новые.

Изучение первых юридических документов раннефеодальной Руси показало, что и Византия, и Западная Европа подпитывали, словно полноводные ручьи, реки нашей правовой мысли. Отмечая это, известный византолог Д. Д. Оболенский подчеркивал, что еще Ярослав Мудрый в подражание деятельности византийских императоров всячески способствовал распространению Русской Правды. В то же время, писал Оболенский, многие особенности в системе наказаний «закона судного люда» имеют очевидные аналогии с франкским и англосаксонским правом» [6].

Если обратиться к Русской Правде как своду законов, то видно, что князь в тот период являлись верховными судьями. По мнению С. М. Соловьева, «они были призваны для **правды** вследствие того, что особые роды не могли беспристрастно разбирать дела при враждебных столкновениях своих членов; не было у них правды, говорит летописец» [7].

Таким образом, с принятием Русской Правды, по сути, началось юридическое оформление судебной власти, хотя еще в церковных уставах Владимира I Святославовича (а позже и Ярослава Мудрого) говорилось о том, что князь

могли поручать чинить правосудие княжеским судьям. К сожалению, подобного мы не можем сказать об институте прокуратуры. Необходимые условия и предпосылки к его возникновению начинают зримо просматриваться только в середине XVII в.

Следует признать, что в России процесс установления законов и зарождения правовых институтов проходил достаточно сложно. В частности, это было обусловлено не только междоусобицами и постоянной борьбой с захватчиками, но и собиранием земли русской.

Как писал П. Сорокин, процесс склеивания стольких народностей, отстаивания сего единства, принуждение различных сословий и социальных групп к деятельности на благо всего государства не мог обойтись без насилия и казней. «Не Иоанн IV виноват в опричнине, а исторический процесс, который свои законы диктует одинаково и пастухам, и царям» [8].

Опричнина — по-своему уникальное явление в мировой истории. Можно смело говорить о том, что она приходится мачехой законности. Ее деятельность серьезно диссонирует с представлениями о правопорядке, которыми в то время уже кичилась Европа. Но на Руси многое не укладывалось в стандартные рамки, хотя западноевропейские методы достижения и упрочения власти государем также не отличались особой шепетильностью. Так, по мнению Н. Макиавелли, государю легче будет утвердить власть тогда, когда он сможет «с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры» [9].

Однако опричнина — все же сугубо русское явление. Не углубляясь в эту тему, заметим лишь, что она была не только рукой царя, но и важнейшим инструментом власти (одновременно и обвиняла, и чинила приговор), своего рода оком государевым.

В узком смысле опричнина служила главным орудием утверждения самодержавия царя. И делалось это не столько без оглядки на законы и обычаи, сложившиеся в обществе, сколько вопреки им.

Важным периодом, способствующим вызреванию условий для проведения радикальных правовых реформ и создания органов прокуратуры, стал XVII в. Процесс этот проходил на фоне выхода России из Смутного времени, сосредоточения власти в руках государя и формирования абсолютной монархии. И если точкой отсчета учреждения органов прокуратуры мы вполне справедливо считаем 1722 г., то историю развития власти прокурора смело можно отслеживать с 1649-го. Чуть более 70 лет потребовалось России, чтобы утвердить

ся в необходимости создания прокуратуры. Срок для матери-истории более чем скромный. Именно после Соляного бунта (1648 г.) царь Алексей Михайлович объявил о созыве Земского собора и подготовке нового свода законов. По мнению патриарха Никона, Собор был созван «боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не правды ради». Соборное уложение, разработанное менее чем за год, 29 января 1649 г. было принято. При его подготовке, в частности, использовали «грацкие законы греческих царей», а также старые судебники и указы прежних государей.

Соборное уложение — это крупный исторический памятник нашего права. В нем довольно подробно разработаны теория доказательств, система наказаний (хотя и сохранилась неопределенность в санкциях), процедуры розыска и суда, основы состязательности процесса. Уложение фактически завершило процесс формирования терминологии, значительно расширило составы преступных деяний, увеличило их число. Кроме того, в нем впервые систематизированы правовые нормы, характеризующие статус судебной власти.

«В Русском обществе XVII столетия можно уже заметить все элементы, из которых впоследствии сложилось Петровское государство. Деятельность московских царей подготавливает обширные средства для преобразователя и в то же время определяет способ, которым он будет проводить свою реформу» [10].

И действительно, во время действия Соборного уложения практике была известна мысль о том, что при совершении тяжкого преступления (например, убийства) преследование виновного должно производиться обвинителем от имени царя. «А не будет на него (злочинца) — пишет бежавший в XVII веке в Швецию чиновник Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин — в смертном деле челобитчиков и таким делом за мертвых людей бывает истцом сам царь» [11].

Таким образом, отмечает известный российский генерал-прокурор Н. В. Муравьев, уже в Московском государстве намечалась почва для установления прокуратуры, но не выработалось еще самой ее идеи, способной привиться и разрастись [12].

Итак, допетровская Россия не знала институтов, подобных нынешней прокуратуре. Соответствующих учреждений тоже не существовало. Уголовное преследование шло или в порядке частного обвинения, которое выдвигалось потерпевшим лицом и доказывалось в состязательном суде при менее важных делах, или по распоряжению судьи-следователя розыскным порядком по делам более важным (сыскным, губным, тяжбынным)

против тех, кого сочли источником общественной опасности, т. е. лихих людей.

«В том и другом случае не было места особым органам публичного преследования, которое еще не выделялось из полицейских задач и судебных функций государства. Не получило развития в Московской Руси и наблюдательное, контрольное начало, это главнейшее основание будущего прокурорского надзора.

Необходимость в нем живо ощущалась в правительственном организме XVII в. при чрезвычайном усилении и умножении должностных злоупотреблений, особенно в местном управлении, но систематического наблюдения за деятельностью служилых людей или вовсе не было, или оно не шло дальше таких несовершенных мер, как финансовая отчетность воевод по поступлению в казну различных сборов, назначение к воеводам товарищей для взаимного надзора, посылка дьяков и подьячих за границу для проверки действий послов, поощрение частных доносов и доносчиков и прочее. Эта последняя мера, в связи с постепенным расширением круга “сыскных” дел, указывала на недостаточность частного обвинения, а малоуспешная борьба “губных” учреждений Иоанна Грозного с преступлениями, возрастающими в качестве и количестве, свидетельствовала о слабости уголовного розыска при существующем судеустройстве» [13].

Как видим, с середины XVII в. только начала создаваться правовая база, активно работающая на учреждение в государстве Российском в начале XVIII в. института прокуратуры.

В подтверждение данного тезиса можно привести несколько первых указов, которые имели к этому процессу непосредственное отношение: от 11 июля 1651 г. «О надзоре за Касимовским Царевичем и его людьми, и о воспрещении им иметь какие либо сношения с Магометанами других государств» [14] и от 17 июля 1653 г. «О надзоре за высолкою из Тюмени в Касимовскую деревню, на житье, вдовою Рафа Всеволоцкого, с сыном ее и дочерью, бывшею невестою Государя» [15]. Приведенные правовые акты прямо касались надзора за деятельностью должностных лиц.

С приходом к власти Петра I контрольно-надзорные функции государства приобрели конкретные очертания. Началась широкомасштабная борьба с чиновниками, осуществляющими государеву службу на безвозмездной основе за счет поборов.

С особым рвением царь обрушился на взятки. Так, 24 декабря 1714 г. он подписал Именной указ «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за них». Позже ответственность за данный вид преступления была предусмотрена и в Сенатском указе от 21 мая 1720 г. «О наказании за

взятки и лихоимство», а также в аналогичных нормативных правовых актах: от 22 июня 1720 г. «О разных Государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота» и от 3 октября 1720 г. «О рачительном сборе податей и наказании за взятки» [16].

Верховная власть фактически стала на тропу войны с местничеством, со всякими злоупотреблениями служебным положением и мздоимством, надеясь если не искоренить, то по меньшей мере поставить зло в осадное положение и уменьшить его масштабы.

Рассматривая деятельность Петра Великого под углом зрения только российского права, нельзя не отметить, что проведенные им реформы носили тектонический характер и привели в движение все слои общества. Исключительно благодаря его стараниям состоялось рождение Великой России как державы европейского и мирового уровня. «Петр скинул с себя родовую элемент самодержавия, родовые пути и сделался императором по западному понятию — диктатором» [17]. Однако просто диктатором царь не хотел становиться — он был человеком другого кроя. Петр являл миру тип правителя, который соединял в себе черты сурового владыки и просвещенного западноевропейского государя. Он «видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение или направление, или саму жизнь» [18].

При Петре I самодержавная монархия окончательно превратилась в абсолютную. Приняв в 1721 г. титул императора, он сделался монархом «неограниченным, и повиноваться ему не только за страх, но и за совесть» теперь «сам Бог повелевал».

Без дрожи в руках Петр Великий насаждал новые, непривычные для Российского государства порядки, создавал органы, которые день ото дня укреплялись и набирали силу. Ломался привычный, устоявшийся веками образ жизни, претерпевали коренные изменения все основные государственные структуры, начиная от местных и заканчивая высшими.

Была сформирована регулярная армия и полиция, преобразовалось местное управление. Приказы, сохранявшиеся частично, уступили место так называемым коллегиям. Боярскую думу сменил Правительствующий сенат. С организацией Святейшего синода император добился полного подчинения церкви своей власти. Коренным образом обновилось и российское законодательство. Последовательная и решительная деятельность Петра дала России законы, покоившиеся на монолитном государственном начале.

Петр I принял от своих предшественников российскую провинцию в малоприспособленном

для его грандиозных планов виде. До него государство делилось на неравноценные по территории уезды, во главе которых стояли воеводы, и волости. Управление уездами из центра было неуклюжим. Особенно остро это сказывалось при добывании денег на содержание армии и для других общегосударственных нужд. Неслучайно Петр I решил реорганизовать местное управление, учредив губернии.

Так, 18 декабря 1708 г. появился короткий, но значимый по своей сути указ, в соответствии с которым в Российской империи были учреждены восемь губерний: Московская (39 уездов), Ингерманландская (29); с городами — Киевская (56), Смоленская (17), Архангелогородская (20), Казанская (71), Азовская (77) и Сибирская (30). Позднее император назначил Рижскую, Астраханскую и Нижегородскую, но ликвидировал Смоленскую, поделив ее территорию между Московской и Рижской губерниями. В результате образовалось десять губерний, главами которых, как правило, были назначены военные люди, командовавшие расположенными в губерниях войсками.

В первые годы царствования Петра I во главе управления государством стояла Боярская дума, хотя и основательно им «причесанная». В нее входили не только представители знатных родов, которые ранее окружали трон, но и выслужившиеся при царе люди. Изменилась и роль Думы, хотя она все еще собиралась на так называемые совещания. Отныне Петр I, уезжая за границу, поручал управление не Боярской думе, а отдельным, приближенным к нему вельможам. Так продолжалось до 1711 г.

Покидая пределы России по случаю войны с Турцией, 22 февраля 1711 г. царь издал указ «Об учреждении Правительствующего сената и бытии при оном розрядному столу вместо розрядного приказа, и по два комиссара из губерний».

Вскоре, 2 марта 1711 г., для всеобщего сведения было объявлено, что для «всегдашних» отлучек «определен управительный сенат, которому всяк и его указам будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или смертью, по вине смотря».

Прошло совсем немного времени и учрежденный лишь для отлучек государя Правительствующий сенат стал действующим и в его присутствии, т. е. превратился в высшее правительствующее учреждение государства. Тогда же ему были приданы и соответствующие судебные функции.

Вначале в Сенат входили девять высших сановников России: граф И. А. Мусин-Пушкин, князь П. А. Голицын, М. В. Долгорукий и Г. И. Волконский, Т. Н. Стрешнев, Г. Племянников, М. М. Самарин, В. А. Апухтин и Н. П. Мельницкий. Спустя год к ним присоединился князь Я. Ф. Долгорукий.

Конечно, не все шло гладко. Не сразу в полную силу заработал и Сенат — слишком велики были у многих инерция и тоска по прошлому. Однако забота императора о своем детище была большая, и надежды на него монарх возлагал немалые. Правда, столь же велико было и недоверие царя к самим сенаторам, ведь недаром законодательство того времени пестрит нормами, которые постоянно напоминают членам Сената об их обязанностях.

Выдающаяся заслуга Петра I заключалась в том, что он впервые в России создал органы, специально предназначенные для контроля и надзора за соблюдением законов. Вначале это был институт фискалов, затем — прокуратура.

Безусловно, фискалитет на одном из этапов своего развития сыграл положительную роль в обеспечении единообразного применения законов, даже в борьбе с преступностью. Однако признать, что он был старшим, да еще и кровным братом прокуратуры, слишком смело. В то же время глупо отрицать, что институт фискалов стал той предтечей, которая подготовила императора к мысли об учреждении в России прокуратуры. И несмотря на это, для принятия такого решения у государя были и другие резоны.

Должности фискалов Петр I учредил указами от 2 и 5 марта 1711 г. Обер-фискал состоял при Правительствующем сенате, но назначался непосредственно государем. Фискалы образовывались при всех центральных и местных органах: коллегиях, канцеляриях, судах и др. В их обязанности входило «тайно провеживать, доносить и обличать» обо всех нарушениях закона, злоупотреблениях, воровстве и всем прочем, что «во вред государственному интересу может быть». С этой целью они принимали доносы от частных лиц, имели право посещать все присутственные места, требовать для просмотра дела и документы.

Довольно скоро стало ясно, что в деятельности фискальной службы множество недостатков. Так, в случае обнаружения злоупотреблений со стороны сенаторов обер-фискал имел право вызывать их в суд. Однако воспользоваться этим правом он фактически не мог, ведь он подчинялся Сенату. Кроме того, пользуясь весьма широкими полномочиями и не чувствуя должной ответственности, многие фискалы не прочь были поживиться за счет тех мест, при которых они состояли. Таким образом, они сами погрязли в лихоимстве и злоупотреблениях. Почти открыто их стали ненавидеть, а само слово «фискал» приобрело значения «ябедник», «доносчик».

В Табеле о рангах по своему служебному положению фискалы относились к военнотрудовой номенклатуре. Их деятельность

заклучалась в надзоре «1) за исполнением должностными и частными лицами указов и регламентов 2) в попечении об имущественном, казенном интересе, и 3) в преследовании: а) казнокрадства, лихоимства чиновников и вообще должностных хищений и б) безгласных преступлений явно противогосударственного, противообщественного характера» [19].

В то же время фискалам не давалось права проводить расследование и руководить им. Они были полномочны только представлять материалы для расследования и контроля, «побуждать к тому другие высшие установления и содействовать им в восстановлении порядка или прав казны» [20].

Центральный аппарат фискальной службы находился в Петербурге. При обер-фискале была образована канцелярия, в распоряжении которой находился специальный дом приемов. В нем могли временно проживать фискалы, приезжающие из провинций по делам службы. У петербургских и провинциальных фискалов в подчинении находились солдаты для посылок и подьячие для письмоводства. В 1723 г. была введена должность генерал-фискала.

Изначально, опасаясь парализовать работу фискалов, Петр I предоставил им полную независимость, освободив их от ответственности за ложные доносы. Однако после учреждения фискалета волна недовольства его работой прокатилась по всей России. Буквально через год знаменитый рязанский митрополит Стефан Яворский выступил с гневной речью с кафедры Успенского собора, обращая внимание на безответственность и безнаказанность фискалов.

Мало помог и указ Петра I «О должности фискалов», изданный в 1714 г., в котором прямо прописывалась ответственность фискалов за подлог. Кроме того, оставался без контроля и пристрастия высший государственный орган — Правительствующий сенат.

Пытаясь усилить контроль за работой Сената, в 1715 г. государь вводит должность генерал-ревизора. Назначив на нее графа В. Н. Зотова, сына своего учителя Н. М. Зотова (22 августа 1711 г. был назначен государственным фискалом, но в должность так и не вступил), он делает его надзирателем, обязанным следить за исполнением всех его указов.

В узаконении давалось и иное наименование должности — «надзиратель указов». Пожалуй, оно точнее определяет характер его деятельности — наблюдение за исполнением указов. Генерал-ревизор был наделен царем и определенными полномочиями. Например, в случае неисполнения указов или при нарушении сроков их исполнения он имел право немедленно штрафовать нарушителей.

Однако и это введение оказалось малоэффективным, поэтому через три года, в 1718 г., должность генерал-ревизора была упразднена. Тем не менее в 1720 г. практически те же обязанности были возложены на обер-секретаря Сената А. Я. Шукина, который в силу большого доверия к нему императора с 1718 г. параллельно возглавлял еще и следственную канцелярию. «К обыкновенной должности обер-секретаря прилагается наблюдение за сенатом, за правильностью и порядком производства в нем дел и даже за законностью его распоряжений. В случае нарушений или упущений со стороны сенаторов, обер-секретарь должен немедленно обо всем лично и письменно доносить Государю» [21].

Шукин был чиновником деятельным, но 20 сентября 1720 г. он неожиданно скончался. Интересно, что полномочия его так и не были Петром I переданы преемнику.

Однако уже в 1721 г. надзор за Сенатом император неожиданно поручил штаб-офицерам гвардии с кругом обязанностей и полномочий еще более широких. Так, они даже имели право в случае упорства или невежливого поведения после трехкратного предупреждения арестовывать сенаторов-нарушителей.

Вот так последовательно, методом проб и ошибок Петр I приближался к идее учреждения в России института прокуратуры. Став в 1721 г. императором, он еще больше озаботился мыслью укрепления законности и усиления надзора за Правительствующим сенатом и всеми другими государственными учреждениями. Теперь он ясно понимал, что для выполнения этих функций стране необходим строго независимый, наделенный адекватным арсеналом властных полномочий, эффективно работающий орган, который бы не только следил, как выполняются принятые им законы, но и оперативно реагировал на выявленные нарушения. Ведь практически отовсюду все еще выглядывала дореформенная Россия, одетая в новый европейский кафтан, который везде жал и дисциплинировал.

Из сделанного обзора видно, что ни одно из нововведений не смогло полностью удовлетворить Петра I. Ставка на верных и усердных соратников, направленных на эту работу, тоже не дала желаемых результатов. Даже такой яркий человек и энергичный исполнитель воли государя, как обер-фискал А. Я. Нестеров, много сделавший для поднятия авторитета фискалитета и борьбы с должностными преступлениями, не удержался от соблазнов. А ведь поначалу так лихо брался, так ратоборствовал! Его первые доклады — это бесконечное обвинение чиновничества. Опираясь на доверие царя, он вступал в бой со многими сильными мира. Среди них были князь Меншиков

и сенаторы князя Волконский и Долгорукий, граф Мусин-Пушкин и многие другие. Как же они радовались, когда узнали, что Нестеров попался на злоупотреблениях! Однако еще больше они взбодрились от известия о том, что их прежний притеснитель, отданный в руки только что назначенного генерал-прокурора Ягужинского, после проведенного расследования казнен разгневанным государем.

Бесславная кончина Нестерова стала сильным ударом по и без того дискредитированному институту обер-фискалов, который так больше и не поднялся до прежних высот, а в декабре 1729 г. при Петре II и вовсе был разгромлен.

Во времена Анны Иоанновны фискальная канцелярия в указе от 15 мая 1730 г. называется уже бывшей, а «дела ее, книги, денежная казна и «канцелярские приборы» распределяются между различными присутствующими местами». И все же ординарных гражданских фискалов пережили фискалы в армии, «в духовном ведомстве и местные фискальские чины в Остзейских провинциях» [22]. Они дожили аж до царствования Екатерины Великой.

Можно ли из сказанного сделать вывод, что Петр I действовал только эмпирически и подыскивал надзорно-контрольный инструментарий из арсенала средств, которые давала ему русская жизнь? Конечно нет. Тот же институт фискалов царь ввел после тщательного изучения, в том числе зарубежного опыта (в частности, Германии и Швеции).

Известную роль здесь сыграл Г. Фик (в России его звали Андреем Ивановичем), приглашенный Петром из Голштинии. Знаток шведского законодательства, впоследствии ставший вице-президентом коммерц-коллегии, он представил царю обстоятельное предложение о введении фискалитета в России. Как видно, царь принял его. Конечно, это было заимствованием зарубежного опыта, но с учетом суровых отечественных реалий.

Именно Г. Фик сыграл одну из ключевых ролей в реформах Петра I. Будучи генератором идей, при необходимости он выступал и их исполнителем. Например, когда коллегиальная реформа, порученная Петром Великим Я. В. Брюсу, забуксовала, за дело взялся Г. Фик. И, надо сказать, оно сразу сдвинулось с места. Вскоре Я. В. Брюс вовсе устранился и реформу завершил Г. Фик. Так что можно смело согласиться с теми исследователями, которые считают, что господин Фик был частью великого времени петровских преобразований.

Большую роль сыграл Г. Фик и в формировании у Петра I решения об учреждении в России института прокурорского надзора. Отправившись по заданию Петра Великого в Швецию для изучения и сбора необходимых для реформ материа-

лов, он прекрасно справился с секретным поручением. Фик собрал и тайно вывез оттуда несколько сотен регламентов и разных ведомостей. Покидая Стокгольм, он вшил документы под юбки жене и раздал на временное хранение шкиперам, материально заинтересовав их. «На возвратном пути из Швеции три раза находился в бедах от морского страху», на его глазах тонули корабли и гибли люди.

Интересно заметить, что после той поездки Фик предложил русскому царю создать при Сенате особую канцелярию (1718 г.), а также ввести должность высшего полномочного лица в делах юстиции, который бы сдерживал власть Сената и которому были бы подчинены и фискалы [23]. Думается, прав оказался Н. В. Муравьев, увидевший в том «сущность будущего прокурорского надзора» [24].

Тем не менее стало бы большой ошибкой утверждать, что Петр I, принимая через пять лет решение об учреждении института прокуратуры, внимал аргументам одного Г. Фика. Об этом красноречиво свидетельствуют историко-юридические факты. Находясь в поиске, преобразователь России лично изучал этот вопрос, собирал разные мнения, документы, ездил в другие страны и присутствовал, в частности, на заседаниях, в которых участвовали прокуроры.

Наиболее показательным стал выезд государя в 1717 г. во Францию. В Париже царь пожелал присутствовать на заседании Парламента (высший суд королевства) и был удостоен такой чести. Так, 19 июня 1717 г. специально для него было созвано высокое собрание, находившееся во Дворце правосудия на острове Сите. Важно отметить, что оно проводилось без чрезвычайной нужды, к тому же в каникулярное время.

Архивы Парижского парламента сохранили документы, в которых запечатлена эта встреча. В них описаны многие важные детали. Сообщалось, что в тот день «господа председатели надели свои судейские шапочки и облачились в меха и мантии, отороченные горностаем» [25]. Одевались они так только тогда, когда сам король участвовал в заседании Парламента. Перед открытием и закрытием заседания все присутствующие почтительно поклонились Петру I. В общем в высоком собрании была создана такая обстановка, как при королевском присутствии.

Основную часть заседания заняло рассмотрение «тяжбы между неким господином Бернардом и иными заинтересованными лицами». Заключение давал генерал-адвокат «монсьеюр Гийом де Ламуаньон» [26] (помощник генерального прокурора. — А. Г.), который выступал с прокурорского места. Он лаконично подвел итоги, сделав реверанс русскому царю. Прокурор сказал, что

обстоятельства доложенного дела сами по себе столь незначительны и малы, что недостойны внимания Петра Великого. В то же время он отметил, «что, несмотря на закон, обязывающий их проявлять сдержанность, они не могут не поздравить Парламент за ту честь, которую он оказывает ему своим присутствием» [27].

Свою речь прокурор закончил красиво и пафосно: «Еще не было примеров тому, чтобы государь столь далекой от нас империи, такой могущественной как в Европе, так и в Азии, пожелал бы присутствовать на высоком собрании. Если истории будет угодно сохранить для будущих поколений добродетели и великие дела этого выдающегося человека своего времени, то храм правосудия должен считать этот день одним из самых памятных дней, и летопись Парламента должна навсегда сохранить воспоминания о нем» [28].

Петр I, присутствующий на заседании вместе с переводчиком, внимательно слушал и следил за происходящим. Более всего, отмечал в своих воспоминаниях маркиз Данжо, на русского царя произвели впечатление «внешняя обстановка суда и одевания судей» [29].

Думается, что увиденное и услышанное навсегда осталось в памяти государя. И когда он в 1722 г. принимал решение об учреждении прокуратуры и мысленно окидывал годы прошедшие, то, безусловно, вспоминал это событие. Так что еще за год до сделанного его голштинским советником предложения Петр I сам многое увидел, пережил и передумал. Иными словами, инициатива Фика легла на благодатную почву. Правда, еще целых пять лет царь хорошим лемехом пахал русское правовое поле, прежде чем нива будущей прокурорской жизни дала первые всходы.

-
1. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 9. Курс русской истории. М., 1990.
 2. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. С. 498.
 3. Кареев Н. И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб., 1905. С. 8.
 4. Там же.
 5. Монтескье Ш.-Л. Указ. соч.
 6. Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1996. С. 339.
 7. Соловьев С. М. Сочинение в восемнадцати книгах. Кн. I. Т. 1–2. М., 1988. С. 228.
 8. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 348.
 9. Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 305.
 10. Градовский А. Д. Администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. М., 1866. С. 1.
 11. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 161–162.
 12. См.: Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности, М., 1889. С. 245.
 13. Там же. С. 244.
 14. См.: ПСЗ РИ-1. Т. I. № 65.
 15. См.: Там же. № 101. О событиях, повлекших принятие столь необычного нормативного акта, см.: Костомаров Н. И. История Руси Великой. В 12 т. Т. 2. Русская история в биографиях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 278–279.
 16. См.: История прокуратуры России. Историко-правовой анализ / под ред. А. Г. Звягинцева. М., 2010. С. 79.
 17. Записные книжки И. Е. Забелина. 50-е годы XIX века // Рос. архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. V. М., 1994. С. 136.
 18. Погодин М. П. Петр Великий // Погодин М. П. Историко-критические отрывки по русской истории. М., 1860.
 19. Муравьев Н. В. Указ. соч.
 20. Там же.
 21. Петровский С. А. О сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 127.
 22. Там же.
 23. См.: Там же.
 24. Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 269.
 25. Desmaze C. A. Le parlement de Paris. Cosse et Marchal. P., 1860. P. 221–222.
 26. Там же.
 27. Там же.
 28. Desmaze C. A. Op. cit.
 29. Journal du marguis de Dangeau. P., 1860. T. 18. P. 410–412.

Мировоззренческие коллизии права (в лабиринтах справедливости)

Ideological Conflicts of Law (in the Labyrinth of Justice)

В статье рассматривается понятие мировоззренческой коллизии права, ее смысл, связь с пониманием справедливости, анализируется структура правового мировоззрения личности и общества, выделяются следующие уровни: мирозерцание, мирообъяснение, мировосприятие. Классификация мировоззренческих коллизий права сопровождается историческими примерами. Автор вводит понятие мировоззренческого толкования права, показывает роль феноменологии и герменевтики при рассмотрении противоречий в понимании справедливости.

Мировоззрение; мировоззренческая коллизия; справедливость; конфликт представлений о справедливости; мировоззренческое толкование права

The article discusses the concept of ideological conflicts of law, its meaning, relationship with the understanding of justice. The authors analyze the structure of the legal world of the individual and society, are allocated levels worldview. Classification of the ideological conflicts of rights is accompanied by historical examples. Introduces the concept of the philosophical interpretation of law. The role of the phenomenology and hermeneutics in considering contradictions in understanding of justice.

Worldview; ideological conflict; justice; conflict of ideas of justice; ideological interpretation of the right

В каждом законе надо как бы разбудить заснувшую в нем справедливость. В каждом законе надо уметь найти то, что может одобрить правовая совесть человека; и это найденное надо делать руководящим началом.

И. А. Ильин [1]

Предметом данной статьи служат *мировоззренческие коллизии права*, под которыми понимают столкновения мировоззренческих взглядов различных субъектов в процессах правотворчества и правоприменения. Конфликты эти не всегда связаны с правом, но столкновения в данной

сфере нередко имеют в своей основе острые социальные и, как следствие, мировоззренческие противоречия. (Термин «коллизия» (от лат. *collisio* — «столкновение») имеет различные смысловые оттенки в разных областях жизнедеятельности. В данном рассуждении это понятие применяется в значении

«столкновение», «противоречие», более широко, чем юридические термины «коллизийная норма» или «коллизийное право» [2].)

Мировоззренческие коллизии в области права проявляют себя прежде всего в форме противостояния различных трактовок *справедливости*. Создатель теории справедливости Дж. Роулз отмечал «отсутствие меры согласия в отношении того, что справедливо и что несправедливо» и утверждал, что «различные концепции справедливости вырастают из различий в понимании общества». Считая право «базовым институтом публичной регуляции справедливости», он в то же время показывал его незащищенность от общественного понимания содержания и критериев справедливости [3].

Представляется, что «инструментом» изучения, типизации мировоззренческих коллизий права могут служить представления о структуре *мировоззренческого сознания общества и личности*. Следуя сложившимся подходам, в структуре мировоззренческо-правового сознания личности целесообразно подчеркнуть три основных уровня:

- *мировоззренческое созерцание глубинной сущности права* с позиций высших сущностей бытия;
- *мировоззренческое объяснение права как общественного явления*, рациональное объяснение явлений права действием определенных общественных факторов (социальных субстанций);
- *мировоззренческое восприятие* явлений правовой деятельности как чувственно-эмоциональный процесс, связанный с обыденными факторами повседневного правового бытия.

На каждом уровне принято различать мировоззренческие *знания, ценности, убеждения*. В результате возникает представление о многомерной структуре возможных мировоззренческих коллизий правовой деятельности и, как следствие, конфликтов в понимании справедливости.

Под *мировоззренческим созерцанием* в данном контексте понимается наиболее абстрактный уровень постижения сущности права [4]. Право как социальный институт обычно устанавливается на *основе государственно культивируемых форм миросозерцания*. К таким относятся: анимистическое, мифологическое, религиозное, философское миросозерцание и различные смешанные типы. Иными словами, наиболее типичными и распространенными являются коллизии, связанные именно с господствующим, государственным, законообразующим миросозерцанием.

К исторически первым можно отнести мировоззренческие коллизии *между публичной (нормообразующей) моралью и личностью в рамках сложившихся общественных традиций*. В анимистическом обществе они связаны с «принципом

табу», соблюдение которого охранялось репрессивными мерами и страхом перед мстостью духов. Бывали случаи, когда люди, имевшие несчастье нарушить табу, скорострительно умирали от страха перед неминуемой небесной карой [5]. В современном мире у каждого народа существуют свои «священные коровы», охраняемые традиционным нравственным чувством.

В мифологическом обществе возникла коллизия между доктринально оформленным *государственным мировоззрением и повседневно-суеверными установками*. Например, законы Хаммурапи содержат мифологическое обоснование права: «Когда Мардук направил меня, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране счастье, тогда я вложил в уста страны истину и справедливость». С этих позиций закон безжалостно искоренял «духовно конкурирующие» суеверия [6].

По мере развития философии она начала претендовать на ведущее место в миросозерцании и связанных с ним конфликтах. *Мифофилософский* характер носил процесс софистов против Сократа, который «первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнен по суду» [7].

Проявления в праве противоречивости *религиозного и языческого* миросозерцания могут быть проиллюстрированы историей Древнего Рима, богатой вначале государственным гонением первых христиан, а затем не менее жестким властно-правовым преследованием сторонников язычества и философии.

В условиях господства *государственной религии* последняя стремится с помощью власти разрешать мировоззренческие противоречия с воззрениями *еретиков*. Как утверждает в Священном писании, апостол Петр говорил о «пагубных ересях» (2 Пет. 2:1), а апостол Павел помещал «ереси» в один ряд с грехами волшебства и идолослужения (Гал. 5:20), что явилось оправданием судов инквизиции [8].

Примером государственно-властного вторжения в сферу *внутрирелигиозных противоречий* может служить печально известная Варфоломеевская ночь, во время которой произошла самая ужасная религиозная резня столетия. *Межрелигиозные противоречия* нередко использовались властями в качестве инструмента достижения политических целей, например крестовые походы, участникам которых гарантировалось отпущение грехов.

Господство Церкви дало примеры инквизиционных судебных процессов по отношению к представителям *научного мировоззрения*. Основателя учения о множественности миров Дж. Бруно инквизиционный трибунал признал *нераскаявшимся*,

упорным и непреклонным еретиком. В ответ на приговор Бруно заявил: «Сжечь — не значит опровергнуть!» Из приговора инквизиции по делу Г. Галилея: «Признаем тебя послушником церковной власти, запретившей тебе излагать, защищать и выдавать за вероятное учение, признанное ложным и противным Святому Писанию» [9].

Государство с помощью права активно вмешивалось в мирозерцание ученых. Известно, что И. Ньютон скрывал свое критическое отношение к идее Святой троицы, поскольку законодательный акт 1698 г. «О подавлении богохульства и нечестия» за отрицание любого из лиц Троицы предусматривал поражение в гражданских правах, а при повторении данного преступления — тюремное заключение [10].

Примером правового преследования сторонников религии со стороны светской государственности является антирелигиозная репрессивная кампания в первые годы советской власти.

Свидетельством противоречивости тоталитарной идеологии и научного мировоззрения могут служить репрессии «государства диктатуры пролетариата» по отношению к кибернетикам, генетикам. В адрес научной и творческой интеллигенции, изгоняемой из страны в ходе акции «Философский пароход», Л. Троцкий сказал: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [11].

Не менее разнообразны коллизиями уровень мировоззренческого объяснения социальной природы права. Речь идет об объяснении (интерпретации) природы права с позиций так называемой социальной субстанции права. Как показывает история, к таким субстанциям могут быть отнесены: закон, норма, добро, свобода, равенство, польза, разум, общее благо, патриархальность, интересы, воля господствующего класса и др. [12]. Попытаемся показать наиболее распространенные виды противоречий этого уровня:

- коллизии между общечеловеческой моралью, выраженной в нормах международного права, и национальными устремлениями отдельных государств. Основопологающим примером служит деятельность Международного военного трибунала в Нюрнберге, который стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба [13];

- противоречия между общечеловеческими ценностями и партикулярными, прежде всего классовыми устремлениями нередко выражаются идеей «революционного правосознания масс». В. С. Нерсисянц писал, что «история формирования советской теории права и государства и юридической науки в целом — это история борьбы против государственности и права в их некоммунистиче-

ском смысле и значении, против юридического мировоззрения как сугубо буржуазного» [14];

- коллизии между противоборствующими политическими установками: националистическими, классовыми, партийными. В качестве характерного примера может рассматриваться процесс по делу о поджоге рейхстага, инициированный нацистами в 1933 г. Георгий Димитров подчеркивал: «Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни» [15];

- противоречия между государственной идеологией и политическими настроениями отдельных людей — феномен «инакомыслия». В тоталитарных государствах инакомыслие преследуется и наказывается вплоть до смертной казни. Примером активного инакомыслия, переходящего в антигосударственные действия, может служить попытка угона военного корабля в 1975 г. замполитом В. Саблиным, расстрелянным по приговору суда. «Моими действиями руководит только одно желание — сделать, что в моих силах, чтобы народ наш, хороший, могучий народ Родины нашей разбудить от политической спячки, ибо она сказывается губительно на всех сторонах жизни нашего общества» [16];

- противоречия между представлениями об общем благе и индивидуальной пользой отдельной личности, между патриотической и либеральной идеями. Сюда можно отнести противоречия между идеологией воинского служения Отечеству и пацифистскими настроениями;

- нравственно-правовые коллизии между законными интересами, устремлениями личности и их игнорированием со стороны государства. Достаточно вспомнить судьбы некоторых ветеранов Великой Отечественной войны: «И победитель нищим вдруг остался, на улице, с протянутой рукой» [17];

- противоречия между индивидуальными, частными интересами отдельных личностей в различных областях жизни. Достаточно сравнить, с одной стороны, нравственные усилия Ф. Н. Плевако по ограничению вмешательства закона в дела семьи (дело Новохацких), а с другой — призывы Ф. М. Достоевского о правовой защите детей, истязаемых в семьях (роман «Братья Карамазовы»). Известны случаи, когда бытовые мировоззренческие конфликты приводили к убийствам [18];

- коллизии между действующим, позитивным правом и проявлениями психологического права, распространенными в обществе обычаями, традициями, привычками. Примером может служить неприятие значительной частью российского общества моратория на применение смертной казни.

В контексте нашего рассмотрения важно подчеркнуть, что мировоззренческие коллизии общества, прежде чем принять социально-практические формы, разворачивались в *сознании отдельных людей, их душах, мировоззрении*. Здесь немаловажную роль играют факторы психологического характера, чувства стыда, раскаяния, укоров совести, долга, сострадания, а также их антиподы [19].

Мировоззренческое восприятие права многообразно, оно может быть позитивным или негативным, оптимистическим или пессимистическим, активным или пассивным. Позитивно-оптимистическое правосознание образует фундамент комфортного социально-правового самочувствия человека в обществе. Негативно-пессимистическое правосознание — это комплекс пассивных униженных и оскорбленных или активных правонарушителей.

Наиболее острыми традиционно выступают *противоречия между мировосприятием активных борцов за законность и противостоящих им озлобленных противников правопорядка*. На одном полюсе — самоотверженные борцы за справедливость [20], на другом — омерзительные фигуры типа Чикатило, который пытался спрятаться за мнимыми психоболезнями, в зале суда обнажал половые органы, утверждал, что он беременный и кормящий [21].

В структуре правового сознания личности может существовать противоречие между *общественно ориентированными мировоззренческими идеями, прививаемыми личности, и ее антиобщественными психологическими установками*. Наиболее одиозной фигурой в этом отношении выступает «неправедный судья», который «Бога не боялся и людей не стыдился» (Лк, 18). По свидетельству Геродота, один из персидских царей за то, что судья, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло [22].

Несмотря на многообразные мировоззренческие противоречия, проявляющиеся в личности, сама личность психологически всегда целостна, она интегрирована *убеждениями, волей*. Так, судья, берущий взятки, прекрасно знает теорию права и может прочитать лекцию о профессиональной этике, но если он внутренне убежден, что «все берут», то последнее оказывается решающим. Как вешал незабвенный судья Ляпкин-Тяпкин, «Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми шенками. Это совсем иное дело».

Правовые убеждения концентрируются вокруг *понимания справедливости*. Идея справедли-

вости не требует строгой логичности, как и взаимного соответствия всех уровней и форм мировоззрения. Она относится к миру ценностных отношений, личностных идеалов, носящих в значительной мере *субъективный* характер.

Если юрист в своих убеждениях исходит из общего блага, то и справедливым он полагает то, что служит обществу и каждому человеку. Так, А. Ф. Кони писал: «Наука о праве в своих обширных разветвлениях везде говорит о началах справедливости и уважения к достоинству человека» [23]. Иное представление о «справедливости» у преступника. П. Ласенер (1800–1836) — поэт, вор и убийца, известный своей жестокостью, в стихах и мемуарах изображал себя жертвой общества, сознательным мстителем, воодушевленным идеями борьбы с социальной несправедливостью. Он говорил: «Гюго написал прекрасную книгу “Последний день приговоренного к смерти”, но если бы дали мне срок, я бы перешеголял его» [24]. В это можно поверить, если учесть, что нож гильотины несколько раз падал, не достигая его головы, и последний смертельный удар он встретил, глядя вверх.

По-видимому, в каждом юридическом процессе можно встретить разные мировоззренческие установки и соответственно представления о справедливости. Например, А. Ф. Кони, вспоминая дело Веры Засулич, учил мышление и поведение всех действующих исторических личностей «сообразовывать с мирозерцанием эпохи» [25]. С одной стороны, выступают прогрессивные представители судебной власти, утверждающие первенство закона с учетом всех социальных и психологических факторов. «Суду не следует служить органом общественного мнения... Но суд, оставаясь живым организмом, а не мертвым механизмом, не может не отражать в своем приговоре голоса общественной совести, которая выражается и в твердом слове закона и в проникающем этот закон духе» [26]. С другой стороны, можно видеть нарастающее общественное недовольство, ширящееся движение за социальные преобразования. Кроме того, «между судом и политическими преступниками резко вторгается грубая рука административного произвола» [27]. (Незаконно высеченный по приказу генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова студент А. С. Боголюбов через два года умер в тюремном госпитале «в состоянии мрачного помешательства».)

«Не с процесса Засулич, как думали близорукие и тупоумные политики, а с сечения Боголюбова надо считать начало возникновения террористической доктрины среди нашей «нелегальной» молодежи. С этого момента идея “борьбы” заменяется идеей “мщения”...» [28] Глубокое потрясение, пережитое В. И. Засулич (которая лично

не знала Боголюбова) послужило причиной того, что именно она явилась сознательным исполнителем идеи *общественного отмщения*. «Суд присяжных, образованный по неоднократному жребию, есть суд божий», именно он вынес оправдательное решение. Наконец, «царил» над всем этим многообразием «ничтожный» министр юстиции, граф К. И. Пален, который был «не слуга своей страны, а лакей своего государя» [29]. Именно этому, «судие неправедному», Кони отвечал: «Меня упрекают в том, что я не нарушил закона. Но я — судья, а не агент власти, действующий по усмотрению» [30].

Трудно не только анализировать, но даже перечислять мировоззренческие коллизии, проявившиеся в деле Засулич. Однако отчетливо видны два обстоятельства: с одной стороны, разнообразные общественно значимые мировоззренческие установки проявляют себя всегда через *поведение отдельных людей*, в личностной форме; с другой — каждая установка основана на *убеждении личности в справедливости своей позиции*.

Повторим, что *объединяющая роль права не отрицает возможности коллизий в понимании справедливости*. Здесь уместно привести слова В. С. Соловьева: «Основной естественный принцип политического общества есть законность, или право, как выражение справедливости, причем разумеется, что частные формы или проявления этого принципа ... имеют характер совершенно относительный и временный, так как необходимо определяются различными изменяющимися историческими условиями» [31].

Социально-правовая система общества может сохранять стабильность и способность к самосовершенствованию только в том случае, если люди, обладающие различающимися мировоззренческими установками, могут *понять друг друга, осмыслить требования закона, найти общий язык*. Вот почему основным процессом, концентрирующим в себе «мировоззренческие баталии», выступает *толкование права*. Известен широкий перечень способов толкования права, органично связанных между собой [32]. С точки зрения философии права, объединяющим, интегрирующим элементом должно послужить *мировоззренческое толкование права*.

Целью мировоззренческого толкования является не поиск и утверждение «единственно верного» подхода, содержащегося в законе и нуждающегося только в уяснении и разъяснении. Мировоззренческо-правовой подход служит:

- для определения *базового (конституционного) смысла справедливости*, выражающего общие интересы и заложенного в действующем праве;
- выявления *разных аспектов идеи справедливости*, провозглашаемых конфликтующими

участниками юридического процесса применительно к конкретному случаю;

- достижения *взаимного понимания той доли справедливости*, которая присуща позициям противостоящих сторон;

- выработка *взаимоприемлемого толкования справедливости*, позволяющего согласиться (полностью или с оговорками) с «мировоззрением закона», или совместно выступить с легитимной инициативой по его коррекции.

Основной процесс и результат мировоззренческого толкования — достижение *взаимного понимания* смысла справедливости, присутствующего как в законе, так и во взглядах оппонентов. (Прежде всего необходим общий язык общения. Его предлагают *герменевтика и феноменология*, помогающие выявить внутренний, интимный контекст сознания личности, идеи справедливости. Эти науки взаимно дополняют друг друга. Герменевтический подход предполагает, что методов объяснения и интерпретации, традиционных для естественных наук, недостаточно для проникновения в духовную сущность, смысл личности. Здесь требуется *понимание*, достижимое путем *эмпатии*, эмоционально окрашенного сочувствия, сопереживания, сострадания. Феноменология, со своей стороны, показывает природу интегрального смысла личности как проявления ее внутренней активности, *интенциональных* способностей сознания, находящих проявление во взаимодействии личности с внешней средой.) Духовное взаимодействие в сфере мировоззренческо-правовых коллизий можно представить в виде диалогов, в процессе которых не только обнажаются существующие мировоззренческие противоположности, но и появляются возможности конструирования объединяющей *интерсубъективной* идеи справедливости.

Классическим примером противоречивой эволюции идеи справедливости в сознании личности могут служить духовные блуждания Родиона Раскольникова, описанные Ф. М. Достоевским [33].

Противоречивы *чувственные* представления Раскольникова о справедливости совершенного им деяния. Всем своим видом старуха-процентщица вызывает у него омерзение: «Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей». Однако задуманное им действие еще более отвратительно: «И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!..» Сердце его искренне тянется к *справедливости*, но близким людям

он все прощает: «О, милые и несправедливые сердца!»

Неоднозначна оценка справедливости прошедшего и в доводах *рассудка*. «Справедливо как арифметика... Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу». В то же время он слышит разговор: «А скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет? — Разумеется, нет! Я для справедливости... — А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!». И, как результат, презрение к самому себе, потому что «возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, ...из всех вшей выбрал самую наименее полезную... потому что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь».

Противоречивы и *мировоззренческие* идеи о природе справедливости. Первоначально он считает: «Люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово ... Второй разряд, все преступают закон... Если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь...». Ответ Разумихина: «Ведь это разрешение крови по совести, ...по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение крови проливать, законное... — Совершенно справедливо, страшнее-с, — отозвался Порфирий». Постепенно к Раскольникову приходят сомнения: «Я уже никогда более не повторил бы убийства. ...Мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...». И в результате: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!»

В конечном итоге в *чувствах* Раскольников порицает себя: «Не плачь обо мне: я постараюсь быть и мужественным, и честным, всю жизнь, хоть я и убийца». К *рассудочной* человеческой справедливости его призывает следователь: «Коли сделали такой шаг, так уж крепитесь. Тут уж справедливость. Вот исполните-ка, что требует справедливость ... жизнь вынесет». Но

рассудок, логически оглядывающий жизнь, противоречив: «Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!» И только в сфере *высшего созерцания* природы справедливости видится обнадеживающий выход из мировоззренческого тупика запутавшегося в логике человека. Раскольников «предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь». «В этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь... Под подушкой его лежало Евангелие».

Подвести итог рассуждениям о мировоззренческих коллизиях вокруг идеи справедливости хотелось бы мыслью Ф. М. Достоевского: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда *страданием*. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственное чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретает опытом *pro* и *contra*, которое нужно перетасить на себя» [34].

По сути, верно: *через страдание — к справедливости и праву, ведь право — всегда конфликт справедливостей, а конфликт справедливостей — всегда страдание*. Эта мысль напрашивается и на примере французской медсестры, работавшей в доме престарелых, которая для облегчения страданий больных стариков делала им смертельную инъекцию. Эвтаназия во Франции запрещена законом, хотя Национальный совет Врачебного ордена выступил с рекомендацией легализовать ее [35]. Здесь страдает все, претендующее на справедливость: общественная мораль, профессиональный долг, человеческое милосердие, гуманизм права... И даже долгожданное избавление от мучений обретает преступное измерение. Думается, из этого сгустка «страдающих справедливостей» вырастет новая справедливость права.

Разумеется, в своей профессиональной деятельности юрист следует праву и той «*принудительной справедливости*» [36], которая заключена в законе, но только в соединении закона с мудростью жизни может он обрести способность ориентироваться в противоречивых лабиринтах справедливости.

1. Ильин И. А. Путь духовного обновления [Электронный ресурс] // *Философия от античности до современности*. М., 2004. С. 73802. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
2. См.: Кротков Е. А. Конфликты на мировоззренческой основе // *Здравый смысл*. 2012. № 3–4.
3. См.: Роулз Дж. Теория справедливости : сайт. URL: <http://www.ethicscenter.ru/biblio/b1.html> (дата обращения: 30.12.2013).
4. См.: *Новейший философский словарь*. М., 1998. С. 632.
5. См.: Табу // *Википедия — свободная энциклопедия* : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%B1%D1%83> (дата обращения: 30.12.2013).
6. См.: *Законы Хаммурапи, царя Вавилона : хрестоматия по всеобщей истории государства и права*. М., 1998. С. 10.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 99–105.
8. См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в Средние века. Т. 1. СПб., 1911.
9. См.: Галилей // *Википедия — свободная энциклопедия* : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B9> (дата обращения: 30.12.2013). См. также: Григулевич И. Р. «Раскаяние» Галилея // *Инквизиция*. М., 1976.
10. См.: Вавилов С. И. Исаак Ньютон. М.; Л., 1945.
11. *Философский пароход* // *Википедия — свободная энциклопедия* : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 30.12.2013).
12. Подробно см.: Мальков Б. Н. *Философия права : электр. учеб.-метод. комплект*. М., 2013.
13. См.: Звягинцев А. Г. *Главный процесс человечества*. М., 2011.
14. Нерсесянц В. С. *Философия права*. М., 1998. С. 163, 237–249.
15. Димитров Г. М. Я сын рабочего класса Болгарии // *Библиотека comstol.info* : сайт. URL: <http://comstol.info/2012/07/biblioteka/4153> (дата обращения: 30.12.2013).
16. Саблин В. М. // *Википедия — свободная энциклопедия* : сайт. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%BD_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 30.12.2013).
17. Симаченко Ю. Победитель // *Стихи.ру* : сайт. URL: <http://www.stihi.ru/2011/01/18/3482> (дата обращения: 30.12.2013).
18. См.: *И мировоззренческий конфликт во Владимире* // *Мир-ТВ* : сайт. URL: <http://www.mirtv33.ru/2012/10/mirovozzrencheskij-konflikt/> (дата обращения: 30.12.2013).
19. См.: Фролов И. Т. и др. *Введение в философию* : сайт. URL: <http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Philos/frol/index.php> (дата обращения: 30.12.2013).
20. См.: Юрист, ученый, педагог, исследователь муз, души и права (посвящается А. И. Алексееву) : изб. соч. / под ред. С. И. Герасимова. М., 2013.
21. См.: Чикатило А. Р. // *Википедия — свободная энциклопедия* : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%BE> (дата обращения: 30.12.2013).
22. См.: Геродот. *История*. М., 2008. См. также: *Законы Хаммурапи, царя Вавилона ...* С. 10.
23. Кони А. Ф. *Избранные произведения*. М., 1980. С. 258.
24. *Процесс Ласенера* : сайт. URL: <http://small.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/FEBRR/Lasener.htm> (дата обращения: 30.12.2013).
25. Кони А. Ф. *Указ соч.* С. 7.
26. Там же. С. 258.
27. Там же. С. 34.
28. Там же. С. 38.
29. Там же. С. 80.
30. Там же. С. 169.
31. Соловьев В. С. *Философские начала цельного знания [Электронный ресурс] // Философия от античности до современности ...* С. 84012.
32. См.: Нерсесянц В. С. *Общая теория права и государства*. М., 1999. С. 494–497; Алексеев С. С. *Право: азбука–теория–философия. Опыт комплексного исследования*. М., 1999. С. 137 и др.
33. См.: Достоевский Ф. М. *Преступление и наказание* // *Собр. соч.* : в 20 т. М., 1998. Т. 5–6.
34. Цит. по: Достоевский Ф. М. Там же. Т. 6. С. 327.
35. См.: *Во Франции медсестра отравила постояльцев дома престарелых из милосердия* // Телекомпания НТВ : сайт. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/774756/#ixzz2uWMLA1oP> (дата обращения: 30.12.2013).
36. См.: Соловьев В. С. *Указ соч.*

**Реквизиция имущества как основание
возникновения обязательств
по возмещению правомерно причиненного вреда**

**Seizure of Property as a Substantiate Base
to Liabilities Caused by Lawful Trespass**

Статья посвящена определению правовой природы реквизиции. Автор обращает внимание на вопросы, которые требуют урегулирования, предлагает пути решения проблемных ситуаций. В частности, предлагается упразднить существующий судебный порядок возврата сохранившегося реквизированного имущества.

Реквизиция имущества; обязательства по возмещению вреда; правомерное причинение вреда

Article is devoted to the definition of the requisition legal nature. Author draws attention to issues that need to be adjusted and offers solutions for problem situations. Particularly, it is proposed to abolish the existing judicial procedure of preserved requisitioned property restitution.

Seizure of property; liabilities caused by lawful trespass; lawful trespass

Реквизиция (от лат. *requisitio* — «требование») представляет собой принудительное изъятие имущества у собственника в интересах общества по решению государственных органов. В соответствии со ст. 242 ГК [1] реквизиция возможна в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер. Иными словами, она связана с неожиданными событиями, которые объективно могут потребовать применения крайней меры в виде изъятия государством в административном порядке имущества, принадлежащего на правах частной собственности физическим или юридическим лицам [2].

Определяя правовую природу отношений по реквизиции имущества, Е. Н. Афанасьева справедливо указывает на их недоговорный характер

в связи с отсутствием значения воли стороны — собственника изымаемого имущества [3]. От односторонних сделок реквизиция отличается тем, что волеизъявление одной стороны в такой сделке влечет обязательства для нее самой, тогда как воля государственного органа имущества налагает обязанность на организацию или гражданина [4]. Кроме того, по мнению автора, реквизиция несравнима с обязательствами из причинения вреда, потому что изъятию имущества не предшествует причинение собственнику вреда [5]. Такое предположение сделано Е. Н. Афанасьевой, по-видимому, в связи с тем, что первоначальной проблемой представляется регулирование процесса изъятия имущества. В момент принятия решения об изъятии имущества действительно нет возможности говорить об обязательствах по возмещению вреда.

Основанием для реквизиции является сложный юридический состав, который включает в себя наличие определенных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер (стихийные бедствия, аварии, эпидемии, эпизоотии и т. п.), а также административный акт [6]. Такой юридический состав позволяет совершить изъятие имущества у собственника, однако не влечет за собой возникновение обязательств по возмещению вреда. Для последних необходим именно факт причинения вреда. Иными словами, пока имущество, подлежащее реквизиции в соответствии с решением уполномоченного государственного органа, реально не изъято у собственника, обязательства по возмещению вреда не возникают. Основанием для них может служить только свершившийся факт реквизиции.

Представляется, что вследствие реквизиции возникают обязательства по возмещению правомерно причиненного вреда. Реквизиции имущества присущи все признаки, являющиеся обязательными условиями для возникновения таковых обязательств. Так, правомерность действий государственных органов обуславливается наличием обстоятельств, носящих чрезвычайный характер, а также прямым указанием закона (в ст. 242 ГК) на возможность изъятия имущества при данных обстоятельствах. Причинно-следственная связь между действиями государственных органов и причинением вреда прослеживается при переходе права собственности от физического или юридического лица к государству (в лице государственного органа). Наличие вреда подтверждается тем, что реквизиция имущества в соответствии со ст. 235 ГК является основанием для прекращения права собственности.

Итак, реквизиция имущества влечет за собой возникновение обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов. Несмотря на то что большинство авторов усматривают в реквизиции административно-правовую природу, следует все же признать ее основанием возникновения гражданско-правовых отношений.

Правомерность изъятия имущества у собственника, разрешение противоречия гражданско-правовых норм конституционно-правовым, а также определение порядка такого отчуждения требуют научного обоснования, заслуживают отдельного, более глубокого исследования, предваряющего принятие специального закона «О реквизиции». В рамках данной статьи позволительно указать на необходимость законодательного закрепления норм о возмещении причиненного реквизицией вреда. Следует учитывать все особенности, накладываемые на данные обязательства, во-первых, специальным субъектом обязательств, во-вторых, правомерностью причинения вреда.

Перво-наперво необходимо определить лицо, обязанное к возмещению вреда по обязательству. Представляется, что ответчиком по обязательству является государственный орган, провозивший реквизицию (издававший административный акт о реквизиции и непосредственно изымавший имущество). Норма о том, какой государственный орган наделен правом издания акта о реквизиции, конечно, также должна иметь законодательное закрепление.

Авторы по-разному предлагают трактовать термин «государственные органы» применительно к ст. 242 ГК. Например, А. А. Крысанов считает, что правом вынесения постановления о реквизиции имущества в настоящее время наделены высший представительный и законодательные органы государства, т. е. Федеральное Собрание РФ и Правительство РФ [7]. Соглашаясь с Н. И. Таскиным, В. А. Сытюгина предлагает в понятие государственных органов, употребляемое в ст. 242 ГК, включить представительный и исполнительный органы государственной власти субъектов РФ [8]. Статья 51 ЗК [9] предусматривает полномочия по изъятию земельных участков для государственных органов субъектов РФ, однако сужает их до органов исполнительной власти — Правительства РФ и исполнительного органа власти субъекта Федерации.

Следует согласиться с авторами, предлагающими таким правом наделить государственные органы и субъектов РФ. Как правило, чрезвычайная ситуация складывается на определенной территории, поэтому необходимость издания административного акта на федеральном уровне не всегда имеется. В большинстве случаев подобная ситуация требует скорых и безотлагательных мер, которые могут быть приняты только на местах. Верно Н. И. Таскин указывает на обширность территории РФ и отсутствие времени на собрание Государственной Думы или Правительства РФ в Москве, когда чрезвычайная ситуация складывается, например, на Дальнем Востоке [10]. Вот почему ответчиком в обязательстве по возмещению вреда, причиненного реквизицией имущества, следует считать казну РФ или казну соответствующего субъекта РФ в зависимости от того, на каком уровне принималось решение о реквизиции имущества.

Одним из наиболее важных вопросов является размер необходимой компенсации. Логично закрепить положение о возмещении реальной стоимости изымаемого имущества, корреспондируя тем самым правило о возмещении правомерно причиненного вреда только в части реального ущерба. Если решение о временном изъятии имущества (без перехода права собственности к государству)

будет принято, следует предусмотреть разумную компенсацию, не приравнивая ее к упущенной выгоде.

Немаловажен также срок исполнения обязательства по возмещению вреда. Интересно, что в ст. 242 ГК, а также в других нормативных правовых актах он не указывается. По Сводному закону 1927 г. компенсация производилась не позднее чем через один месяц с момента фактического изъятия имущества. Учитывая отсутствие современных правовых норм, М. Н. Малеина справедливо полагает, что в настоящее время компенсация должна осуществляться сразу или в разумный срок [11]. Кроме того, в отличие от вреда, причиненного в условиях крайней необходимости или при проведении контртеррористической операции, данный вред должен быть возмещен во внесудебном порядке. Государство самостоятельно должно в установленный срок выплачивать собственнику стоимость имущества.

Следующее, требующее нормативного закрепления положение — правила возврата изъятого у собственника имущества. В соответствии с п. 3 ст. 242 ГК лицо, имущество которого реквизировано, при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, вправе по суду требовать возврата сохранившегося имущества.

Судебный порядок возврата имущества бывшему собственнику имущества представляется усложненной процедурой возврата когда-то принадлежавшего лицу имущества, которая может быть реализована во внесудебном порядке. С практической точки зрения реквизиция имущества повлечет массовые судебные разбирательства по искам о возврате реквизированного имущества. Предлагая решить указанную проблему, А. Н. Нехай называет возможность временного изъятия земельного участка, предусмотренную ЗК, удачным законодательным решением и предлагает закрепить его в качестве общего правила о реквизиции [12].

Полученная собственником сумма в счет компенсации стоимости изъятого имущества должна быть возвращена получателю имущества. Данная норма закреплена в Федеральном законе РФ от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [13] и, по мнению автора настоящего исследования, может быть использована в порядке аналогии закона и в других случаях реквизиции.

Если принять во внимание предложение о внесудебном порядке возврата изъятого имущества, то возникает вопрос о целесообразности изначальной выплаты собственнику стоимости реквизируемого имущества. По нашему мнению, порядок возврата бывшему собственнику реквизированного имущества следует упростить до внесудебного, а выплату стоимости реквизируемого имущества признать целесообразной.

Следует заметить, что неверным автору видятся закрепление общеобязательного возврата реквизированного имущества бывшим собственникам или закрепление временного по общему правилу изъятия имущества потому, что положение (сложившиеся обстоятельства) бывшего собственника реквизированного имущества в результате чрезвычайной ситуации могло существенно измениться, в связи с чем собственник не станет обращаться за возвратом своего имущества.

По нашему мнению, следует исключить судебный порядок возврата бывшему собственнику сохранившегося имущества и установить правило, согласно которому возврат сохранившегося реквизированного имущества бывшему собственнику необходимо совершать по его заявлению в орган, производивший реквизицию. Такой порядок упростит для гражданина или юридического лица процедуру восстановления права собственности на изъятое имущество. Представляется, что органы, уполномоченные изымать имущество, могут быть уполномочены и на его возврат.

1. См.: *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2000 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.*

2. См.: Шенникова Л. В. *О реквизиции в гражданском праве: гимн или реквизию // Законодательство. 2006. № 6. С. 10.*

3. См.: Афанасьева Е. Н. *Правовая природа реквизиции // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 324. С. 221.*

4. См.: Там же. С. 222.

5. См.: Там же.

6. См.: Афанасьева Е. Н. *Реквизиция: гражданско-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009. С. 90.*

7. См.: Крысанов А. А. *Принудительное прекращение права собственности : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 97.*

8. См.: Сытюгина В. А. *Реквизиция: проблемы правового регулирования // Юрид. наука. 2011. № 2. С. 75.*

9. См.: Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
10. См.: Таскин Н. И. Реквизиция как один из случаев принудительного прекращения права собственности на земельные участки // Юрист. 2003. № 3. С. 38.
11. См.: Малеина М. Н. Реквизиция. Комментарий к статье 242 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал рос. права. 2006. № 8. С. 121.
12. См.: Нехай А. В. Понятие реквизиции в гражданском праве. Сравнительно-правовое исследование // Закон и право. 2008. № 10. С. 53.
13. См.: СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

УДК 347.7

В. В. Гушин
V. V. Gushchin

А. Е. Кирпичев
A. E. Kirpichev

Предпринимательно-правовые аспекты планирования публичных закупок

Entrepreneurial Law Aspects of Planning of Public Procurement

В статье рассматривается действующее законодательство о публичных закупках. Отмечается, что с принятием Закона о контрактной системе получил свое подтверждение тезис науки российского предпринимательского права о необходимости сочетания частных и публичных правовых средств в регулировании экономики. Делается вывод о том, что нарушения публичных норм о планировании закупок влекут не только публично-правовые, но и частноправовые последствия.

Публичные закупки; предпринимательское право; государственный контракт; муниципальный контракт; планирование

In this article its authors explores modern Russian legislation on public procurement. Law on the Contract system proves the entrepreneurial-law doctrine statement that it's necessary to combine public and private law instruments in the regulation of economy. Breaking of public law rules on planning of the public procurement entails not only public law, but also private law consequences.

Public procurement; entrepreneurial law; public contract; planning

Принятие Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее — Закон о контрактной системе) стало новым этапом развития правового регулирования публичных закупок. Структура и содержание данного Закона охватывают как частноправовые, так и публично-правовые средства правового регулирования. Подобное сочетание подтверждает справедливое отнесение публичных закупок к сфере регулирования предпринимательского права, являющегося сочетанием частноправовых и публично-правовых отношений, хотя в первую очередь Закон о контракт-

ной системе направлен на урегулирование порядка определения поставщиков, заключения государственных и муниципальных контрактов, а также особенностей их исполнения. Подобные отношения относятся к частноправовым, поэтому регулируются гражданским законодательством, на что неоднократно указывалось в науке [2]. Помимо частноправовых отношений в предмете регулирования Закона о контрактной системе названы мониторинг и аудит в сфере закупок, контроль за соблюдением законодательства РФ и иных нормативных правовых актов о контрактной системе и прежде всего планирование закупок (п. 1 ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе). По мнению Л. В. Андреевой,

объединение разных стадий закупок в предмете регулирования одного закона является реализацией провозглашенного в Законе о контрактной системе принципа единства контрактной системы [3].

В предпринимательно-правовой литературе формулируется определение планирования как одного из методов государственного регулирования экономики, представляющего собой «процесс определения целей и путей их достижения» [4]. Согласно ст. 16 Закона о контрактной системе планирование закупок осуществляется в соответствии с целями закупок посредством формирования, утверждения и ведения планов закупок и планов-графиков.

Определение целей закупок, т. е. целей закупочной деятельности, является своего рода компенсацией отсутствия в Законе о контрактной системе термина «государственные и муниципальные нужды». В соответствии со ст. 13 Закона о контрактной системе к целям закупок относятся:

1) достижение целей и реализации мероприятий, предусмотренных государственными программами РФ, государственными программами субъектов РФ, муниципальными программами;

2) исполнение международных обязательств, реализацию межгосударственных целей программ;

3) выполнение функций и полномочий государственных органов РФ, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных органов субъектов РФ, органов управления территориальными внебюджетными фондами, муниципальных органов.

Данные цели занимают первое место в иерархии планирования закупок. Они определяют рамки более детального планирования, однако и сами выстроены иерархически: к каждому последующему пункту относятся только те цели, которые не подпадают под предыдущие. Столь детальное регулирование и дифференциация целей позволяют сделать вывод, что в дальнейшем распределение всех закупок по целям будет служить основой для их анализа, а может быть, и различного нормирования. Планы закупок по Закону о контрактной системе формируются с 1 января 2015 г. на срок, соответствующий периоду действия нормативного правового акта о бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Кроме того, в планы закупок включается с учетом положений бюджетного законодательства РФ информация о закупках, осуществление которых планируется по истечении планового периода.

Бюджетные учреждения являются особыми заказчиками по Закону о контрактной системе, поэтому в их деятельности планы закупок утверждаются после и на основании плана финансово-хо-

зяйственной деятельности учреждения (ч. 8 ст. 17 Закона о контрактной системе).

Планы-графики содержат перечень закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд на финансовый год, являются основанием для осуществления закупок и формируются заказчиками в соответствии с планами закупок (ст. 21 Закона о контрактной системе). План-график — это более конкретный плановый документ. По своей правовой природе он является административным актом, на основании которого производится закупка. В отличие от плана-графика в плане закупок содержится информация о способе определения поставщика (исполнителя, подрядчика). Закон о контрактной системе предлагает разнообразную и гибкую систему способов определения поставщика (исполнителя, подрядчика), поэтому во избежание злоупотреблений сведения о них должны стать доступными до закупки. Данную задачу в том числе решает и план-график. Вопрос о том, насколько удачным является название данного акта, представляется спорным. Помимо прочего планам закупки присущи свойства графика, поскольку они содержат информацию о сроках (периодичности) осуществления планируемых закупок (п. 6 ч. 2 ст. 17 Закона о контрактной системе).

Следует отметить, регулируемое Законом о контрактной системе планирование не ограничивается только планированием закупок путем формирования, утверждения и ведения планов закупок и планов-графиков. Анализируя структуру Закона, В. Е. Белов пишет, что в посвященной планированию гл. 2 нашел отражение и ряд неразрывно связанных с ним вопросов. Сюда относятся: обоснование закупок, нормирование в сфере закупок и общественное обсуждение закупок [5].

По нашему мнению, структура Закона о контрактной системе не является случайной и отражает тот факт, что обоснование закупок, их нормирование и общественное обсуждение не просто неразрывно связаны с планированием, а являются его составной частью, поскольку содержание этих категорий соответствует приведенному определению планирования, объектом которого являются закупки товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Узкое понимание планирования, данное в ст. 16 Закона, является не вполне корректным, так как оно подменяет содержание планирования двумя стадиями его осуществления.

Обоснование закупки осуществляется заказчиком при формировании плана закупок, плана-графика и заключается в установлении соответствия планируемой закупки целям осуществления закупок, а также законодательству РФ и иным

нормативным правовым актам о контрактной системе в сфере закупок (ст. 18 Закона о контрактной системе). Обоснование происходит на стадии формирования как плана, так и плана-графика закупок. В первом случае ему подлежат объект закупки исходя из необходимости реализации конкретной цели осуществления закупки и установленных в надлежащем порядке требований ккупаемому заказчиком товару, работе, услуге (в том числе предельной цены товара, работы, услуги) и (или) нормативных затрат на обеспечение функций заказчиков, во втором — стоимость контракта и способ определения поставщика. Оценка обоснованности осуществления закупок проводится в ходе мониторинга закупок, аудита и контроля в сфере закупок. По их результатам конкретная закупка может быть признана необоснованной.

Самостоятельным средством планирования закупок выступает их нормирование. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Закона о контрактной системе под ним понимается установление требований ккупаемому заказчиком товарам, работам, услугам (в том числе предельной цены товаров, работ, услуг) и (или) нормативных затрат на обеспечение функций государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами, муниципальных органов. Например, Л. В. Андреева отмечает, что сам термин «нормирование» не является «гражданско-правовым понятием, а включает как гражданско-правовую составляющую (императивные правила к условиям договоров), так и финансово-правовую составляющую (нормативные затраты на обеспечение функций заказчиков)» [6]. Фактически речь идет о едином нормировании, отражающем публичный интерес, которое затем реализуется с помощью различных правовых средств, как частноправовых, так и публично-правовых, что является характерной чертой предпринимательского законодательства.

Следует отметить, что под требованиями ккупаемому заказчиком товарам, работам, услугам понимаются требования к количеству, качеству, потребительским свойствам и иным характеристикам товаров, работ, услуг, позволяющие обеспечить государственные и муниципальные нужды, но не приводящие к закупкам товаров, работ, услуг, которые имеют избыточные потребительские свойства или являются предметами роскоши в соответствии с законодательством РФ (ч. 2 ст. 19 Закона о контрактной системе). Таким образом, запрет на закупки предметов роскоши налагается уже на стадии нормирования закупок. Правила нормирования устанавливаются в зависимости от уровня бюджетной системы Правительством РФ, высшим органом исполнительной

власти субъекта РФ, местной администрацией, но общие требования к порядку разработки и принятия правовых актов о нормировании в сфере закупок, их содержанию и обеспечению исполнения, а к отдельным видам товаров, работ, услуг (в том числе предельные цены) и нормативные затраты на обеспечение функций заказчиков определяются Правительством РФ. Получается многоуровневая, а следовательно, сложная система нормирования:

1) общие правила о нормировании устанавливаются Законом о контрактной системе;

2) Правительство РФ определяет общие требования к нормированию, правила нормирования для федерального уровня, а также общие требования, в том числе ценовые, к отдельным видам объектов закупок;

3) высший орган исполнительной власти и местная администрация устанавливают правила нормирования на региональном и муниципальном уровнях;

4) государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», муниципальные органы непосредственно осуществляют нормирование, определяя требования ккупаемому ими, их территориальными органами (подразделениями) и подведомственными юридическими лицами отдельным видам товаров, работ, услуг.

Как уже было сказано выше, из структуры Закона о контрактной системе следует, что общественное обсуждение закупок является одним из средств их планирования. Различные процедуры данного обсуждения известны не только законодательству о публичных закупках. Так, ст. 28 ГСК [7] устанавливает необходимость проведения публичных слушаний по проектам генеральных планов поселений и городских округов.

Согласно Закону о контрактной системе закупки, подлежащие обязательному общественному обсуждению, не могут быть осуществлены без проведения такого обсуждения (ч. 4 ст. 20). Любое императивное предписание должно подкрепляться установлением санкции за его нарушение. Из Закона о контрактной системе прямо не следует, каковы последствия непроведения общественного обсуждения. Общественное обсуждение закупок, как и любая иная процедура, проводимая органами государственной власти и местного самоуправления, оформляется административным актом. Соответственно, нарушение требования об обязательном общественном обсуждении может привести к отсутствию или недействительности административного акта. Данное обстоятельство должно повлиять на заключенный государственный или муниципальный контракт. Контракт

в совокупности с административным актом образуют сложный юридический (фактический) состав.

В этой связи уместно вспомнить В. В. Лаптева, который, характеризуя современную российскую науку предпринимательского права, писал: «В современных условиях развивается концепция предпринимательского обязательства как единого юридического состава, включающего акт государственного органа и договор» [8]. Обязательственное правоотношение, возникающее из сложного состава, должно как-то меняться под влиянием того факта, что один из элементов сложного состава отсутствует.

Категория недействительности правоотношения известна европейскому праву [9], но отсутствует в отечественной доктрине. По этой причине следует в рассматриваемой ситуации квалифицировать заключенный контракт как недействительную сделку, противоречащую закону. В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК [10] сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы, ничтожна. Если не проводится обществен-

ное обсуждение, то, очевидно, затрагивается публичный интерес. Следовательно, подобный государственный или муниципальный контракт должен квалифицироваться в качестве ничтожного.

Подводя итог изложенному, отметим, что в регулировании даже такой (по сути, административной) стадии публичных закупок, как их планирование, с публичными нормами тесно переплетаются частные. Например, к планированию закупок относится институт нормирования, который в свою очередь представляет собой установление требований к содержанию государственных и муниципальных контрактов, которые хоть и являются императивными, но остаются частноправовыми. Тем самым подтверждается справедливость утверждения предпринимательско-правовой науки о сочетании частных и публичных начал в регулировании предпринимательских отношений. Этим обуславливается и необходимость учета не только публично-правовых, но и частноправовых последствий нарушения порядка планирования государственных и муниципальных закупок, в том числе порядка их общественного обсуждения.

-
1. См.: *СЗ РФ*. 2013. № 14. Ст. 1652.
 2. См., напр.: Гушин В. В. *О правовой природе государственного контракта // Правовая культура*. 2011. № 2. С. 158–161; Кирпичев А. Е. *Муниципальный контракт в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2011. С. 88.
 3. См.: Андреева Л. В. *Понятие контрактной системы и основные правила ее функционирования // Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. № 11. С. 15.
 4. Шишкин С. Н. *Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики : монография*. М., 2011. С. 8.
 5. См.: Белов В. Е. *Планирование в контрактной системе // Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. № 11. С. 18.
 6. Андреева Л. В. *Реформа государственных и муниципальных закупок: основные нововведения // Право и экономика*. 2013. № 8.
 7. См.: *Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ*. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.
 8. Лаптев В. В. *Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики*. М., 2010.
 9. См., напр.: Коциоль Х. *Блеск и нищета немецкой шивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права*. 2012. № 6.
 10. См.: *Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

УДК 347.4

А. М. Заец
A. M. Zaec

Минимизация риска утраты права собственности, вызванного рейдерством, путем использования титульного страхования

Minimization of Risk of Loss of the Right of Ownership, Caused by corporate Raid, Through the Use of Tittles Insurance

Проблема рейдерства все сильнее интегрируется в имущественные отношения, вызывая тем самым недоверие к ним. Защитить имущественные права и финансовые риски потери или ограничения права собственности на объект недвижимости призвано титульное страхование.

Право собственности; рейдерство; титульное страхование; финансовый риск; недвижимость; возмещение ущерба; страховой случай; защита

The problem of corporate raid is all stronger integrated in adjusting of property relations, what their doubtfulness and mistrust cause to them. Property rights and financial risk of loss or limitation of right of ownership for the object of the real estate title insurance is called to secure.

Right of ownership; raid; title insurance; financial risk; real estate; damage to the person; accident insured; defence

Проблема противодействия рейдерству является наиболее актуальной для экономик стран постсоветского пространства. Данный вид правонарушений не обошел ни одно государство мира. Некоторые страны (США, Германия, Великобритания) успешно переболели рейдерством и выработали собственную, свойственную им систему мер противодействия. Иные, например страны Восточной Европы, не могут подобрать оптимальную систему сил и средств для борьбы с этим явлением и по сей день.

Рейдерство негативно влияет на предпринимательский климат, ведет к дестабилизации работы предприятий, разрушает трудовые коллективы, провоцирует конфликты в обществе, формирует неблагоприятный инвестиционный климат и международный имидж страны [1].

На сегодняшний день рейдерство является безнаказанным со стороны государства правонарушением, которое позволяет присвоить объекты недвижимости в собственное распоряжение. В течение последних нескольких лет ни одного нарушителя права собственности, ни одно лицо или компанию, участвовавших в рейдерском захвате предприятий, учреждений, организаций, не привлекли к ответственности, хотя данное правонарушение сопровождается совершением ряда уголовных преступлений (подделка документов, мошенничество, дача взятки, противодействие законной хозяйственной деятельности и др.).

В экономической и юридической науке долгое время идет дискуссия по поводу способов противодействия рейдерству. Изучением этой проблемы занимались как отечественные, так

и зарубежные ученые. Достаточно вспомнить работы Л. А. Андреева, З. С. Варналия, Ю. О. Борисова, О. И. Беликова, О. В. Бочаровой, О. А. Бурбело [2], В. А. Горина, В. С. Житомирского [3], Г. В. Козаченко [4], В. И. Лазуренко [5], М. А. Сергеева и др. Однако комплексных исследований по защите имущественных прав и способов минимизации рисков от совершения такого вида правонарушения на хватает.

Рынок недвижимости на Украине существует уже 20 лет. За это время был принят ряд нормативных правовых актов, провозглашены и закреплены основные правовые институты (право собственности, государственная регистрация недвижимости, правовая регуляция риелторских услуг). Однако в правовом плане отношения в сфере недвижимого имущества до сих пор остаются неопределенными. Впрочем, риелторская деятельность не нуждается в лицензии, а следовательно, не предусматривает четких требований к ее осуществлению. Это и многое другое вызывает повышенный интерес к данной деятельности мошенников, которые, пользуясь несовершенным законодательством и легкомыслием граждан, получают немалый экономический эффект. Действительно, закрепив на законодательном уровне институт права собственности, законодатель не совсем продумал механизм защиты данного права. Особенно это касается добросовестных приобретателей недвижимости.

В классическом виде рейдерство появилось с вводом в оборот акций, поэтому его связывают с переходом стран от административно-плановой экономики к рыночной. Благодаря акциям, которые свободно обращаются на рынке, появилась возможность приобретения предприятия без согласия его фактического владельца [6].

Тем не менее именно существование таких фактов подвергает сомнению законность права собственности и очень часто является причиной признания его недействительным. Как следствие, добросовестный приобретатель вынужден повернуть приобретенную им недвижимость и оплаченные за имущество средства, поскольку взыскать их (даже на основании решения суда) крайне проблематично.

Похожая ситуация сложилась во всех странах СНГ. Конфликт двух владельцев — законного и фактического, как правило, решается в пользу первого. Правда, существует также институт защиты финансовых гарантий добросовестного приобретателя. К таковым относится страхование финансового риска потери или ограничения права собственности на объект недвижимости — титульное страхование. В связи с тем что данная услуга только получает развитие на страховом

рынке Украины, компаний, предоставляющих ее, немного.

В России титульное страхование появилось еще в 1993 г., а в конце 90-х гг. этот вид услуг оказывали уже многие страховщики. Таким образом, в 2004–2005 гг. данное явление становится обычным на страховом рынке России.

Следует учитывать и особенности тарифной политики титульного страхования, ведь пожары и стихийные бедствия — явления всем понятные. Вероятность их наступления и оценка риска известны большинству страховщиков. Тарифная политика утверждается на фундаментальной статистической базе в среде, где работают законы математики, а вот что такое потеря права собственности по решению суда (с использованием противоправных действий рейдеров), какие факторы и каким образом влияют на вероятность страховых случаев, к сожалению, чаще всего неизвестно не только потребителю, но и самим страховщикам. Именно поэтому лишь некоторые компании активно развивают программы по страхованию риска потери права собственности.

Действенным и экономически целесообразным способом защиты имущественных прав может быть титульное страхование, которое представляет собой страхование финансового риска потери или ограничения права собственности на объект недвижимости. Сегодня этот вид услуг является новым на украинском рынке и предоставляется лишь несколькими страховыми компаниями. Тем временем проблематика титульного страхования права собственности практически не исследована на экономической и юридической наукой.

В большинстве развитых стран возмещение ущерба участнику рынка недвижимости в четко обусловленных случаях положено на государство, а выплаты осуществляются за счет либо бюджета, либо средств специализированного фонда. Если последних не хватает, наступает субсидиарная ответственность бюджета.

В государствах, где система регистрации прав на недвижимое имущество основана на ведении земельной книги, ответственность за ошибки регистраторов несут бюджеты соответствующих территориальных образований, на месте которых они находятся. В случае нехватки средств субсидиарная ответственность переходит на бюджеты высшего уровня. Такая система компенсации убытка прежним владельцам недвижимого имущества характерна для Германии и Австрии.

В отличие от указанной выше системы компенсации убытков законодательство Швеции не предусматривает создания для этих целей специализированного гарантийного фонда. Возмещение ущерба участнику рынка недвижимости

осуществляется за счет общих доходов бюджета. По решению суда оно может быть осуществлено как добросовестному приобретателю (при этом имущество у него изымается), так и прежнему владельцу недвижимости (если имущество остается у добросовестного приобретателя).

В США, где первая титульная страховая компания *Law Property Assurance and Trust Society* [7] появилась еще в 1853 г., принята система регистрации соглашений (актовая регистрация), при которой орган государственной регистрации не рассматривает сути соглашения, не истолковывает юридическое значение прав, которые могут быть приобретены, а лишь регистрирует документы, предоставляя им статус публичности и доступности для дорогого заинтересованного лица. Эта система не дает владельцам гарантий их права, а лишь делает незарегистрированные документы менее значительными, чем зарегистрированные.

Именно поэтому система государственной регистрации логически дополняется институтом специализированных титульных страховых компаний, которые тщательно изучают законность осуществления соглашения с недвижимостью и отсутствие неучтенных прав других лиц. В случае выдвигания кем-нибудь обоснованных претензий на недвижимость после соответствующей судебной процедуры страховая компания выплачивает соответствующее возмещение.

Потребность в титульном страховании очевидна, ведь на рынке недвижимости в нашей стране стопроцентную чистоту предыдущих соглашений обеспечить сложно. Также масштаб рейдерства дает основания говорить об актуальности страхования рисков потери права собственности.

Следует отметить, что к титульному страхованию обращаются лишь наиболее осведомленные участники рынка, которые в силу сформированной практики и внутренних стандартов вынуждены оценивать и минимизировать свои риски.

Титульное страхование — наиболее эффективный способ защиты имущественных интересов, предусматривающий возврат денежных средств в случае, если сделку покупки недвижимости признали недействительной. Кроме того, этот вид услуг защищает от последствий событий, которые произошли в прошлом (продажа по поддельным документам, превышение полномочий представителя участника сделки, недееспособность либо неспособность понимать значение своих действий одним из участников сделки, раздел наследственного имущества с нарушением интересов отдельных наследников, совершение сделки с совместным имуществом супругов без согласия одного из них и т. д.).

Объектами титульного страхования являются имущественные интересы страхователя, связанные:

- с нанесением ущерба его имущественным правам в результате лишения права собственности на имущество на основании вступившего в законную силу решения суда;

- его судебными расходами по ведению в судебных органах дел по оспариванию права собственности на это имущество.

Предметом договора титульного страхования является:

- недвижимое имущество, являющееся предметом ипотеки;

- жилые помещения (жилые дома и их части, квартиры, комнаты, коттеджи, садовые дома, дачи, изолированные помещения и т. п.);

- нежилые помещения (сооружения, здания, помещения, их части, изолированные помещения, гаражи, здания производственного, хозяйственного, социально-бытового и другого назначения, расположенные на отдельных земельных участках и т. п.);

- незавершенные законсервированные капитальные строения;

- предприятия как имущественные комплексы;
- земельные участки.

Страховым случаем признается факт причинения ущерба страхователю в результате утраты права собственности на имущество в соответствии со вступившим в законную силу решением суда.

Недавние события по реприватизации больших металлургических предприятий и возвращению их в государственную собственность подтвердили, что право собственности не является таким абсолютным, как его декларируют в правовой науке. Это заставляет добросовестных приобретателей задуматься о необходимости титульного страхования, которое является законной и эффективной гарантией защиты собственного права на недвижимость.

По нашему мнению, для более быстрого внедрения института титульного страхования на Украине необходимо создать соответствующую правовую базу, детализировать и закрепить правовой механизм реализации этой услуги, определить критерии и методы оценки страховых рисков титульного страхования. Целесообразно также информировать население о судебной практике по делам о признании таких соглашений недействительными. Большинство рейдерских атак на крупные предприятия позволяет утверждать, что со временем уровень доверия собственников к титульному страхованию вырастет.

Следует отметить, что быстрое развитие этого института станет надежной финансовой гарантией защиты права собственности, а также

будет способствовать стабильности и надежности операций на рынке недвижимости.

Особое внимание надо уделить сроку действия договора титульного страхования, который обычно заключается на период от трех до десяти лет (именно столько составляет срок исковой давности для операций купли-продажи недвижимости). Это означает, что договор страхования, заключенный через десять лет после осуществления соглашения, не предусматривает страховой защиты, поскольку судебное решение о признании соглашения незаконным уже не может быть принято.

Необходимо перечислить основные факторы, сдерживающие активное развитие титульного страхования на Украине:

- высокая вероятность признания договоров отчуждения земельных участков недействительными;

- осторожность страховых компаний относительно данного вида страхования в результате его сравнительной новизны, а следовательно, высокого риска;

- несовершенство системы оформления и регистрации правоприменительных документов на земельные участки;

- сложность получения информации относительно прав на земельные участки, а также исследование и оценка рисков их обжалования;

- наличие в украинском законодательстве отдельных категорий лиц, которые имеют общие с владельцем права на недвижимость;

- юридическая и организационная сложность титульного страхования сравнительно с обычным имущественным страхованием;

- несовершенство земельного законодательства, что значительно повышает титульные риски владельцев земельных участков, в результате чего страховые компании вынуждены устанавливать высокую стоимость страхования, тем самым снижая на него спрос;

- отсутствие у большинства населения и бизнеса страховой культуры (многие граждане не осознают выгоды страхования имущественных рисков);

- неосведомленность риелторов, их клиентов и самих страховщиков с основами титульного страхования, его преимуществами и механизмами реализации.

Можно с уверенностью утверждать, что потенциальная потребность во внедрении титульного страхования на Украине является достаточно высокой, ведь на рынке как недвижимого имущества, так и земельных участков стопроцентную чистоту предыдущих соглашений обеспечить сложно.

Надежным экономико-правовым инструментом, который успешно функционирует в ведущих странах мира и защищает права субъектов рыночных отношений, становится титульное страхование. Для более быстрого внедрения института титульного страхования на Украине необходимо активно развивать и оперативно принимать соответствующую нормативно-правовую базу, детализировать и закрепить экономико-правовой механизм реализации этой услуги, обосновать критерии и научно-методические основы оценки страховых рисков при титульном страховании.

1. См.: Бурбело О. А. и др. Рейдерство: витоки, процедури, способи запобігання : монографія. Луганск, 2012. С. 83.

2. См.: Там же.

3. См.: Житомирский В. С. Рейдерство: явление, причины, профилактика, защита. СПб., 2006.

4. См.: Бурбело О. А. и др. Указ. соч.

5. См.: Лазуренко В. И. Рейдерство: слияние и поглощение : монография. М., 2009.

6. См.: Бурбело О. А. и др. Указ. соч. С. 28.

7. См.: Title insurance in the United States // Wikipedia : site. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/Title_insurance_in_the_United_States (дата обращения: 14.12.2013).

УДК 347.2/.3

Е. Б. Козлова
E. B. Kozlova

**Договоры об установлении
ограниченных вещных прав
как основание для актуализации
теории вещного договора**

**Agreements on the Establishment
of Limited Real Rights
as the Basis for Updating the Theory of Rem Contract**

Исследуются планируемые изменения в гражданское законодательство, регулирующие ограниченные вещные права, с точки зрения возникновения в системе гражданско-правовых договоров по направленности результата группы договоров, направленных на установление ограниченных вещных прав. Предлагается авторская внутригрупповая классификация данных договоров.

Делается вывод об актуализации в связи с планируемыми изменениями в гражданское законодательство дискуссии относительно существования и правовой природы так называемого вещного договора.

Система гражданско-правовых договоров; классификация договоров; установление ограниченных вещных прав; договоры по направленности результата; вещный договор

We research the planned changes to the part of civil law, which regulates limited property rights, in the view of appearance of contracts in this system, which are focused on the result of group of contracts directed to the establishment of limited property rights. The author's classification of these group of contracts is presented.

We come to conclusion about actualization seeing the planned changes to the civil law and the debate about the existence of the legal nature of the so-called rem contract.

The system of civil law contracts; classification of contracts; establishing limited property rights; contracts result orientation; rem contract

По направленности результата традиционно выделяют четыре группы договоров, подвергающихся далее внутригрупповому делению: направленные на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг, учреждение различных образований (общечеловеческие договоры). Предложенная концепция систематизации гражданско-правовых договоров хотя и является наиболее взвешенной, в ближайшее время потребует дальнейшего развития.

Как известно, Концепция развития гражданского законодательства в Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ

по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 [1], и подготовленный на ее основе проект изменений в ГК [2] предусматривают принципиально новую систему вещных прав.

Названная Концепция основана на идее необходимости создания полноценной системы ограниченных вещных прав, которая могла бы удовлетворить потребности участников гражданского оборота в основанном именно на вещном праве (максимально стабильном и защищенном) режиме пользования чужим имуществом [3].

Проект изменений в ГК предлагает исчерпывающий перечень ограниченных вещных прав и договор как основание их возникновения (за исключением права оперативного управления). К ограниченным вещным правам, планируемыми к закреплению в ГК, возникновение которых будет возможно на основании договора, относят:

- право постоянного землевладения — право владения и пользования чужим земельным участком, устанавливаемое бессрочно или на определенный срок для ведения сельскохозяйственного производства, лесного хозяйства, организации рыболовства, охоты, создания особо охраняемых территорий и геологических объектов, а также для иных предусмотренных законом целей, достижение которых связано с использованием природных свойств и качеств земельного участка (эмфитевзис);

- право застройки земельного участка — право владения и пользования чужим земельным участком в целях возведения на нем здания или сооружения и его последующей эксплуатации;

- сервитут — право ограниченного пользования управомоченного лица для осуществления принадлежащего этому лицу права собственности на земельный участок, здание или сооружение, в том числе незавершенное строительство, если использование такого земельного участка, здания или сооружения по назначению невозможно без установления сервитута;

- право личного пользования — это право личного владения и пользования недвижимой вещью;

- ипотека — право залогодержателя распорядиться заложенной недвижимой вещью в целях удовлетворения своих требований;

- право приобретения чужой недвижимой вещи — исключительное перед другими лицами право на приобретение вещи в собственность;

- право вешной выдачи — предоставляет его обладателю возможность периодически получать от собственника недвижимой вещи имущественное предоставление в форме товара, денег, работ или услуг в определенном размере (объеме), а в случае неполучения такого предоставления — правомочие распорядиться этой вещью путем обращения на нее взыскания в порядке, предусмотренном для ипотеки;

- право ограниченного владения земельным участком — право собственника здания или сооружения, не имеющего вещного права или договора с собственником земельного участка, владеть и пользоваться земельным участком в объеме, необходимом для обеспечения его доступа к указанному зданию или сооружению.

Данные изменения в ГК повлекут за собой необходимость выделения в системе гражданско-

правовых договоров по направленности результата пятой группы — договоров, направленных на установление ограниченных вещных прав, учитывая, что ни к одной группе договоров в рамках ныне существующей классификации они отнесены быть не могут.

Анализ планируемых изменений норм гражданского законодательства, регулирующих ограниченные вещные права, позволяет предложить два классифицирующих критерия для систематизации соответствующих договоров — объект права (объект недвижимого имущества) и объем правомочий носителя права.

По объему правомочий носителя права договоры на установление ограниченных вещных прав могут быть разделены на три подгруппы: надление носителя ограниченного вещного права правомочием пользования; правомочиями владения и пользования; правомочием распоряжения.

К первой подгруппе следует отнести договор об установлении сервитута.

Вторую подгруппу договоров, наделяющих носителя ограниченного вещного права правомочиями владения и пользования, следует разделить в зависимости от объекта прав на договоры, устанавливающие ограниченные вещные права исключительно на земельные участки или любые объекты недвижимого имущества. В первом случае речь идет о договорах об установлении постоянного землевладения, об установлении права застройки и о предоставлении права ограниченного владения земельным участком, во втором — о договоре об установлении права личного пользования.

Наконец, третью подгруппу составят договоры, прямо предусматривающие право распоряжения (договор о праве приобретения чужой недвижимой вещи) и предусматривающие возникновение такого правомочия у носителя права при условии неисполнения собственником определенной обязанности (договор ипотеки, договор об установлении права вешной выдачи).

Проводимая реформа гражданского законодательства обязательно приведет к актуализации давно ведущихся споров о правовой природе так называемого «вещного договора».

Теория вещного договора базируется на суждениях знаменитого немецкого юриста Ф. К. Савиньи. Разграничение в германском праве обязательственного и вещного договоров обособило объект вещного права от самого вещного права на объект. Если в обязательственном договоре предметом выступает объект вещного права, то в вещном договоре таким предметом является (вещное) право на объект, в отношении которого (т. е. объекта права) установлены права и обязанности сторон

по обязательственному договору. Конструкция «право на право» рассматривается в любом германском учебнике или учебном пособии и является его азбучной истиной [4]. Одной из особенностей вешного договора является его абстрактность, то есть вешный договор существует независимо от своей каузы (обязательственного договора). Это значит, что требование лишь в момент своего возникновения тесно связано с обязательственным правоотношением, являясь к тому же еще и частью (личного, персонифицированного) отношения кредитора, обладающего правом требования по отношению к должнику. Но поскольку требование в силу принципа абстракции может быть отделено от обязательственного правоотношения (обязательственного договора), оно как правопритязание начинает существовать независимо от породившего его правоотношения, проявляя тем самым свое новое качество, — являясь по существу самостоятельным имущественным объектом [5]. Именно благодаря вешному договору владение становится субъективным правом конкретного лица [6].

Справедливости ради необходимо отметить, что доктрина абстрактного вешного договора хотя и относится к основам современного немецкого частного права, ценность учения Ф. К. Савиньи подвергается сомнениям. В частности, К. Цвайгерт и Х. Кетц замечают: «Но если разумно различать обязательственную сделку и ее исполнение, совсем другое — делать два следующих шага, а именно превращать исполнение в предмет особого правоотношения, “вешный договор”, и затем настаивать на том, что этот вешный договор является “абстрактным”, то есть полностью не зависящим от недействительности обязательственной сделки. Хотя эти теоретические построения не имеют ничего общего с реальными намерениями сторон и в этом смысле являются “фальшивыми” (false to life), с ними можно было бы смириться, если бы они вели к выводам, ценным для практики. Но как раз это не имеет место» [7].

Российский исследователь Ю. Е. Туктаров даже отмечает, что для историков остается не вполне ясным, какие причины побудили Ф. К. Савиньи разработать теорию вешного договора и его абстрактности. Кроме того, непонятно, почему она впоследствии была принята германскими юристами и поддержана судебной практикой [8].

Тем не менее влияние немецкого права на современное российское право породило дискуссию о восприятии теории вешного договора российской цивилистикой. Концепция вешного договора имеет своих сторонников и противников среди современных ученых, хотя еще классик отечественной цивилистики Г. Ф. Шершеневич

писал: «В громадном большинстве случаев договор направлен к установлению обязательственного отношения, так что договор и обязательство чаще всего находятся в связи как причина и следствие. Однако область договора выходит за пределы обязательственных отношений, как в свою очередь и обязательства могут иметь в своем основании не договор, а другой юридический факт, правонарушение, неосновательное обогащение. Договор лежит в основании брака, которым создаются права личной власти, в основании передачи вещи, которою создается вешное право (вешный договор), — такой договор обязательственного отношения не создает» [9].

Так, Л. Ю. Василевская, отстаивая идею существования вешного договора, говорит о том, что именно вешный договор в механизме обязательственных и вешных прав выступает тем универсальным средством, которое дает возможность отграничить одни права от других, он опосредует процесс передачи вещи или права и складывающиеся в связи с этим вешно-правовые отношения [10].

Высказывается даже категоричное мнение о том, что вешный эффект договора необходимо отделять от его обязательно-правового эффекта, а попытки игнорировать это соображение или создавать какие-то иные конструкции ни к каким удовлетворительным результатам до настоящего времени не привели [11].

Поддерживал идею существования вешного договора и М. И. Брагинский, который отмечал, что определенное распространение получили договоры, которые самим фактом своего создания порождают у контрагента вешное право, прежде всего право собственности. Однако ученый в данном случае говорил о том, что объектом вешного договора служат не действия обязанного лица, а непосредственно соответствующие вещи, как это свойственно правоотношениям вешным, а рожденное из вешного договора право, в отличие от прав, возникающих из обязательственных договоров, имеет своим непосредственным предметом вещь [12]. Представляется, что в данном случае речь идет об определении вешного договора, отличном от его понимания в рамках немецкой доктрины.

Применительно к договору аренды отстаивает теорию вешного договора С. Н. Мызров [13].

В свою очередь С. А. Сеницын настаивает на отсутствии необходимости выделения вешного договора в связи с тем, что в этом случае необоснованно сливаются понятия сделки и правоотношения, которое она порождает, «ибо сам по себе юридический факт вешным или обязательственным быть не может» [14].

Критикует теорию вешного договора при рассмотрении вопроса договора об установлении частного строительного сервитута и О. Г. Ершов [15].

Невозможность «усвоения вешного договора системой российского права» весьма убедительно обосновывает в своей монографии К. И. Скловский, раскрывая целый ряд противоречий концепции абстрактного вешного договора и утверждая, что право собственности на вещь переходит не в силу волеизъявления лица и совершаемой им сделки, а самим правопорядком [16]. Решающим, по мнению ученого, является высказывание самого Ф. К. Савиньи относительно того, что «не

из воли владельца или из его права выводит вешный договор свою действительность, но только из воли законодателя» [17].

Конечно, разрешение вопроса о восприятии нашим гражданским законодательством немецкой теории вешного договора требует серьезных научных исследований, но одно очевидно — введение в систему договоров гражданско-правовых договоров, направленных на установление ограниченных вешных прав, таких исследований потребует и актуализирует дискуссию об условности деления правоотношений на вешные и обязательственные.

1. См.: Портал российского частного права : сайт. URL : http://www.privlaw.ru/vs_info8.html (дата обращения: 07.01.2014).

2. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

3. См.: Крассов О. И. Современное земельное право в свете новел гражданского законодательства // Экологическое право. 2012. № 5. С. 11.

4. См.: Василевская Л. Ю. Учение о вешных сделках по германскому праву. М. : Статут, 2004. С. 59.

5. См.: Там же. С. 62.

6. См.: Василевская Л. Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения // Цивилист. 2011. № 1. С. 49.

7. Слыщенко В. А. Договор купли-продажи и переход права собственности: сравнительно-правовое исследование. М. : Статут, 2011. С. 155.

8. См.: Туктаров Ю. Е. Абстрактная модель передачи права собственности на движимые вещи // ВВАС РФ. 2006. № 8. С. 24.

9. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М. : Статут, 2005. С. 69.

10. См.: Василевская Л. Ю. К вопросу об особенностях предмета вешного договора по германскому праву // Юрист. 2003. № 3. С. 43.

11. См.: Егоров А. В., Ерохова М. А., Ширвиндт А. М. Обобщение применения арбитражными судами норм ГК РФ о вешно-правовых способах защиты права // Вестник гражд. права. 2007. № 4.

12. См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. первая: общие положения. М. : Статут, 1999. С. 278–279.

13. См.: Мызров С. Н. Договор аренды : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2000. С. 22.

14. Синицын С. А. Концепция вешного договора в германской и российской цивилистике: дискуссионные аспекты // Законодательство. 2004. № 7. С. 9.

15. См.: Ершов О. Г. Строительные сервитуты // Право и экономика. 2013. № 1. С. 29.

16. См.: Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М. : Статут, 2008. С. 350.

17. Там же.

УДК 351/354

И. Н. Рычкова
I. N. Rychkova

Государственная услуга: процесс или результат State Service: Process or Result

В статье анализируется легальное определение государственной услуги как деятельности органа исполнительной власти, осуществляемой на основании запроса заявителя, а также правоприменительная практика трактовки отказа в предоставлении услуги как результата ее предоставления. Предложено определять государственную услугу как деятельность по исполнению запроса заявителя.

Государственное управление; государственная услуга; запрос заявителя; результат предоставления государственной услуги; отказ в предоставлении услуги

Legal definition of the state service as the activity of executive authority which is carried out on the basis of inquiry of the applicant, and also law-enforcement practice of treatment of refusal in providing service as result of its granting is analyzed. It is offered to define the state service as activities for execution of inquiry of the applicant.

Public administration; state service; inquiry of the applicant; result of providing the state service; refusal in providing service

Пристальное внимание к категории «государственная услуга» как к новелле российского законодательства породило множество неутрачиваемых дискуссий и споров в научной среде о сути данного понятия. Нам хотелось бы отстраниться от концептуальной основы государственной услуги и исследовать данное явление в иной плоскости — процессуальной.

На наш взгляд, не следует упускать из виду, что государственная услуга — это одна из разновидностей функций органов исполнительной власти, определенных Указом Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [1]. В этом контексте,

как любая другая функция, предоставление государственных услуг выступает как процесс, практическая деятельность государственного органа, проявляемая во внешней системе его отношений.

Термин «функция» происходит от латинского слова *functio*, что в переводе означает «исполнение», «совершение». Любая операция или действие обладают такими характеристиками, как начало, продолжение и окончание. Эти признаки характеризуют процессы. Следовательно, суть выполнения услуги проявляется в выполнении процессов, составляющих услугу операций.

Считается, что заслуга введения понятия «функция» в теорию и практику управления

принадлежит А. Файолью — основателю классической школы управления [2]. Впоследствии оно было введено в качестве ключевой категории и в отечественную науку административного права и государственного управления. Цикл действий в теории управления А. Файоль назвал административной функцией, а этапы, стадии — элементами административной функции. Действия по административной функции являются, с одной стороны, всеобщими, с другой — беспредметными, поскольку планирование, координация контроль сами по себе ничего не выражают, если речь не идет о предмете и содержании работы конкретного органа, это этапы развития управленческого действия [3].

Основываясь на подобных теоретических послышках, советский ученый Б. В. Аверьянов, подходя к анализу категории «государственное управление» с точки зрения стандартных критериев — пространственного и временного, выделил в нем две структуры:

- функциональное (пространственное) содержание;

- процессуальное (временное) содержание.

Первая составная часть именуется им функциями, вторая — стадиями (этапами) государственного управления [4].

Сегодня процессуальная природа государственной услуги практически не исследуется учеными-административистами. Она упоминается в публикациях лишь фрагментарно, второстепенно, при изучении терминологического содержания понятия «услуга». Так, П. М. Баранов [5] подчеркивает, что разработанное в цивилистике понятие «услуга» устанавливает обязательство исполнителя по заданию заказчика «совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность» (ст. 779 ГК [6]), при этом исполнитель обязан оказать услуги лично. В противоположность этому в договоре подряда, где речь идет о выполнении работ, значение имеет (и оплачивается) результат, а само их выполнение может быть поручено третьему лицу (ст. 706 ГК). Таким образом, автор справедливо приходит к выводу, что «в юридической конструкции услуги приоритет отдан процессуальному аспекту (совершению действий)», при этом услуга остается формой удовлетворения интереса конкретного субъекта, опосредующей приобретение им некоторого блага.

Данный тезис в полной мере применим и к категории «государственная услуга». Так, Н. В. Путило подчеркивает, что «у этих услуг общая (при наличии ряда специфических черт) природа с теми услугами, которые урегулированы гражданским правом, хотя публичные услуги регулируются преимущественно методами публич-

ного права и в связи с этим приобретают новые черты и теряют ряд атрибутов, характерных для услуг в гражданском праве (например, возмездность)» [7].

Совершенно логичным исходя из изложенного представляется и то, что Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее — Закон о государственных и муниципальных услугах) определяет, что государственная услуга — это **деятельность** по реализации функций, которая осуществляется по запросам заявителей [8].

На процессуальный (процедурный) характер такой деятельности указывает и установленная ст. 6 Закона о государственных и муниципальных услугах обязанность органов предоставлять государственные или муниципальные услуги в соответствии с административными регламентами, т. е. на основании нормативного правового акта, устанавливающего порядок предоставления государственной услуги и стандарт ее предоставления.

Согласно ст. 12 Закона о государственных и муниципальных услугах структура административного регламента содержит раздел, устанавливающий состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур и требования к порядку их выполнения.

Однако если государственная услуга представляет собой деятельность, включающую определенную последовательность процедур (как правило, это прием и регистрация документов, рассмотрение представленных документов, формирование и направление межведомственных запросов, принятие решения на основании рассмотрения документов), то может быть принято как положительное, так и отрицательное для заявителя решение.

Тогда возникает вопрос: насколько корректно и правильно определять результатом предоставления государственной услуги отказ в ее предоставлении, ведь услуга предполагает удовлетворение интереса конкретного субъекта, приобретение им некоторого блага.

Правоприменительная практика в толковании данной логической коллизии неоднозначна.

Например, приказ Минфина России от 29.06.2012 № 94н «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по регистрации контрольно-кассовой техники, используемой организациями и индивидуальными предпринимателями в соответствии с законодательством Российской Федерации» [9] устанавливает, что результатом предоставления государственной услуги является как регистрация

контрольно-кассовой техники с одновременной выдачей заявителю карточки регистрации контрольно-кассовой техники, так и отказ в предоставлении услуги по регистрации контрольно-кассовой техники.

Аналогично, хоть и с несколько другой формулировкой, приказ Минюста России от 27.07.2012 № 146 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [10] определяет, что результатом предоставления государственной услуги является направление заявителю уведомления:

1) об аккредитации в качестве независимого эксперта, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы, и оригинала свидетельства об аккредитации;

2) отказе в аккредитации в качестве независимого эксперта.

Диаметрально противоположный подход мы видим в приказе Ростехнадзора от 15.11.2012 № 658 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по предоставлению государственной услуги по лицензированию деятельности по проведению экспертизы промышленной безопасности» [11]. Результатами предоставления государственной услуги по лицензированию деятельности по проведению экспертизы промышленной безопасности здесь определено:

1) внесение сведений в реестр лицензий, уведомление заявителя о результатах рассмотрения заявительных документов;

2) выдача заявителю лицензии;

3) выдача заявителю дубликата или копии лицензии;

4) выдача заявителю выписки из реестра лицензий.

При этом в п. 44 названного приказа закрепляются основания для отказа в предоставлении государственной услуги:

1) наличие в представленных соискателем лицензии заявления о предоставлении лицензии и (или) прилагаемых к нему документах недостоверной или искаженной информации;

2) установленное в ходе проверки несоответствие соискателя лицензии лицензионным требованиям;

3) заявление о прекращении оказания государственной услуги.

Это значит, что отказ в выдаче лицензии на осуществление деятельности по проведению экспертизы промышленной безопасности имеет место быть согласно действующему законодательству, но такой отказ не отнесен к результатам предоставления государственной услуги. Тут его трактовка сужена до непосредственного положительного решения, блага.

Хотя данный пример не совсем удачен, поскольку большинство российских ученых сходятся сегодня на мнении, что лицензирование вообще следует относить не к услугам, а к контрольно-надзорной деятельности, как это делает Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», так как отсутствует первичность потребности заявителя в получении лицензии. Как указывает Н. В. Путило, «данные действия обусловлены не интересом гражданина, а исполнением обязательств и являются вынужденными действиями. Представляется, что именно это обстоятельство — первичность потребности заказчика в действиях исполнителя, а не наоборот — отличает услуги от различного рода юридически значимых действий, которые осуществляются в интересах иных субъектов, в том числе государственных органов и должностных лиц» [12].

Однако сейчас речь не об этом. Нас интересует исключительно трактовка категории «результат предоставления услуги». Представляется, что при ее анализе с сугубо юридической позиции следует исходить из буквального значения слов и выражений, содержащихся в легальном определении государственной услуги. Закон о государственных и муниципальных услугах, как уже было указано выше, никоим образом не связывает данное понятие с положительным для заявителя результатом, определяя его как деятельность органов власти, осуществляемую по запросам заявителей.

Другое дело, что даже с лингвистической точки зрения определение отказа в предоставлении услуги результатом предоставления услуги несет в себе явное противоречие. Более того, это взаимоисключающие друг друга понятия.

Да и доктринальные подходы к определению государственной услуги изначально закладывали в него иной смысл. В частности, в научно-практическом пособии «Административная реформа в России» государственная услуга определяется как «взаимодействие физического или юридического лица (клиента) с органом исполнительной власти или его должностным лицом (клиентом), в результате которого происходит изменение прав, ресурсов, полномочий субъекта» [13].

Такой же концепции придерживались разработчики проекта федерального закона «О стандартах государственных услуг». Здесь государственная услуга определена как деятельность органа, оказывающего государственную услугу, выражающаяся в совершении действий и (или) принятии решений, влекущих возникновение, изменение или прекращение документированной информации (документа) в связи с обращением гражданина или организации в целях реализации их прав, законных интересов или исполнения возложенных на них обязанностей.

Конечно, в свете теории права данное определение вряд ли можно признать удачным. Как справедливо отмечается в научной литературе, проект закона о стандартах сконцентрирован лишь на технической стороне вопроса [14] и не выдерживает критики с позиции профессиональной терминологии. Однако с точки зрения общей концепции государственной услуги в нем есть здоровое зерно.

Как мы показали выше, содержащееся в Законе о государственных и муниципальных услугах определение услуги страдает логической незавершенностью, обращаясь только к деятельности, а не результирующему моменту. Вместе с тем терминологическая роль использованного при конструировании данной категории понятия «услуга» несет в себе устоявшееся в лексиконе юридической науки значение. «Со стороны исполнителя услуга выражается в доставлении заказчику определенного материального или нематериального блага как результата осуществленной деятельности» [15]. Иначе говоря, было бы правильным подобную смысловую нагрузку внести и в содержание понятия государственной услуги.

Учитывая достаточную громоздкость существующего определения государственной услуги, полагаем, что оптимальным вариантом формулирования понятия государственной услуги как положительного результата является рассмотрение ее не как «деятельности... на основании запроса заявителя», а как «деятельности... по исполнению запроса заявителя». Это позволит принципиально поменять буквальное значение понятия услуги, заложенное сегодня в Законе о государственных и муниципальных услугах с минимальным изменением и распространением текстовой части дефиниции.

При этом акцент будет сдвинут в сторону положительного решения, «блага», что концептуально и практически будет более верным.

Само определение услуги будет выглядеть следующим образом:

«Государственная услуга — деятельность федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее — органы, предоставляющие государственные услуги) по исполнению запросов заявителей, осуществляемая в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги».

Как видно из предложенного определения, оно отличается от содержащегося в Законе о государственных и муниципальных услугах еще одним моментом, поскольку последнее звучит как «**деятельность по реализации функций федерального органа**».

На наш взгляд, достаточно того указания, что эта деятельность осуществляется в пределах полномочий соответствующего органа власти.

В науке административного права административно-правовой статус органов исполнительной власти описывают как совокупность следующих элементов: цель деятельности, задачи деятельности, функции, полномочия (их совокупность составляет компетенцию органа исполнительной власти) [16].

Причем описание этих элементов строится по принципу от общего к частному: от целей деятельности к задачам, функциям и компетенции по их реализации.

Как указывает Б. М. Лазарев, «законодательство возлагает на соответствующие органы выполнение тех или иных управленческих функций, в результате чего у органа возникает право и обязанность осуществлять определенные управленческие функции в определенной сфере. Вполне справедлив поэтому вывод о том, что в нормативных актах не следует излагать их функции как нечто отличное от прав и обязанностей» [17].

Таким образом, определение государственной услуги как функции органа власти при наличии в структуре понятия указания на полномочия органа является избыточным. Исключение данного элемента из существующей дефиниции позволяет несколько упростить ее без какого-либо ущерба юридическому содержанию.

1. См.: РГ. 2004. 12 марта.
2. См.: Кенде Г. Развитие и совершенствование служб управления. М., 1970. С. 29.
3. См.: Там же. С. 28–35; Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., 1972. С. 257–278.
4. См.: Аверьянов В. Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев, 1979. С. 26–27.
5. См.: Баранов П. М. К проблеме институционализации публичных услуг в российской правовой системе. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт). М., 2007.
6. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
7. См.: Путило Н. В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журнал рос. права. 2007. № 6.
8. См.: СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
9. См.: РГ. 2012. 26 сент.
10. См.: Там же. 29 авг.
11. См.: БНА. 2013. № 22.
12. Путило Н. В. Указ соч.
13. Административная реформа в России : науч.-практ. пособие. М., 2006.
14. См.: Талапина Э. В. Новые институты административного права // Гос-во и право. 2006. № 5. С. 14–21.
15. Юридическая помощь и юридические услуги: формирование и сравнение понятий : сайт. URL: <http://www.russian-lawyers.ru/pecherskiy.shtml> (дата обращения : 30.12.2013).
16. См.: Шерстобоев О. Н. К вопросу о содержании административно-правового статуса органа исполнительной власти: некоторые методологические проблемы определения // Административное право и процесс. 2010. № 2. С. 27–30.
17. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972. С. 40–41.

Состав экологического преступления: понятие, особенности содержания, виды

Composition of Ecological Crime: Concept, Content Differences, Forms

Статья посвящена характеристике сущности состава экологического преступления. В ней анализируется его понятие, раскрываются особенности содержания и основные виды, а также формулируется определение состава экологического преступления.

Состав экологического преступления; признак; уголовное законодательство; уголовное наказание; охрана окружающей среды

The article deals with description of composition of ecological crime. The author analyses its concept and essence. The article shows differences of its content and the main forms. The article also gives definition of composition of ecological crime.

Composition of ecological crime; sign; criminal legislation; criminal punishment; environment protection

Состав преступления является одной из базовых категорий уголовного права. В связи с этим в данной отрасли ей уделяется большое внимание. Интересно, что уголовное законодательство практически всех зарубежных государств (равно как и УК [1]) не формулирует нормативного определения понятия состава преступления. Исключение составляет УК ФРГ, в котором имеется норма, раскрывающая содержание данного понятия. Вместе с тем термин «*tatbestand*», означающий состав деяния или состав закона, вовсе не является германским аналогом понятия «состав преступления». Под составом деяния понимается «законодательное определение объективных и субъективных предпосылок поведения, находящегося под угрозой наказания, для признания его преступлением» [2]. В свою очередь, признаки конкретных

преступных деяний содержатся в диспозициях норм Особенной части УК ФРГ.

В российском уголовном праве разрабатываются доктринальные определения рассматриваемой категории. Однако до сих пор данная проблема остается дискуссионной. Согласно наиболее распространенной точки зрения состав представляет собой «законодательную модель» преступного поведения; в этом случае он по примеру УК ФРГ отождествляется с диспозицией уголовно-правовой нормы. Сторонники других позиций видят в составе структуру самого преступления, его систематизированную общественную опасность; «юридическую конструкцию, выработанную теорией уголовного права» [3].

В советской уголовно-правовой доктрине учение о составе преступления наиболее детально

было разработано А. Н. Трайниным. Сущность данного понятия характеризовалась им, в частности, как «совокупность всех объективных и субъективных признаков (элементов), которые согласно закону определяют конкретное общественно опасное действие (бездействие) в качестве преступления» [4]. Вместе с тем В. Н. Кудрявцев справедливо замечает, что состав нельзя рассматривать как формальную совокупность разрозненных признаков. Представляя собой строгую их систему, он отражает присущие определенному преступлению внутренние связи образующих его элементов. В свою очередь характер, тип связей между ними, разновидность их сочетания формируют соответствующую структуру состава [5].

Так, С. С. Алексеев совершенно обоснованно выделяет еще одну конструктивную особенность исследуемой категории применительно к составу правонарушения в целом. Он объединяет в своем содержании не только специфические объективные и субъективные свойства непосредственно самого акта поведенческой деятельности, но и ряд других существенных обстоятельств, обуславливающих возникновение отношений юридической ответственности, — деликтоспособность субъекта данного деяния и объект правонарушения [6].

Следует отметить, что в эколого-правовой доктрине определение понятия «состав экологического преступления» отсутствует. В связи с этим видится обоснованной следующая его формулировка. Анализируемое понятие представляет собой *совокупность объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния, зафиксированных в уголовном законодательстве в качестве необходимых и достаточных для констатации факта экологического преступления*. Таким образом, состав законодательно закрепляет своеобразную вариативную модель общественно опасного экологически негативного поведения, запрещенную под угрозой уголовного наказания. В дополнение к сказанному состав экологического преступления призван отражать всю совокупность характерных свойств и особенностей акта поведенческой деятельности, которые определяют существо и специфику соответствующего преступного деяния.

Основное значение изучаемой в настоящей работе категории заключается в выполнении функции основания уголовной ответственности: в сфере взаимодействия общества и природы в означенном качестве выступает деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного действующим уголовным законодательством. Подобный вывод вытекает из положений ст. 8 УК.

К тому же сущность исследуемого понятия проявляется и в информационной составляющей, необходимой для адекватной квалификации общественно опасного акта поведенческой деятельности в качестве преступного деяния. Таким образом, процесс квалификации предполагает сопоставление, сравнение характерных особенностей конкретного деяния, опасного для интересов личности, общества или государства, именно с моделью (конструкцией) поведения, запрещаемого действующим законодательством под угрозой уголовного наказания. И лишь в случае полного соответствия каждого признака такого деяния аналогичному обобщенному признаку состава правомерен вывод о наличии состава преступления в экологически негативном варианте поведенческой деятельности субъекта.

Наряду с традиционной трактовкой анализируемой категории в качестве состава конкретного преступного деяния уголовно-правовая доктрина оперирует понятием «общий состав преступления». Его специфика заключается в своеобразной констатации общих черт, присущих каждому отдельному составу преступного поведения. Таким образом, общий состав экологического преступления аккумулирует наиболее типичные и существенные признаки всех общественно опасных нарушений законодательства в области охраны окружающей среды [7]. Будучи характерными абсолютно для всех составов выделяемой разновидности преступных деяний, соответствующие признаки приобретают значение *обязательных*. Иные, *факкультативные* признаки содержанием общего состава не охватываются, поскольку они находят отражение в конструкциях лишь отдельных составов экологических преступлений.

Структурную основу рассматриваемого понятия образуют четыре группы признаков, характеризующих определенный элемент (подсистему) состава: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону акта поведенческой деятельности, запрещаемого действующим законодательством под угрозой уголовного наказания. Это аксиома юриспруденции. В то же время необходимо помнить, что общий состав экологического преступления, являя собой доктринальное понятие, некую научную абстракцию, не способен выступить в роли основания уголовной ответственности.

Итак, содержание исследуемого понятия образует совокупность признаков, которые отражают характерные свойства и особенности определенного общественно опасного варианта экологически негативной поведенческой деятельности. Анализ составов изучаемой разновидности преступлений свидетельствует о существовании

следующей специфической закономерности. Формулирование существенных характеристик преступного поведения осуществляется в них исключительно в позитивном контексте с использованием так называемых положительных понятий: например, нарушение режима заповедников, заказников, национальных парков, памятников природы и других особо охраняемых государством природных территорий, повлекшее причинение значительного ущерба (ст. 262 УК). В отличие от уголовного законодательства при конструировании некоторых составов административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования используются негативные признаки, которые передаются отрицательными понятиями. Они указывают на отсутствие в деянии тех или иных качеств, в связи с чем оно и признается правонарушением.

Особенности содержания отдельных составов определяются сложностью их конструкций. Так, описание деяния в некоторых из них носит альтернативный характер, предполагая необходимость и достаточность установления в процессе квалификации одного из нескольких вариантов преступных действий (бездействия): например, производства запрещенных видов опасных отходов, транспортировки, хранения, захоронения, использования или иного обращения радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил (ч. 1 ст. 247 УК). Применительно к ряду составов рассматриваемой разновидности преступлений аналогичный вывод правомерен и в отношении общественно опасного результата, а следовательно – объекта и предмета соответствующих преступных деяний. Например, ч. 1 ст. 250 УК предусматривает причинение существенного вреда животному либо растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству в результате загрязнения вод.

Подобные конструкции свидетельствуют о наличии так называемых составных экологических преступлений, предполагающих объединение в одном составе как минимум двух самостоятельных уголовно-противоправных деяний. Тем самым они зачастую предусматривают посягательство на два объекта: основной и дополнительный. Специфика означенных преступлений обусловила вполне логичное закрепление в действующем уголовном законодательстве не только простых, но и квалифицированных их составов, содержащих признаки, повышающие степень общественной опасности соответствующих деяний.

Многие составы экологических преступлений, заключающихся преимущественно в нарушении определенных правил, а также в негативном

воздействии на какой-либо природный компонент, предполагают возможность совершения продолжаемых и длящихся деяний. При этом практически все они, фиксируя в качестве обязательного признака наступление общественно опасных материальных последствий, имеют материальные конструкции. В свою очередь в составах административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, напротив, преобладают формальные конструкции, не предусматривающие обязательного наступления таких последствий. Тем самым представляется вполне обоснованным отнесение соответствующего признака к числу основополагающих критериев криминализации нарушений законодательства в области охраны окружающей среды.

Специфические свойства виновно совершенного вредоносного акта противоправной поведенческой деятельности, свидетельствующие о его экологической направленности [8], предопределили закономерность закрепления в эколого-правовых нормах составов угрозы. (Последние наиболее точно характеризуют сущность деяний, получивших в общей теории правонарушения определение деликтов создания опасности.) Так, ч. 1 ст. 247 УК к условиям преступности нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов относит угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде.

Представляется необходимым отметить своеобразие конструкций подобных составов: они не ограничиваются лишь фиксацией существования угрозы причинения вреда предмету правонарушения, но закрепляют определенные варианты поведенческой деятельности, которыми она может быть порождена [9]. Следовательно, возникновение угрозы наступления общественно опасных материальных последствий выступает в качестве критерия преступности экологически негативного поведения именно в связи с совершением деяния, предусмотренного соответствующим составом. При этом характерной особенностью деликтов создания опасности является не абсолютно любая абстрактная возможность наступления означенного результата, а существование реальной угрозы причинения вреда охраняемым законом социально значимым ценностям и благам.

С точки зрения диалектического учения создание опасности предполагает накопление в условиях конкретной обстановки всех объективно необходимых факторов для реализации возможности в действительность. И они с неизбежностью повлекли бы указанные последствия, если бы, как отмечается в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 14

«О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения», «не были прерваны вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли причинителя вреда». Угроза же означает «наличие конкретной опасности реального причинения вреда» охраняемым эколого-правовыми нормами материальным ценностям и благам [10].

Существенная конструктивная особенность составов экологических преступлений заключается также в том, что объективные признаки, нашедшие отражение в диспозициях соответствующих норм, обуславливают их бланкетный характер. Это, в свою очередь, предполагает отсылку к законодательству иной «отраслевой принадлежности» в целях установления содержания данных признаков.

Анализ означенных составов свидетельствует о проявлении в них еще одной специфической тенденции. Для характеристики общественно опасных последствий преступных деяний во многих из них используются оценочные термины. Например, в ст. 246 и 257, ч. 1 ст. 248, ч. 1 и 2 ст. 249 УК говорится о «тяжких последствиях»;

в ч. 1 ст. 247 и 250, а также ч. 2 ст. 252 УК — о «существенном вреде». Статьи 255 и 262 УК предусматривают причинение «значительного ущерба», а ч. 1 ст. 256 и 258, ч. 2 и 4 ст. 261 УК — «крупного ущерба». В ст. 260 УК речь идет о деяниях, совершенных в «значительном размере» (ч. 1), «крупном размере» (п. «г» ч. 2) и «особо крупном размере» (ч. 3).

При этом непосредственно в уголовном законодательстве конкретизируется содержание далеко не всех данных терминов. Так, в примечании к ст. 260 УК, устанавливающей уголовную ответственность за незаконную вырубку лесных насаждений, раскрывается содержание понятий значительного, крупного и особо крупного размеров вреда. В свою очередь примечание к ст. 261 УК, которое еще в конце 2010 г. вообще отсутствовало в ее конструкции, характеризует сущность крупного ущерба применительно к уничтожению или повреждению лесных насаждений. Толкование смысла иных терминов дается в указанном ранее постановлении пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения».

-
1. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 2. Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учеб. пособие. М., 1998. С. 70–71; Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2001. С. 385–386; Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2009. С. 189–191.
 3. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 164–169.
 4. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 59–60.
 5. См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 42.
 6. См.: Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. II. М., 1982. С. 189.
 7. Подробнее об особенностях общественной опасности как признаке нарушений законодательства в области охраны окружающей среды см., напр.: Абрамов В. Г. Экологическое правонарушение: теоретические и практические аспекты содержания и определения понятия. Петрозаводск, 2012. С. 49–52.
 8. Подробнее см. : Абрамов В. Г. Указ. соч. С. 59; Его же. Теоретическая концепция экологического правонарушения (понятие и основные положения) // Вестник Российской правовой академии. 2012. № 4. С. 33.
 9. См., напр.: Церетели Т. В. Деликты создания опасности // Советское гос-во и право. 1970. № 8. С. 60.
 10. БВС РФ. 1999. № 1.

УДК 343.2

К. В. Авсеницкая
K. V. Avsenitskaya

Границы деятельного раскаяния и их отражение в уголовном законе

Borders of Active Repentance and Their Reflection in the Criminal Law

На основе анализа регламентации института деятельного раскаяния в уголовном законе и комментариев последнего в учебной и научной литературе высказывается предложение о расширении сферы его действия с распространением на стадию исполнения наказания с учетом фактически отбытого срока наказания в зависимости от категории совершенного преступления — досрочное освобождение от его отбывания. Кроме того, в статье подробно рассмотрен вопрос о начальной и конечной границах проявления деятельного раскаяния.

Деятельное раскаяние; уголовно-правовые последствия; законодательные границы деятельного раскаяния

On the basis of the analysis of a regulation of institute of active repentance of the criminal law and comments of the last in educational and scientific literature the offer on expansion of the sphere of its action with distribution on a stage of an execution of the punishment expresses; taking into account actually served sentence of punishment depending on category of the committed crime - an early release from its serving. Also in article the question of initial and final borders of manifestation of active repentance is in detail considered.

Active repentance; criminal and legal consequences; legislative borders of active repentance

На сегодняшний день уголовно-правовые последствия деятельного раскаяния ограничиваются в уголовном законе стадиями досудебного и судебного производства по уголовному делу. В специальной литературе такая законодательная практика принимается за данность и сопровождается констатацией действия деятельного раскаяния, как правило, периодом «после совершения преступления». Однако деятельное раскаяние в большинстве форм своего выражения (за исключением, пожалуй, явки с повинной) может иметь место и уже в процессе исполнения назначенного судом наказания. В этой связи возникает вопрос: каковы фактические границы проявления

деятельного раскаяния и насколько адекватно отражает эти границы уголовный закон?

Прежде всего в учебной и научной литературе при кажущемся единообразии не все ясно с определением *начальной* границы проявления деятельного раскаяния. В большинстве источников она фиксируется словами «после совершения преступления» [1]. Вместе с тем в ряде изданий начальная граница проявления деятельного раскаяния определяется по-другому: как «поведение лица после окончания преступления» [2].

Очевидно, что из двух приведенных словосочетаний более широким по объему содержания является первое, поскольку включает в себя

и оконченное, и неоконченное преступление. Последнее, как известно, также преступно и уголовно наказуемо. В этой связи ответим на вопрос: может ли иметь место деятельное раскаяние после совершения неоконченного преступления в том его понимании, которое присутствует в ст. 29, 30 УК [3]? На наш взгляд, да, может. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с мнением тех ученых, которые отграничивают деятельное раскаяние от добровольного отказа только по моменту юридического окончания преступления. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, граница между добровольным отказом и деятельным раскаянием «проходит по факту наступления вредных последствий. Добровольный отказ возможен... до наступления преступных последствий. Деятельное раскаяние следует после окончания преступления, когда преступные последствия уже наступили» [4]. Автор повторила эту позицию и в более позднем издании уже в период действия УК 1996 г., добавив при этом, в частности, что содержание деятельного раскаяния зависит от характера причиненного вреда (физического, психического, социального, имущественного, организационного). «При добровольном отказе — нет состава преступления. При деятельном раскаянии — состав преступления налицо» [5]. С последним трудно не согласиться, но налицо может быть и состав неоконченного преступления. Кроме того, содержание деятельного раскаяния может быть гораздо шире по своему характеру, чем уже причиненный вред. Деятельное раскаяние не исключено и при оконченом убийстве. Вопрос лишь в том, в чем оно выражается помимо невозможности заглаживания физического вреда.

Решение вопроса о разграничении деятельного раскаяния и добровольного отказа, на наш взгляд, должно зависеть не от последствий (очевидно — от последствий, являющихся признаком объективной стороны данного состава преступления), которые частично могут наступить и при неоконченном преступлении, а от того, окончено юридически преступление или нет [6]. Отсюда следует вывод, что добровольный отказ возможен только до момента окончания преступления, но это не означает, что деятельное раскаяние невозможно при оконченом преступлении. С учетом сказанного при определении понятия деятельного раскаяния его начальная граница, по нашему мнению, должна определяться словами: «после совершения оконченого или неоконченного преступления».

В работах, посвященных деятельному раскаянию, стало нормой обходить стороной вопрос о *конечной* границе такого поведения, а следовательно, и возможного проявления деятельного

раскаяния. Ответа на этот вопрос не дает не только теория уголовного права, но и уголовный закон в ст. 75 УК.

Подчеркнем, что в данном случае мы говорим о границах проявления деятельного раскаяния, имеющего уголовно-правовое значение, так как фактически раскаиваться в содеянном можно всю жизнь. Уголовно-правовые последствия совершенного преступления, наступающие и реализуемые в рамках охранительного уголовного правоотношения, прекращаются согласно закону либо в связи с истечением сроков давности (ст. 78, 83 УК), либо с погашением или снятием судимости (ч. 6 ст. 86 УК). Можно ли эту границу считать и конечной границей проявления деятельного раскаяния? Судя по имеющимся в литературе определениям понятия деятельного раскаяния — нет. По негласной договоренности деятельное раскаяние «после совершения преступления» допустимо лишь на стадиях досудебного и судебного производства по уголовному делу. Иного варианта решения этого вопроса мы не встретили ни в одном из источников. Показательна в этом вопросе позиция Н. С. Шатиной, которая, раскрывая значение такой формы деятельного раскаяния, как возмещение ущерба, с одной стороны, правильно говорит, что временные рамки такого раскаяния определить практически невозможно, а с другой — все-таки называет для него два временных ограничения: возмещение вреда должно производиться после наступления общественно опасных последствий и до вынесения приговора суда [7].

Тогда, может быть, правильнее обратиться вновь к уголовному закону. Оставляя без внимания описание различных проявлений деятельного раскаяния применительно к конкретным преступлениям, предусмотренное в соответствующих примечаниях к статьям Особенной части УК, посмотрим на содержание п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75 УК. Уголовно-правовое значение указанных здесь различных проявлений деятельного раскаяния привязано в первом случае к стадии назначения наказания, а во втором — к более ранним стадиям производства по уголовному делу. Эти проявления имеют, по сути, единообразное описание, а различаются лишь своим уголовно-правовым значением, что также естественно в силу различной стадийности их учета. Повторим то, что однажды — еще в период действия УК РСФСР [8] — уже высказывалось в специальной литературе: значение смягчающих обстоятельств, регламентированных ранее в ст. 38 УК РСФСР (в настоящее время — в ст. 61 УК), фактически выходит за рамки назначения наказания [9]. Не случайно в прежнем уголовном законодательстве они назывались «обстоятельствами, смягчающими

ответственность». При этом они могут относиться не только к деянию, получающему свою уголовно-правовую оценку сначала при квалификации, а затем при осуждении виновного, но и к личности последнего «во всей полноте их характеристик» [10]. Так почему же мы искусственно ограничиваем эту полноту применительно к лицу, совершившему преступление, пределами совершения преступления и назначения наказания за него? Фактически и после осуждения со стороны такого лица может иметь (а нередко имеет) активное способствование полному раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, «иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему» и его близким. А реагирует ли на такого рода деятельное раскаяние уголовный закон? Прямо — никак, в зависимости от усмотрения суда косвенно это возможно в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 74, 79, 80, 80.1, ч. 5 ст. 86 УК. Однако вряд ли деятельное раскаяние будет вписываться, например, в безупречное поведение, выступающее основанием для возможного досрочного снятия судимости, либо может рассматриваться как изменение обстановки, повлекшее утрату общественной опасности лица, совершившего преступление. На наш взгляд, если общество и государство заинтересованы в различных проявлениях деятельного раскаяния до момента осуждения виновного, то, судя по задачам, которые стоят перед уголовным законом, целям наказания, такая заинтересованность должна сохраняться и в последующем. Но тогда логично специально обозначить ее в уголовном законе применительно к стадиям исполнения наказания и течения давностных сроков. В этой связи, во-первых, конечную границу проявления деятельного раскаяния следует определить словами «до момента прекращения его уголовно-правовых последствий», а, во-вторых, в зависимости от категории преступления (ст. 15 УК), в связи с совершением которого состоялось осуждение виновного, представляется целесообразным дополнить уголовный закон нормой примерно следующего содержания:

«1. Лицо, впервые осужденное за преступление небольшой или средней тяжести, подлежит освобождению от отбывания наказания, если в процессе его исполнения деятельно раскаялось, то есть активно способствовало полному раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого

в результате преступления, добровольно возместило имущественный ущерб и моральный вред, причиненные в результате преступления.

2. При деятельном раскаянии лицо подлежит освобождению от отбывания наказания по исполнению не менее одной четверти срока или размера назначенного судом наказания».

Для лиц, впервые осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, при деятельном раскаянии требуемый минимальный срок или размер исполненного наказания мог бы составлять не менее половины [11]. Норма, аналогичная приведенной, могла быть помещена в гл. 12 «Освобождение от наказания», а с учетом ее социально-правового значения как стимулятора позитивного посткриминального поведения — перед ст. 79 УК.

К сказанному необходимо сделать два замечания. Во-первых, мы сознательно предлагаем минимальный срок отбытия наказания на уровне одной четверти, поскольку учитываем подобные сроки, установленные законодателем для условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 79, 80 УК). Более краткий срок отбывания наказания для деятельного раскаяния объясним, по-нашему мнению, еще и категориями преступлений (небольшой и средней тяжести), а также требованием совершения таких преступлений впервые. Исходя из этих же самых соображений считаем возможным акт освобождения от отбывания наказания при деятельном раскаянии облечь в форму императива «подлежит освобождению», так как элемент судебного (судейского) усмотрения все равно объективно присутствует в данном случае в оценке самого по себе деятельного раскаяния во всех его проявлениях. Во-вторых, и в рамках ч. 1 ст. 75 УК и в предлагаемой нами норме мы не видим особой необходимости в требовании об утрате общественной опасности деятельно раскаявшегося лица, предусмотренного Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [12].

Научной общественностью и правоприменителем данная законодательная новелла за редким исключением была принята как должное либо осталась незамеченной. Одним из тех, кто усомнился в ее обоснованности и целесообразности, выступил В. В. Сверчков. Автор на основе анализа практики освобождения от уголовной ответственности, предшествовавшей принятию названного выше Закона, назвал откровенно пустыми и порой не соотносимыми с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством ссылки дознавателей и следователей при применении ст. 28 УПК (ранее — ст. 7 УПК РСФСР) [13], в частности, на

утрату виновным опасности для общества. Ничего не изменилось в этом плане, по мнению В. В. Сверчкова, и с легализацией этого обстоятельства в ч. 1 ст. 75 УК, поскольку позитивное посткриминальное поведение лица в контексте статьи свидетельствует лишь о *снижении* его общественной опасности, в то время как *утрата* общественной опасности в рамках закона может быть производной от изменения обстановки [14], уголовно-правовое значение которой, как известно, определено в ст. 80.1 УК. Интересно то, что требование об утрате лицом, совершившим преступление, общественной опасности не выдвигается законодателем при освобождении от уголовной ответственности за деятельное раскаяние, регламентированное в примечаниях к статьям Особенной части УК [15], а в этом случае речь идет о преступлениях более тяжких, чем те, которые названы в ч. 1 ст. 75 УК. По мнению законодателя, это требование излишне при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, представляющим собой частный случай (одну из форм) деятельного раскаяния (ст. 76 УК), как и те, которые названы в ст. 76.1 УК. Не требует законодатель утраты общественной опасности лица, совершившего преступление, и при регламентации иных мер уголовно-правового характера, основание применения которых в той или иной степени «формируется» за счет поведения такого лица (ст. 79, 80, 82, ч. 5 ст. 86 УК). Не об утрате, а о существенном уменьшении и не лица, совершившего преступление, а самого преступления говорит закон при определении основания для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК). Где же здесь логика? И не примером ли ее отсутствия является как раз включение рассматриваемого требования в содержание ч.1 ст. 75 УК? Сомне-

ния в обоснованности такого решения усиливаются еще и тем, что законодатель таким образом презюмирует, что любое лицо, совершившее любое, в том числе и неосторожное, преступление, общественно опасно. Однако даже если согласиться с этой посылкой, то по каким внешним проявлениям можно судить об утрате общественной опасности лица? Только по его поступкам, наличие или отсутствие которых, по нашему мнению, вполне достаточно для вывода об освобождении от уголовной ответственности. По справедливому замечанию С. Г. Келиной, нельзя ставить освобождение от уголовной ответственности в зависимость от решения какого-либо органа, применяющего уголовный закон [16]. Усмотрение правоприменителя должно лежать только в области оценки обстоятельств, образующих объективную сторону деятельного раскаяния. Н. С. Шатихина права в том, что сотрудник правоохранительных органов или судья должны оценивать, все ли доступные ему действия, обусловленные спецификой содеянного, совершил правонарушитель [17]. Однако вряд ли можно согласиться с автором в том, что ст. 75 УК как раз в этой связи указывает «на существенное снижение степени общественной опасности лица», которое «должно происходить в результате совершения позитивных постпреступных действий» [18]. При такой постановке вопроса сама по себе оценка общественной опасности лица, совершившего преступление, нужно ставить во главу угла при оценке любого варианта уголовно-правового поведения: и правомерного, и противоправного, преступного и посткриминального, что противоречит не только вышеприведенным суждениям, в том числе и самой Н. С. Шатихиной, но и принципам определения преступности либо не преступности содеянного, заложенным в УК.

1. См., напр.: Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. М., 2013. С. 229; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2011. С. 271; Лустова О. С. Деятельное раскаяние. Эффективность применения поощрительных норм о деятельном раскаянии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 8.

2. См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлин. СПб., 2007. С. 139; Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 210.

3. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. См.: Советское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой, Ю. М. Ткачевского. М., 1988. С. 173.

5. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 379.

6. Важно также и то, что добровольный отказ возможен только при совершении умышленного преступления, а деятельно раскаиваться можно как в умышленных, так и неосторожных преступлениях. Не во всем совпадают эти институты и по характеру уголовно-правовых последствий.

7. См.: Уголовное право России: общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 887.

-
8. См.: Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
9. См.: Гаскин С. С. Отягчающие обстоятельства и их значение для индивидуализации уголовной ответственности и наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 9; Кругликов Л. Л. Правовая природа смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств // Уголовное право. 1999. № 4. С. 18.
10. См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1980. С. 77.
11. По данным, которые приводит И. Э. Звечаровский, в числе лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, удельный вес таких осужденных составляет около 34 %. (см.: Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. СПб., 2009. С. 97–98.)
12. См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
13. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
14. См.: Сверчков В. В. Уголовное право. Особенная часть. Краткий курс лекций. М., 2013. С. 152–155.
15. За исключением п. 1 примечания к ч. 1 ст. 134 УК, которое, на наш взгляд, говорит о посткриминальном поведении, не являющемся деятельным раскаянием. Пользуясь терминологией Х. Д. Аликперова, эту ситуацию можно назвать компромиссом между уголовным законом и лицом, совершившим преступление (см.: Аликперов Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991), или той альтернативой уголовному преследованию, о которой говорит Л. В. Головкин (см.: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002). См. также: Терских А. И. Компромисс в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
16. См.: Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 19.
17. См.: Шатикина Н. С. Указ. соч. С. 875.
18. Там же.

УДК 343.9

О. В. Карпова
O. V. Karпова

Региональная криминологическая характеристика личности женщин-преступниц, совершивших преступления повторно

Regional Criminological Description of Repeat Female Offenders' Personality

В статье на примере Иркутской области дается криминологический анализ личности женщин-преступниц, совершивших преступления повторно. Рассматриваются социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические признаки личности.

Криминологическая характеристика личности преступника; рецидивная преступность женщин; личность женщины-преступницы; женская преступность

The paper uses the example of Irkutsk Region for the criminological analysis of repeat female offenders' personality. The author examines the socio-demographic, criminal law and moral-psychological features.

Criminological description of a criminal's personality; crimes committed by repeat female offenders; personality of a female criminal; female criminality

Личность преступника является важнейшим элементом в механизме преступного поведения. В этой связи успешное предупреждение такого поведения возможно лишь в случае, если определенное внимание будет сконцентрировано на изучении лиц, совершающих правонарушения.

Действительно, личность преступницы представляет собой систему негативных социальных и психологических свойств и качеств, которые во взаимодействии с внешней средой приводят ее к совершению преступления.

Криминологическая характеристика личности женщин, совершивших преступления, в настоящей статье базируется на следующих основных структурных элементах специфических свойств и качеств: социально-демографиче-

ских, уголовно-правовых и нравственно-психологических.

Самыми распространенными признаками являются социально-демографические. Они отражают сложный характер корреляционных связей между социально-демографическими данными и определенными категориями преступников, социально-демографическими изменениями в обществе и изменениями в составе преступников и др.

Общеизвестно, что возрастная характеристика правонарушителей позволяет делать выводы о криминогенной активности и особенностях их преступного поведения (табл. 1). Кроме того, возраст во многом определяет потребности, цели людей, круг их интересов, образ жизни, что не может не сказываться на противоправных действиях.

Таблица 1

**Возрастная характеристика женщин-преступниц
в Иркутской области, %**

Категория	Возрастная группа, года					
	14–17	18–24	25–29	30–39	40–49	50 и старше
Все женское население	3,9	9,5	8,2	14,7	12,2	35,8
Женщины-преступницы	4,2	18,7	21,8	35,5	12,1	7,7
Женщины, повторно совершившие преступления	—	14,6	25,7	44,2	11,0	4,5
Коэффициент криминальной активности	—	0,8	1,2	1,3	0,9	0,5

Полученные данные свидетельствуют о том, что чаще всего в исследуемом регионе женщины совершают преступления в возрасте 30–39 лет, далее следуют те, кому 25–29 лет, затем — 18–24 года. Удельный вес преступниц в возрасте старше 50 лет незначителен (7,7 %), в то же время среди всех совершеннолетних женского пола эта возрастная группа самая многочисленная — 460,5 тыс. человек (35,8 %).

Анализируя коэффициент криминальной активности женщин определенной возрастной группы, можно констатировать, что наибольшей криминальной активностью обладают женщины в возрасте 30–39 лет, далее следует возрастная группа 25–29 лет.

Подобное распределение по возрастным группам объясняется тем, что женщины, повторно совершившие преступления, как правило, в более молодом возрасте уже были ранее судимы и последующие преступления совершали после отбывания предыдущего наказания.

Низкую криминальную активность женщин старшего возраста можно объяснить тем, что человек — существо биосоциальное, поэтому с возрастом происходит как физиологическое изменение, так и социальное взросление. Кроме того, с течением времени меняются окружение, условия жизни, опыт, привычки, способы реагирования на различные ситуации. Все это сказывается на поведении и образе жизни людей.

За последние пять лет произошли перемены в распределении женщин, ранее совершавших преступления по возрастным группам (рис. 1).

Анализ представленных данных показал, что доля лиц из числа рецидивисток возрастных групп 18–24 года и 25–29 лет существенно сократилась: в первой группе — почти на 10,0 %, во второй — на 7,1 %. При этом в полтора раза выросла доля

тех, кому от 30 до 39 лет. Эти изменения можно объяснить тем, что в последние годы резко увеличилось число рецидивисток. Причем речь идет о женщинах, имеющих ранее не одну или две судимости, а свыше трех. Иметь столько судимостей в более раннем возрасте невозможно, поэтому имеются в виду лица, как правило, более старшего возраста.

Среди факторов, оказывающих существенное влияние на развитие преступницы, особое место занимает ее образовательный уровень, который определяет социальную ценность личности.

Среди преступниц рассматриваемой категории преобладают лица со средним уровнем образования — 65,3 %. Кроме того, у них наблюдается самый высокий коэффициент криминальной активности. Далее следуют женщины со средним профессиональным образованием (почти каждая четвертая). Лица, имеющие высшее образование, составляют незначительную долю преступниц — 1,8 % (видимо, в силу большей адаптации к изменяющимся условиям внешней среды).

Во многом образовательный уровень преступниц определяет характер преступления, так как он влияет на круг интересов, потребностей, направленность общения и досуга и в конечном счете на образ поведения.

Например, анализ уголовных дел показал, что преступления, характеризующиеся элементами грубой силы (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, грабеж, разбой), как правило, совершают женщины с более низким образовательным уровнем. Количество неоконченных классов нельзя напрямую связать с тем или иным видом преступного поведения.

Несомненно, на личность преступницы большое влияние оказывает ее семейное положение (табл. 2).

**Семейное положение женщин,
повторно совершивших преступление**

Семейное положение	Удельный вес, %
Замужем	15,0
Не замужем	19,0
Проживает в гражданском браке (сожительствует)	52,0
Разведена	14,0

Представленные результаты свидетельствуют о неравномерном распределении среди женщин преступниц всех рассматриваемых категорий. Вместе с тем эти данные показывают, что замужем находится лишь каждая шестая преступница. Известно, что семья как один из важнейших социальных институтов является сильным средством антикриминогенного характера. Обычно она играет роль сдерживающего фактора, препятствующего совершению преступления. Следовательно, женщины, не состоящие в браке (доля их свыше 30,0 %), более подвержены криминогенному воздействию. Особенно это касается разведенных, так как последствия разрыва устоявшихся социальных связей (в первую очередь с семьей, близкими, соседями и т. д.) пагубно влияют именно на преступное поведение женщин.

Исследуя место жительства рецидивисток, можно сказать, что большинство из них — жительницы городов (8 из 10 человек).

Одним из основных связующих звеньев между отдельной личностью и обществом является ее трудовая деятельность, в процессе которой человек ощущает на себе воздействие соответствующей социальной среды и сам в свою очередь влияет на нее.

Структура рода занятий женщин, повторно совершающих преступления, выглядит следующим образом: работали на производстве — 31,4 %; были заняты в сфере торговли и обслуживания — 14,4 %; вели собственное дело — 5,5 %; учились — 3,7 % (в том числе в школе — 2,1 %, в техникуме — 1,1 %, в вузе — 0,5 %); находились на пенсии — 5,0 %; не работали и не учились — 40,0 %.

Эти данные свидетельствуют о том, что среди рецидивисток преобладают лица без определенного рода занятий, на втором месте — женщины, работающие на производстве, и на третьем — те, кто занят в сфере торговли и обслуживания населения.

Социальная опасность лиц без определенного рода занятий очень высока, у них самая большая вероятность совершения преступлений. Для них характерно совершение таких видов преступле-

ний, как кража, грабеж, разбой, незаконные действия с наркотическими средствами. В первую очередь это связано с неудовлетворением элементарных потребностей в еде, одежде, деньгах и т. д., на что указывают сами осужденные. Так, каждую пятую на повторное совершение преступлений толкнуло тяжелое материальное положение.

С социальным положением тесно связана характеристика материального положения женщин-преступниц. Например, на вопрос о среднем ежемесячном доходе на одного члена семьи 56,5 % осужденных ответили, что эта сумма у них не превышала 10 000 руб., у 26,5 % — от 10 000 до 20 000 руб., у 17,0 % — свыше 20 000 руб.

Уголовно-правовые признаки личности преступника включают сведения о характере преступного поведения, роли виновного в преступной группе, прошлой судимости и т. п.

Необходимо также отметить, что для рецидивисток характерно совершение умышленных преступлений (99,7 %). При этом умысел в 65,0 % случаев возникал внезапно, и только каждое шестое правонарушение было заранее обдумано. Решение совершить то или иное противоправное действие в каждом третьем случае женщина принимала по рекомендации друзей (подруг), родственников, сослуживцев; в 32,5 % случаев преступница советовалась по этому поводу с родственниками или знакомыми. В каждом пятом случае женщину, решившую совершить преступление повторно, пытались отговорить от таких действий, но она либо уже не могла отступить от своего плана, либо ей становилось все равно.

Совершая преступление, каждая третья женщина знала, что понесет за него наказание, в 16,0 % случаев она не ожидала, что преступление закончится такими последствиями, каждой десятой было безразлично, что произойдет с ней после ее злодеяния и 6,0 % считали, что сделали все, для того чтобы преступление не было раскрыто.

Порядком 67,4 % женщин при совершении преступления действуют в одиночку. Если это происходит в группе, то чаще они играют

роль исполнительниц (в 47,0 % случаев), т. е. находятся на второстепенных ролях. Это можно объяснить тем, что, как правило, уголовницы действуют совместно с мужчинами и их роль заключается в создании необходимых условий для совершения преступления, заманивании потенциальной жертвы, укрывательстве добытого имущества и самого правонарушителя, уничтожении следов и т. д.

Отметим, что в ходе криминологического анализа из изученной группы лиц 36,7 % ранее имели одну судимость, 49,1 % — две и более. Характеристика интенсивности женского рецидива описана при анализе качественных признаков данного вида преступности.

Нравственно-психологическая характеристика преступника раскрывает внутреннее содержание его личности.

В ходе опроса осужденных женщин автором была предпринята попытка выяснить жизненные цели и ценности женщин-преступниц и законопослушных женщин (рис. 2).

Анализ данных показывает, что традиционные представления о том, что для женщины наиболее значима семейная жизнь, нашли свое подтверждение: на первое место исследуемая группа осужденных поставила семейное счастье, на третье — воспитание детей. Постановка цели познания себя на второе место вполне объяснима. Психологи отмечают, что к познанию себя человек приходит, когда у него возникают проблемы и он хочет от них избавиться. Часто это касается «растрепанного» психического состояния личности. Поэтому, чтобы понять истинную причину недуга, необходимо разобраться в себе. В данном случае женщины, совершившие преступление и реально отбывающие наказание, испытывают сильнейший стресс, поскольку находятся по ту сторону забора. Подобная изоляция от общества сознательно или бессознательно заставляет их искать и объяснять причины своего поведения, для чего они пытаются разобраться в себе.

Сравнивая ранжирование представленных целей и ценностей рецидивисток и законопослушных женщин, отметим, что порядок их несколько отличается. Так, цели и ценности законопослушных женщин более упорядочены. Приоритет они отдают детям и семейному благополучию, далее идут ценности, связанные с успешной работой, саморазвитием и достижением материального благополучия. В свою очередь, достижение благосостояния как цели жизни осужденные поставили в числе первых пяти ценностей. Можно предположить, что такое распределение ценностей связано с тем, что данная категория женщин имеет невысокий уровень дохода (об этом говорилось

выше) и желает прежде всего достичь материального благополучия. По мнению психологов, женщины более болезненно, чем мужчины, переживают по поводу отсутствия денег и сильнее завидуют тем, кто их имеет. Мужчины, напротив, реже испытывают по поводу отсутствия денег беспомощность, депрессию, гнев, зависть, стыд и панику и чаще — восхищение и счастье. К тому же женщины думают о деньгах как о способе приобретения вещей, а мужчины — власти [1].

Вместе с тем была также предпринята попытка выявить личностные качества, которые повторно осужденные женщины ценят в людях (рис. 3).

Полученные результаты показали, что преступницы ценят в людях честность, верность и трудолюбие, хотя сами подобными качествами не обладают (рис. 4).

В первую очередь осужденные женщины считают себя честными, во вторую — трудолюбивыми, в третью — верными. Проведенные психологами исследования по поводу самооценки законопослушных женщин выявили, что на первом месте у них находятся характеристики, в которых проявляется отношение человека к другим людям, на втором — правдивость, на третьем — общительность [2]. Возникает вопрос об адекватности самооценки. Существует мнение, что мужчинам присуща объективность при восприятии мира, в то время как для женщин характерна субъективность и впечатлительность, так как они больше ориентированы на свое состояние, настроение [3].

Заканчивая нравственно-психологическую характеристику рецидивисток необходимо отметить, что в ходе воспитательного профилактического воздействия на осужденную не стоит существенно изменять или полностью устранять имеющиеся у женщины психологические черты. Сотрудников пенитенциарной системы необходимо предостеречь от этих усилий. Стремление, например, ликвидировать или изменить такую черту личности, как агрессивность, может привести к разрушению личности, психическим расстройствам. В этой связи в ходе работы с осужденными предпочтительнее наполнять личностные признаки другим, социально полезным содержанием, придавать им иную нравственную окраску. Следует также помнить, что личность — это всегда совокупность тесно взаимосвязанных психологических качеств и свойств и коррекция одного неизбежно повлечет изменение другого.

Все сказанное выше позволяет сделать выводы о том, что личность женщин, повторно совершивших преступления, обладает целым рядом отличительных признаков, демографических,

уголовно-правовых, нравственно-психологических. Отметим, что полученные результаты долж-

ны быть учтены при индивидуально-профилактической работе с данной категорией преступниц.

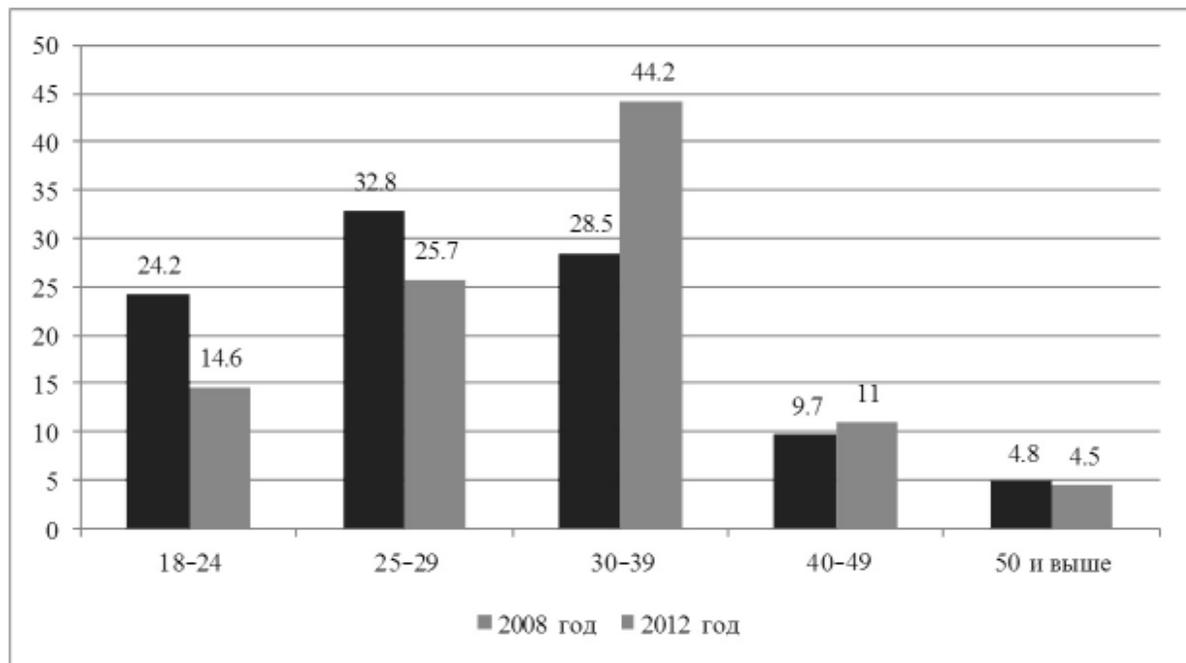

Рис. 1. Динамика распределения женщин-рецидивисток по возрастным группам, %

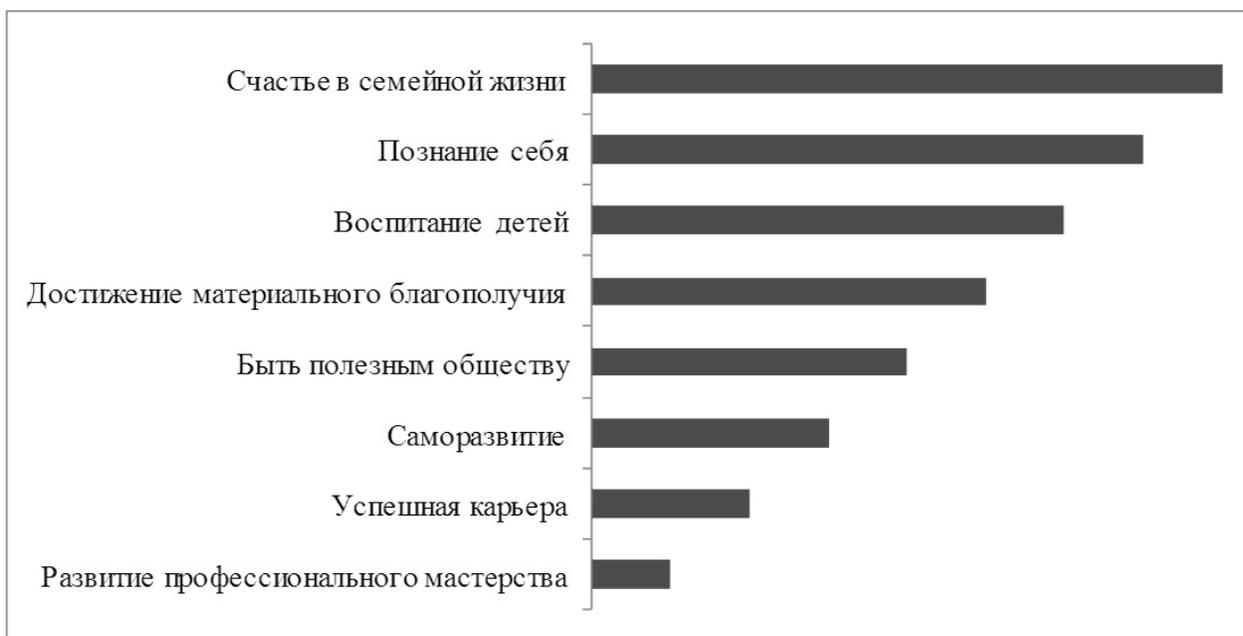

Рис. 2. Жизненные цели и ценности женщин-преступниц

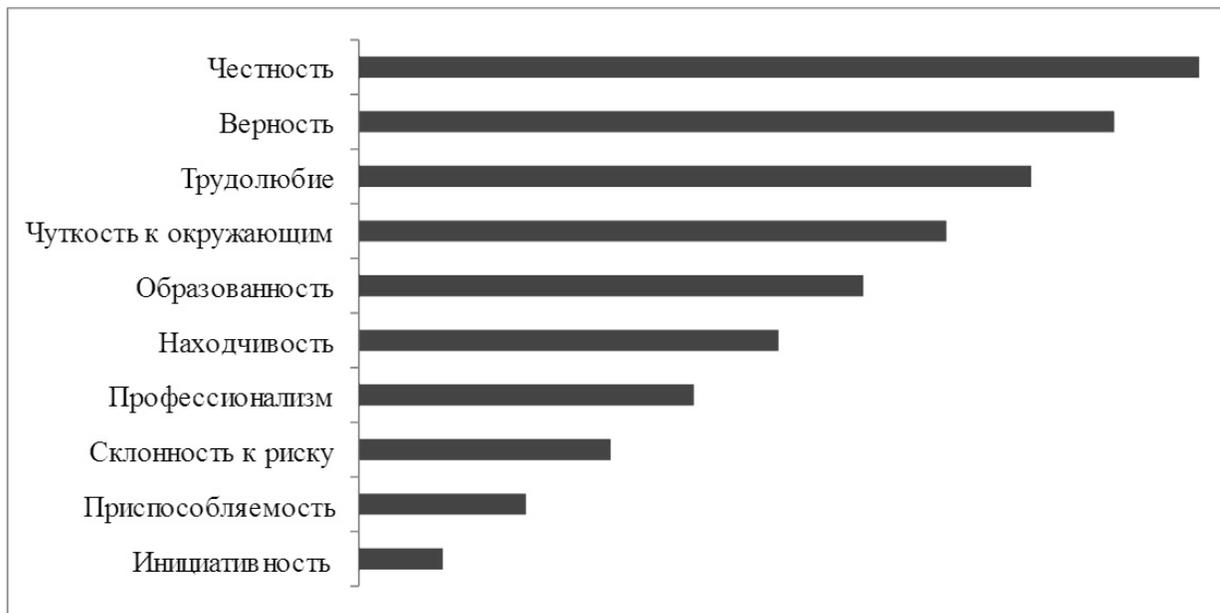

Рис. 3. Качества, ценимые женщинами-преступницами в людях

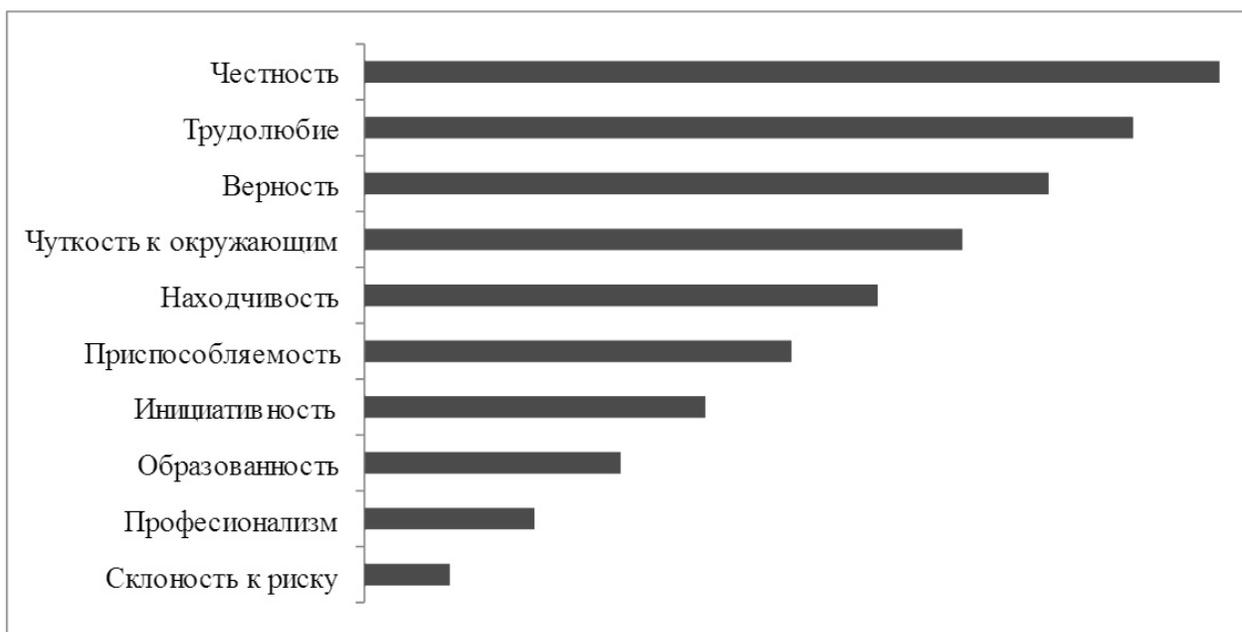

Рис. 4. Самооценка женщин-преступниц

1. См.: Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2003. С. 166.
 2. См.: Там же. С. 155.
 3. См.: Обозов Н. Н. Мужчина + Женщина = ? СПб., 1995.

УДК 343.132

А. С. Колесова
A. S. Kolesova

Тактические особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании насильственных преступлений в семье

Tactical Features of Particular Investigative Actions in the Investigation of Violent Crime in the Family

Рассматриваются тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием жертвы насильственных преступлений в семье в процессе расследования: проверка показаний на месте, освидетельствование, выемка, очная ставка, экспертизы.

Следствие; следователь; потерпевший; освидетельствование; выемка; очная ставка; экспертиза; допрос

We consider the production of certain tactical features investigative actions involving victims of violent crime in the family potsesse investigation: checking statements in place, inspection, seizure, confrontation, expertise.

Investigation; the investigator; the victim; survey; excavation; confrontation; examination and interrogation

Проверка показаний на месте с участием потерпевшего. Анализ судебно-следственной практики показал, что при расследовании насильственных преступлений в семье проверка показаний на месте с участием потерпевшего вообще не проводилась. В то же время, если потерпевший не участвовал в осмотре места происшествия, то, на наш взгляд, проверка с ним показаний на месте крайне необходима. Во-первых, она позволяет установить обстоятельства, которые могли быть выявлены при осмотре места происшествия, если бы в нем участвовал потерпевший, во-вторых — устранить имеющиеся противоречия и предотвратить возможность изменения показаний потерпевшим.

Проверка показаний на месте, как и любое следственное действие, включает в себя целый комплекс действий, имеющих временной ха-

актер. Определение времени, в течение которого оно будет проводиться, может иметь большое значение для обнаружения местонахождения предметов, имеющих значение для следствия, реализации иных функций [1].

В. Е. Богинский обоснованно считал, что «проверка показаний на месте — явление не кратковременное, оно представляет собой длящийся процесс, в течение которого проверяются, анализируются и сопоставляются доказательства» [2]. Напротив, В. А. Браун сопоставление показаний называет наиболее быстрым способом установления события преступления [3].

Поскольку при проверке показаний на месте с участием потерпевшего подозреваемый (обвиняемый) не участвует, это позволяет избежать некоторых подготовительных мероприятий, таких

как обеспечение мер предосторожности, привлечение других следователей, работников уголовного розыска, специально подготовленных конвоиров, размещение участников следственного действия в нескольких автомобилях. Тем не менее количество мероприятий, которые проводятся в рамках данного следственного действия, велико. Это также подтверждает тот факт, что проверка показаний на месте с участием потерпевшего имеет комплексный характер, выражающийся в системной интеграции элементов иных следственных действий [4], вбирает в себя определенные элементы осмотра места происшествия, следственного эксперимента, предъявления для опознания, допроса и обыска.

Категория времени неразрывно связана с объемом мероприятий, проводимых в ходе проверки показаний. Учитывая, что любое насильственное преступление, совершенное в семье, изначально известно в общих чертах, познание всех его составляющих представляет проблему, ограниченную в том числе временем. Иными словами, производство проверки показаний на месте с участием потерпевшего необходимо проводить сразу после его выписывания из стационарного лечебного учреждения.

Учитывая добровольный характер действий проверяемого потерпевшего, необходимо подчеркнуть, что «повторение показаний на месте расследуемого события благодаря оживлению ассоциативных связей активизирует образную память, а демонстрация лицом, показания которого проверяются, своих действий стимулирует моторно-двигательную память. Все в совокупности активизирует в памяти латентное (скрытое) запечатление, позволяет расширить воспоминания... При проверке показаний на месте одновременно используется три познавательных процесса: спрос, наблюдение, сопоставление» [5].

Эти и другие знания, используемые в проверке на месте, позволяют перейти от принятия решения о его производстве к тактике проведения. Так, объем информации, добытой следователем при сопоставлении данных, будет одним, при обнаружении новых предметов — другим.

Хотя установить новые фактические данные по тому или иному делу удастся не всегда, не следует забывать, что обнаружение не выявленных ранее следов насильственного преступления и вещественных доказательств составляет самостоятельную группу задач, разрешаемых проверкой показаний на месте [6]. Вероятность установления таких данных тем выше, чем грамотнее и качественнее проведено предшествующее следственное действие — допрос потерпевшего.

Новизна знаний, получаемых в ходе проверки, напрямую зависит от самостоятельности

или инициативы потерпевшего, проявляемой им в ходе следственного действия.

Степень полной или определенной самостоятельности проверяемого лица нуждается в уточнении. По этому вопросу имеются разные точки зрения. Так, одни авторы [7, 8, 9, 10] говорят о самостоятельности, под которой они понимают свободу выбора, например, указываемых объектов, а также возможность проверить, насколько самостоятельными были эти действия. Другие [11] считают, что проверяемому лицу должна быть предоставлена инициатива. Последняя заключается в совершении проверяемым лицом указанных действий без чьей-либо посторонней помощи.

Этимология этих слов показывает: совершение действий без чьей-либо помощи входит в категорию самостоятельности, более того, самостоятельность охватывает инициативу. Действительно, самостоятельность включает действия, когда потерпевший берет инициативу на себя. Проверяемое лицо указывает то место и объекты, о которых он дал показания. Думается, что дать необходимые пояснения, продемонстрировать отдельные действия, имевшие место в прошлом, — как раз и есть проявление инициативы. Иначе говоря, применительно к проверяемому лицу целесообразно говорить о самостоятельности действий, а не об инициативе.

Таким образом, если потерпевший не участвовал в осмотре места происшествия либо данное следственное действие вообще не проводилось по каким-либо причинам, необходимо с участием потерпевшего провести проверку его показаний на месте. Сделать это следует при первой же возможности (например, после выписывания потерпевшего из стационарного лечебного учреждения). При этом никаких других членов семьи на месте не должно быть, чтобы они не влияли на объяснения, которые будет давать потерпевший. В ходе следственного действия потерпевший должен показать, кто и где находился в начале конфликта; какие действия и кто делал; где было взято орудие преступления и куда потом оно делось; если он оказывал сопротивление, то каким образом, не пострадали ли при этом какие-либо предметы обстановки; какие следы и где образовались в момент совершения насильственных действий в отношении него. Если осмотр места происшествия не производился, то при проверке показаний на месте необходимо участие специалиста, который может оказать помощь в обнаружении следов насильственного преступления и их изъятии. В любом случае целесообразно организовать видеосъемку данного следственного действия. Эта запись может использоваться при последующих допросах потерпевшего, если он изменит свою

позицию и начнет отказываться от первоначальных показаний, а также при допросе обвиняемого, не признающего свою вину.

Освидетельствование потерпевшего. При расследовании преступлений рассматриваемой категории производство дознавателем (следователем) освидетельствования потерпевших является непременной и важнейшей правовой процедурой.

В соответствии со ст. 179 УПК [12] освидетельствование, т. е. наружный осмотр тела человека, проводится дознавателем (следователем) для обнаружения особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

Правовым основанием производства освидетельствования служит постановление, вынесенное дознавателем (следователем). Оно объявляется лицу, в отношении которого вынесено, и является для него обязательным (ч. 2 ст. 179 УПК). С учетом принудительного характера данного требования закона факт вынесения такого постановления служит процессуальной гарантией обоснованности производства данного следственного действия.

Кроме того, обеспечению и защите конституционных прав личности, предусматривающих уважение ее чести и достоинства, служат положения ч. 4 и 5 ст. 179 УПК. В соответствии с ними дознаватель (следователь) не вправе присутствовать при освидетельствовании лица другого пола, если оно сопровождается обнажением данного лица. В этом случае процедуру производит врач. Фотографирование, видеозапись и киносъемка в означенных выше случаях проводят лишь с согласия освидетельствуемого лица.

Если потерпевшим является лицо, которое по своему физическому или психическому состоянию лишено возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы (лицо недееспособное, ограниченно дееспособное или лицо, не обладающее дееспособностью в полном объеме — несовершеннолетний), для производства в отношении него освидетельствования привлекаются его законные представители (ч. 2 ст. 45 УПК).

В результате проведения данного следственного действия в ходе расследования насильственных преступлений в семье, прежде всего может быть выявлено наличие и характер телесных повреждений, а также определены их размеры и расположение на частях тела у освидетельствуемого лица ран различного происхождения, ссадин, царапин, кровоподтеков, следов ожога от действия ядовитого вещества, огня, горячего пара и др., следов крови, повреждение ногтей, повреждение и отсутствие отдельных частей тела (ушных раковин, пальцев) и т. д.

По результатам освидетельствования дознаватель (следователь) составляет протокол, к которому предъявляют те же требования, что и к протоколу следственного осмотра.

Выемка. В ходе производства расследования по уголовным делам о насильственных преступлениях в семье может возникнуть необходимость в производстве выемки орудий, используемых подозреваемым при причинении потерпевшему телесных повреждений, и одежды потерпевшего [13].

Выемка орудия преступления проводится как самостоятельное следственное действие в случаях, если в ходе осмотра места происшествия и проверки показаний потерпевшего на месте оно не было найдено (преступник спрятал его или выбросил), а пострадавший впоследствии его нашел. В этом случае он может сам принести орудие преступления следователю (дознавателю) и выемка будет производиться в его кабинете.

Одежду потерпевшего, в которой он был одет в момент совершения в отношении него насилия, необходимо изымать сразу после того, как было возбуждено уголовное дело. Если потерпевший обратился с заявлением в полицию и находится в той же одежде, в которой он был в момент совершения в отношении него насилия, следует проехать с ним домой, чтобы он мог переодеться, и там произвести выемку. Нельзя поручать потерпевшему самостоятельно отправляться домой, переодеваться и привозить одежду следователю (дознавателю). Некоторые потерпевшие, особенно женщины, стесняются отдавать грязную, порванную одежду. Они могут постирать ее, зашить дыры и тем самым уничтожить вещественные доказательства, которые могли остаться на одежде. Если потерпевшего забрали в больницу в той одежде, в которой он был в момент совершения в отношении него насилия, то выемку следует производить в больнице в присутствии пострадавшего.

Очная ставка с участием потерпевшего. Данное следственное действие производится для устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, при которых дознавателю (следователю) весьма сложно установить подлинную картину происшедшего события. Статья 192 УПК не содержит каких-либо разъяснений относительно того, какие противоречия являются существенными, а какие нет. В связи с этим полагаем, что о существенности противоречий можно вести речь тогда, когда они затрагивают обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, т. е. предмет доказывания (ст. 73 УПК). При этом важно иметь в виду, что предмет очной ставки не всегда может быть представлен всей совокупностью указанных обстоятельств. Тем не менее это не является основанием

для отказа от производства указанного следственного действия.

Производство очной ставки между потерпевшим и подозреваемым в ряде случаев способствует выдвижению и проверке версий о необходимой обороне или провокации со стороны потерпевшего.

При производстве очной ставки с участием потерпевших — жертв домашнего насилия, несовершеннолетних их следует допрашивать первыми, чтобы исключить негативное воздействие на них со стороны обвиняемого. Если же в очной ставке участвует потерпевший — домашний тиран, то его следует допрашивать вторым.

Поскольку участники очной ставки являются членами одной семьи, зачастую длительное время находящиеся в конфликте, то в ходе очной ставки между ними может начаться перебранка, взаимные обвинения. Данную ситуацию следует сразу пресекать либо прекращать очную ставку.

Еще на этапе подготовки к производству очной ставки необходимо выяснить у потерпевшего, готов ли он подтвердить свои обвинения в присутствии обвиняемого. Часто потерпевшие — несовершеннолетние, жертвы домашнего насилия боятся встречаться с обвиняемым на очной ставке, поэтому отказываются от него. В то же время, если несовершеннолетний настаивает на показаниях, то и в ходе очной ставки он их подтвердит.

Так, в ходе следствия 16-летняя потерпевшая С. сообщила, что отчим часто оскорблял ее, избивал по разным причинам. Рассказала, что, когда ей исполнилось 12 лет, отчим продемонстрировал ей свои половые органы, рассказывал о деторождении, впоследствии стал совершать насильственные половые акты, в случае сопротивления с ее стороны избивал, предупреждал, чтобы не рассказывала матери, устраивал дома скандалы, ссорился с матерью. Заставлял подростка смотреть порнографические фильмы, пить шампанское с таблетками реланиума, снимал обнаженной на видеокамеру. На очной ставке с обвиняемым она подтвердила свои показания [14].

В случае если следователь (дознатель) прогнозируют возможность изменения показаний потерпевшего при производстве очной ставки, следует отказаться, провести другие возможные следственные действия для устранения возникших противоречий.

Экспертизы потерпевшего. Цель производства судебной экспертизы как процессуального действия состоит в получении новых или проверке уже имеющихся в деле доказательств. Судебная экспертиза заключается в проведении исследования объектов и документов, имеющих отношение к расследуемому преступлению, осуществляемого субъектом исследования (экспертом) на

основе имеющихся у него специальных познаний. Порядок производства судебной экспертизы установлен ст. 195–207 УПК.

Судебная экспертиза производится на основании постановления дознавателя (следователя), которое должно включать в себя все необходимые реквизиты (пп. 1–4 ч. 1 ст. 195 УПК). Следует обратить внимание на необходимость еще до начала ее производства (о важности соблюдения данного требования закона см. Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [15]) ознакомить подозреваемого, его защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы и разъяснить им права, которыми они наделяются (ст. 198 УПК).

Кроме того, в целях обеспечения прав и законных интересов потерпевшего дознаватель (следователь) должен предоставлять ему возможность ознакомиться с постановлениями о назначении судебных экспертиз независимо от их вида, а также с полученными на их основании экспертными заключениями (Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [16]).

В соответствии со ст. 197 УПК дознаватель (следователь) наделяется правом находиться в месте производства судебной экспертизы, что обеспечивает ему возможность полноценно осуществлять полномочия, возложенные на него УПК.

Признав необходимым назначение судебной экспертизы, дознаватель (следователь) уже на этапе вынесения постановления должен определить объект предстоящего экспертного исследования; род (вид) судебной экспертизы, сформулировать вопросы эксперту, подготовить сведения и материалы, относящиеся к предмету экспертизы, а также определиться с выбором эксперта конкретной специальности и (или) экспертного подразделения.

При расследовании насильственных преступлений в семье в целях установления характера и степени вреда, причиненного здоровью, в обязательном порядке должна назначаться судебно-медицинская экспертиза (п. 2 ст. 196 УПК).

Перед экспертами — судебными медиками могут быть поставлены вопросы примерно следующего содержания:

1. Какие повреждения имеются у потерпевшего?

2. Каковы их характер, количество, давность и локализация?

3. Каковы свойства предмета (орудия, оружия), при помощи которых было причинено телесное повреждение?

4. Возможно ли причинение повреждений при помощи конкретного предмета (орудия, оружия)?

5. Каков механизм образования повреждений (вид травмирующего воздействия)?

6. Каково направление действия травмирующей силы, от которой произошли повреждения у пострадавшего?

7. Каково было взаиморасположение потерпевшего и нападавшего в момент причинения повреждения?

8. Могло ли быть причинено данное повреждение (повреждения) самим потерпевшим?

9. Является ли повреждение лица, имеющееся у пострадавшего, неизгладимым (обязательный вопрос в случае локализации повреждения на лице) [17]?

Если после насильственных действий на теле потерпевшего остаются повреждения, их обязательно оценивают по степени тяжести исходя из Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [18]. Если же побои и иные насильственные действия не оставляют после себя никаких объективных следов, то судебно-медицинский эксперт в заключении отмечает жалобы потерпевшего, указывает, что видимых признаков повреждений не обнаружено. В подобных случаях установление факта побоев относится к исключительной компетенции органов дознания, предварительного следствия и суда [19].

Весьма актуальной для дел о насильственных преступлениях, совершенных в семье, является проблема назначения и производства судебно-медицинских экспертиз, когда в материалах уголовного дела имеется акт судебно-медицинского освидетельствования. По правилам п. 2 ст. 196 УПК для определения характера и степени вреда, причиненного здоровью (либо отсутствия такого вреда при наличии побоев), в обязательном порядке должна проводиться судебно-медицинская экспертиза, так как единственной процессуальной формой установления этих сведений закон считает судебную экспертизу.

На практике некоторые следователи, дознаватели и мировые судьи иначе толкуют поло-

жения ст. 196 УПК при рассмотрении уголовных дел по этим преступлениям. Если подсудимый не возражает против выводов, содержащихся в акте судебно-медицинского освидетельствования, защитник не оспаривает допустимость данного документа-доказательства (а только в этом качестве акт может фигурировать в уголовном деле), то следователь, дознаватель, мировой судья не назначают судебно-медицинскую экспертизу для установления характера и степени вреда, причиненного здоровью, — вопреки требованиям ст. 196 УПК.

Безусловно, похвально стремление следователей, дознавателей и мировых судей к экономии процессуальных сил, средств, к сокращению сроков производства. Но закон есть закон. В связи с этим Е. А. Зайцева предлагает ввести соответствующие дополнения в УПК, которые бы непосредственно в тексте ст. 196 УПК оговаривали эти исключения [20]. Мы поддерживаем данное предложение, поскольку в результатах проведения судебно-медицинского освидетельствования отражены ответы на те же вопросы, которые были бы поставлены при назначении судебно-медицинской экспертизы. И только в тех случаях, когда следователю (дознавателю) необходима иная информация, которая не нашла отражения в акте судебно-медицинского освидетельствования, следует назначать экспертизу.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится в отношении как психически здоровых детей, так и лиц с аномалиями психического развития (оцениваются медицинскими и психологическими показателями), а также тех, чье психическое состояние и степень выраженности нарушений позволяют говорить о наличии психического заболевания. Традиционно считается, что решение экспертных вопросов в отношении потерпевших, у которых не было выявлено психических расстройств, является прерогативой экспертов-психологов. Так, вопрос о неспособности понимать характер и значение сексуального деликта (беспомощное состояние) психически здоровыми малолетними и несовершеннолетними потерпевшими относится к предмету не судебно-психиатрической, а судебно-психологической экспертизы [21].

Потенциальная способность воспринимать обстоятельства сексуального деликта, понимать характер и значение противоправных действий обвиняемого зависит от сформированности у потерпевших психических процессов и психологических структур в различных возрастных периодах, что указывает на необходимость исследования психосексуальных особенностей потерпевших.

В случаях внутрисемейного насилия телесные повреждения у ребенка, а также свидетели

насилия зачастую отсутствуют, и основным доказательством преступления становятся показания ребенка. В такой ситуации результаты психологического обследования, выявившие у ребенка психологические расстройства, которые характерны для детей, перенесших насилие, становятся важным доказательством обвинения. Так, в результате постоянного насилия и конфликтов в семье у ребенка могут появиться симптомы полноценной, взрослой депрессии [22], затяжные невротические страхи [23].

Нередко у следствия возникают вопросы о причинах, на первый взгляд, неадекватного поведения несовершеннолетнего в криминальной ситуации, например, почему он не оказывал сопротивления преступнику или не обратился за помощью к другим членам семьи. Психологическое обследование ребенка позволяет выявить те черты его личности, которые определяли его поведение в криминальной ситуации.

Производство комплексной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего потерпевшего может проводиться экспертами психоневрологических больниц, при которых созданы специальные группы. Возможно проведение такой экспертизы и в центрах психолого-медико-социального сопровождения, основным направлением деятельности которых является оказание помощи детям — жертвам насилия (в Москве такой центр под названием «Озон» функционирует с 1996 г.). В случае если ребенок после совершенного в отношении него насилия в семье помещен в такой центр, то экспертизу желательно проводить именно там, поскольку специалисты могут наблюдать за потерпевшим длительное время в обстановке, ставшей для него привычной, что существенно повышает достоверность сделанных выводов (см. письмо Департамента государственной политики в сфере воспитания, дополнительного образования и социальной защиты детей Минобрнауки России от 10.03.2009 № 06-224 «Рекомендации об организации в субъектах Российской Федерации работы по профилактике жестокого обращения с детьми» [24]).

В ходе данной экспертизы определяется возможность несовершеннолетнего верно излагать события, степень причиненной ему психической травмы. Перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы:

1) наличие субъективной возможности у несовершеннолетнего правильно оценивать и воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела [25];

2) психологическая мотивация действий потерпевшего [26];

3) причинен ли несовершеннолетнему потерпевшему психологический вред, если да, то в чем он выражается.

При расследовании насильственных преступлений в семье может назначаться психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа. В то же время в отношении потерпевших по данной категории дел подобная экспертиза назначается крайне редко. Обусловлено это объективными причинами. Во-первых, потерпевшим от насилия в семье не свойственно обращаться в полицию с ложными заявлениями — их позиция диаметрально противоположная: они готовы терпеть насилие, лишь бы не выносить сор из избы. Во-вторых, психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа в соответствии с существующей методикой не может проводиться в отношении несовершеннолетнего — фактически единственного члена семьи, который может сообщить ложные сведения о якобы имевшем в отношении него насилии со стороны родителей в качестве места за какие-либо их действия по его воспитанию.

Однако в некоторых случаях производство психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа необходимо для проверки обстоятельств совершения сексуального насилия. Ложные заявления о преступлении сексуального характера могут подать брошенные женщины в целях возвращения в семью ушедшего сожителя. При возникновении у следователя сомнений в правдивости показаний заявительницы он может назначить психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа. Одним из сложнейших вопросов является выбор эксперта, поскольку в подразделениях МВД России такие процедуры не проводят. В штате криминалистических подразделений Следственного комитета специалисты-полиграфологи имеются, поэтому лучше экспертизу назначать им, а не частным лицам. В случае выбора частного полиграфолога необходимо убедиться в его компетенции: проверить его сертификат на право производства психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа; изучить данные им ранее заключения на предмет полноты описания в них процесса исследования, корректности формулирования выводов.

Полиграфологу для исследования необходимо представить все материалы уголовного дела, так как имеющаяся в нем информация позволит эксперту составить соответствующие тесты. На разрешение эксперта может быть поставлен следующий вопрос: сохранились ли в памяти потерпевшей те события, о которых она рассказывает?

Таким образом, производство следственных действий с участием потерпевшего от насильственного преступления в семье обладает спецификой, обусловленной его психологическим состоянием, занимаемой позицией, а также ролью в семейном конфликте.

1. См.: Хлынцов М. Н. Проверка показаний на месте. Саратов, 1971. С. 11; Быховский И. Е., Корниенко Н. А. Проверка показаний на месте. Л., 1988. С. 17.
2. Богинский В. Е. Проверка показаний подозреваемого // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1986. Вып. 17. С. 70.
3. См.: Браун В. А. Процессуальное и криминалистическое исследование сопоставления показаний с фактической обстановкой на месте происшествия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1967. С. 7.
4. См. : Чаднова И. В. Проверка и уточнение показаний на месте : автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 12.
5. Башкирский А. И. Психологические особенности следственного эксперимента и проверки показаний на месте. Челябинск, 1999. С. 20.
6. См.: Копылов И. А., Резван А. П. Тактика производства проверки показаний на месте. Волгоград, 2000. С. 6.
7. См.: Уваров В. Н. Проверка показаний на месте. М., 1982. С. 8.
8. См.: Быховский И. Е., Корниенко Н. А. Указ соч. С. 17.
9. См.: Браун В. А. Указ. соч. С. 7.
10. Ясинский А. Н. Некоторые вопросы проверки показаний на месте // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. Тула, 2005. С. 186–188.
11. См.: Копылов И. А., Резван А. П. Указ соч. С. 6.
12. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
13. См.: Костылева Г. В., Данилова С. И., Муженская Н. Е. Особенности производства дознания по уголовным делам о причинении легкого вреда здоровью и побоях (ст. 115, 116 УК РФ). Подготовлено для справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. См.: Догадина М. А., Пережогин Л. О. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 4, 5; 2008. № 2, 3, 4, 5.
15. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
17. См.: За основу взят перечень вопросов, составленный Е. Р. Россинской. См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 512.
18. См.: См.: СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.
19. См.: Абрамова Н. Г. Некоторые вопросы квалификации побоев // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. С. 21–26.
20. См.: Зайцева Е. А. Применение специальных медицинских познаний при производстве по уголовным делам, подсудным мировым судьям // Мировой судья. 2011. № 2. С. 18–22.
21. См.: Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
22. См.: Ниссен Г. Агрессивность и аутоагрессивность детей и подростков. Вып. 4. М. : Социальная и клиническая психиатрия, 1992; Ремшмидт Г. Детская и подростковая психиатрия. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
23. См.: Можгинский Ю. Б., Андрианова Т. А. Роль аффектов в структуре агрессивного поведения // Юридическая психология. 2009. № 4. С. 14–16.
24. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
25. См.: Грошевой Ю. М. Психологическая экспертиза на предварительном следствии // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 7. Киев, 1970.
26. Экменчи А. О. О судебно-психологической экспертизе // Сов. юстиция. 1968. № 6.

Вопросы формирования Единого регистра нормативных правовых актов

Questions of Formation of the Uniform Register of the Normative Legal Acts

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с формированием Единого регистра нормативных правовых актов и перспективами его развития.

Исследование основывается на Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., Хартии открытых данных «группы Восьми» и международных положениях, Законопроектной инициативе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».

Право; информация; регистр

This article discusses some of the issues related to formation of the Uniform register of the normative legal acts and the prospects for its development.

The research is based on: Strategy for Information Society Development in Russia, State Program of the Russian Federation «Information Society (2011-2020 years)», The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020; Charter open data «Group of Eight» and international regulations; the lawmaking initiative Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Draft of the Federal Law «On normative legal acts of the Russian Federation»

Law; information; register

Согласно техническому приложению Хартии открытых данных государства «группы Восьми» [1], куда входит и Российская Федерация, придерживаются принципа опубликования данных как в большом количестве, так и с высоким качеством. При этом следует использовать такие способы, которые помогали бы людям понимать и использовать их. Это должно помочь увеличить совместимость данных из всевозможных областей политики, бизнеса и разных стран. В открытые данные входит в числе прочего информация о нормативных правовых актах, принимаемых в государстве.

Государственная политика, направленная на формирование информационного общества, развитие процедур взаимодействия общества и государства с использованием информационных технологий, построение единого информационного пространства, базируются на принятых в последние годы Президентом РФ, а также иными органами государственной власти основополагающих документах: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации [2], Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [3],

Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [4] и др.

Указанные документы направлены на обеспечение реализации предусмотренных Конституцией [5] прав граждан, органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, общественных объединений и создание оптимальных условий для полного удовлетворения их информационных потребностей.

В утвержденном распоряжении Правительства РФ 25.04.2006 № 584-р Перечне регистров, реестров, классификаторов и номенклатур, отнесенных к учетным системам федеральных органов государственной власти, под № 2 значится Единый регистр нормативных правовых актов РФ (далее — Единый регистр) [6], который ведется в целях обеспечения верховенства Конституции и федеральных законов, учета и систематизации нормативных правовых актов, реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о правовых актах, создания условий для получения правовой информации органами государственной власти и местного самоуправления, должностными лицами и организациями.

Законопроектная инициатива Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, представленная в 2013 г. в виде проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [7], подтверждает актуальность выбранной темы исследования. Так, ст. 102 «Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» законопроекта, ст. 103 «Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации», ст. 104 «Регистр муниципальных нормативных правовых актов», ст. 105 «Свод законов Российской Федерации» и ст. 106 «Федеральная информационная система нормативных правовых актов» позволили автору провести подробное научное исследование указанных информационных учетных систем как составляющих элементов Единого регистра и сформулировать предложения по его развитию в том числе как основы создания Свода законов РФ в электронной форме.

В связи с построением информационного общества и внедрением современных информационных технологий во все сферы жизни особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, информационного обеспечения государственной политики РФ, направленной на повышение эффективности законодательства.

Необходимо также подчеркнуть, что деятельность по обеспечению единства информационно-правового пространства неразрывно связана с реализацией конституционного права граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах РФ.

Решение комплексной задачи обеспечения единства правового пространства РФ, конституционного права граждан на информацию, совершенствования законодательства, его систематизации и кодификации требует введения государственного учета всех нормативных правовых актов РФ — создания единого банка данных этих актов — Свода законов РФ.

Потребность создания Свода законов РФ в электронной форме в условиях развития глобального информационного общества XXI в. для реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах подтверждается историческими аналогиями. В начале 70-х гг. XX в. были приняты государственные решения о создании Свода законов СССР, связанные с содержанием и формированием основных принципов объединения материала, схемой, формой и сроками издания Свода законов СССР. В 1980-х гг. под непосредственным руководством министра юстиции СССР В. И. Тербилова были изданы систематическое Собрание законодательства СССР и соответствующие собрания в союзных республиках.

Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [8] позволяет по-новому с использованием современных информационных технологий организовать систему совершенствования законодательства РФ. Задачей правового мониторинга является реализация одного из приоритетных направлений государственной политики — повышения качества и эффективности законодательства как важного фактора развития государства.

При решении комплексной задачи по мониторингу правовой информации, обеспечению единства правового пространства РФ наиболее полно информационные наблюдения реализуются, на наш взгляд, при ведении Единого регистра. Он основан на высокопрофессиональной юридической обработке помещаемых в него правовых актов и предоставляет возможность выявления взаимосвязей и ссылок между документами, что необходимо для выработки обоснованных государственных решений при совершенствовании действующего законодательства РФ как главного результата мониторинга правоприменения.

Так, 24 июля 2013 г. Президент РФ утвердил Основы международной информационной

безопасности до 2020 г. [9]. Указанный документ позволяет по-новому взглянуть на развитие и защищенность информационных ресурсов страны. Состояние защищенности Единого регистра как уникального информационного ресурса имеет существенное значение для обеспечения информационной безопасности государства и является важным элементом при проведении эффективно-го государственного управления.

В целях обеспечения осуществления государственных функций по оказанию правовой поддержки государственным органам и гражданам распоряжением Правительства РФ от 16.08.2013 № 1453-р утвержден план реализации государственной программы РФ «Юстиция» [10], предусматривающий создание федеральной информационной системы нормативных правовых актов как информационно-технологической основы Единого регистра. Это привело к необходимости проведения научных исследований данного направления государственной деятельности.

Структурно Единый регистр состоит из следующих составляющих:

- Государственного реестра нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, который ведется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [11];

- Федерального регистра нормативных правовых актов субъектов РФ, который ведется в соответствии с Указом Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» [12];

- Федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов, который ведется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 10.09.2008 № 657 «О ведении федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» [13].

- Фонда правовых актов, созданного на базе уникальных архивов Минюста России во исполнение распоряжения Правительства РФ от 15.01.1993 № 59-р «О создании автоматизированной информационно-поисковой системы "Законодательство"» [14], содержащий результаты исполнения распоряжения Президента РФ от 18.03.2011 года № 158-рп «Об организации работы по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию указанных актов недействующими на территории Российской Федерации» [15].

В связи с построением информационного общества и внедрением современных информационных технологий во все сферы жизни особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, информационного обеспечения государственной политики РФ, направленной на повышение эффективности законодательства.

Для решения указанной задачи необходимо создать механизм обеспечения единства правового пространства России, который позволил бы оптимизировать взаимодействие системы законодательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В 2013 г. Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ в порядке законопроектной инициативы предложил юридическому сообществу проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Это продиктовано необходимостью связать воедино все фазы появления и действия актов в процессе правотворчества и правоприменения.

Кроме того, в законопроекте даны характеристики способов использования новых информационных технологий в правотворчестве и применении права на практике. Этому посвящена гл. 16 данного документа, где предлагается внести норму о Едином регистре.

Автор поддерживает идею о создании свода законов и в электронной форме, путем придания нормативным актам правовой силы, размещенным как документам с технологией электронной подписи в соответствующем базовом государственном информационном ресурсе. Данный ресурс, к которому с соблюдением требований информационной безопасности обеспечивается непрерывный доступ, необходимо поддерживать уполномоченным органом власти в состоянии полноты, достоверности и актуальности.

Предлагается дополнить названный проект федерального закона «О нормативных правовых актах» нормой о придании Единому регистру правового режима базового государственного информационного ресурса и использования его для создания и ведения свода законов РФ в электронной форме.

Для дальнейшего развития регистров и реестров предлагается утвердить концепцию развития Единого регистра.

Основополагающие документы в сфере информационной безопасности (Доктрина информационной безопасности и Стратегия национальной безопасности) указывают на то, что большинство современных угроз исходит в направлении

информационных ресурсов страны. Опыт развитых стран свидетельствует, что защита своих информационных ресурсов требует не только решений в сфере информационных технологий, но и организационно-правовых.

Обеспечение безопасности государственных информационных ресурсов является важным условием эффективности выполнения государственными органами их функций и предоставления гражданам и организациям информационных услуг.

Единый регистр ведется в целях обеспечения верховенства Конституции и федеральных законов, учета и систематизации нормативных правовых актов, реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о правовых актах, создания условий для получения правовой информации органами государственной власти и местного самоуправления, должностными лицами и организациями.

С начала 90-х гг. подобными задачами занимаются и коммерческие структуры («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс»), достигшие больших успехов в данной области. Подавляющее большинство юристов пользуются данными правовыми системами и не всегда знают о существовании Единого регистра как уникального информационного ресурса.

В условиях международных кризисных явлений базы данных коммерческих структур гораздо более подвержены воздействию угроз как по экономическим причинам, так и по требованиям информационной безопасности. Во-первых, Единый регистр отличается от них наличием гораздо большего объема содержащихся в нем уникальных правовых актов (акты субъектов РФ и муниципальные акты, действующие акты первых лет советской власти, принятые до образования СССР, и действующие акты СССР). Во-вторых, информационные ресурсы Единого регистра, сосредоточенные в Минюсте России, защищаются на уровне требований информационной безопасности, предъявляемым к государственным структурам.

Основной целью создания и развития Единого регистра как информационной системы является обеспечение процесса ведения федеральных регистров и государственных реестров, формирование на их основе единого информационно-правового пространства Российской Федерации, обеспечивающего полную правовую информированность всех государственных и общественных структур, юридических лиц, граждан, доступность правовых актов для всех заинтересованных лиц, обеспечение согласованности и непротиворечивости издаваемых в стране пра-

вовых актов, а также обеспечение единообразного подхода к формированию, сбору, хранению, обработке и передаче правовой информации и ее использованию.

Функции по сбору, обработке и ведению фондов нормативных правовых актов, в том числе в электронно-цифровой форме, в соответствии с приказом Министерства юстиции РФ от 28.09.2005 № 182 «Об Уставе Федерального государственного учреждения Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации» [16] возложены на НЦПИ.

Как отмечает Т. А. Полякова, опыт создания национальной системы правовой информации в Республике Беларусь заслуживает особого внимания [17]. Так, вопросы формирования единого информационно-правового пространства в Республике Беларусь регулируются Советом министров страны в постановлении от 09.08.2010 № 1174 «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год» [18]. Данный стратегический правовой акт определяет одним из основных механизмов по развитию информационных технологий национальную систему экспертизы и мониторинга в сфере развития информационного общества.

В Республике Беларусь государственной структурой по учету правовых актов, ведению эталонного банка данных правовой информации и распространению правовой информации является НЦПИ Республики Беларусь, который имеет длительный опыт сотрудничества в области правовой информации и создания правовых баз данных с НЦПИ при Минюсте России.

Единство принципов ведения федерального регистра определяется тем, что реестры, регистры представляют собой единый государственный информационный ресурс. Одновременно осуществляется и ведение банка данных федерального законодательства для обеспечения единой системы ссылок к нормативным правовым актам.

В концепции сформулированы принципы развития Единого регистра:

- формирование и ведение единого автоматизированного учета нормативных правовых актов РФ;
- обеспечение качества ведения регистров и реестров за счет актуальности, полноты и достоверности информации, основанной на использовании официальных источников опубликования;
- обеспечение реализации услуг по предоставлению нормативной правовой информации

всем категориям заинтересованных лиц и организаций;

- предоставление возможностей мониторинга правоприменения федерального, регионального и муниципального уровней;

- предоставление единых методических правил для проведения систематизации нормативных правовых актов РФ.

Федеральные регистры и государственные реестры ведутся в целях предоставления актуальной и достоверной правовой информации. Ведение регистра правовых актов включает процедуры правовой и антикоррупционной экспертизы, сбора иных дополнительных сведений, а также взаимодействия участников процесса ведения регистров.

Внесение изменений в нормативные правовые акты может быть результатом реагирования на итоги правовой и антикоррупционной экспертизы, основанием для изменений могут быть письма уполномоченных органов государственной

власти или территориальных органов Минюста России, а также протесты прокуратуры или судебные решения.

Таким образом, ведение федеральных регистров и государственных реестров — сложный комплекс мероприятий, связанный со всеми этапами жизненного цикла нормативного правового акта (от создания проекта акта до его отмены). Иными словами, Единый регистр может рассматриваться как реальный инструмент нормотворчества, призванный автоматизировать процессы создания, экспертизы, принятия, опубликования, вступления в силу и прекращения действия нормативного правового акта и должен стать основой единого правового пространства, позволяющей оптимизировать взаимодействие системы законодательства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а в дальнейшем и при создании Единого регистра нормативных правовых актов Союзного государства.

1. См.: *G8 Open Data Charter and Technical Annex, Published 18 June 2013 // GOV.UK : сайт. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/207772/Open_Data_Charter.pdf (дата обращения: 30.12.2013).*

2. См.: *РГ. 2008. 16 февр.*

3. См.: *СЗ РФ. 2010. № 46. Ст. 6026.*

4. См.: *Там же. 2009. № 20. Ст. 2444.*

5. См.: *Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.*

6. См.: *Там же. 2006. № 18. Ст. 2055.*

7. См.: *Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013.*

8. См.: *СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.*

9. См.: *Совет Безопасности Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения: 30.12.2013).*

10. См.: *СЗ РФ. 2013. № 34. Ст. 4479.*

11. См.: *Там же. 1997. № 33. Ст. 3895.*

12. См.: *Там же. 2000. № 33. Ст. 3356.*

13. См.: *Там же. 2008. № 38. Ст. 4301.*

14. См.: *Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 3. Ст. 294.*

15. См.: *СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1627.*

16. См.: *Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».*

17. См.: *Полякова Т. А. Вопросы формирования единого информационно-правового пространства — основа развития информационного общества Союзного государства Беларуси и России : монография. М., 2007. С 34–44.*

18. См.: *Государственная публичная научно-техническая библиотека России : сайт. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/029.pdf> (дата обращения: 30.12.2013).*

УДК 342.9

А. И. Химченко
A. I. Khimchenko

Глобальное информационное общество: правовые проблемы построения и подходы к пониманию и определению

Global Information Society: Legal Problems of Construction and Approaches to Understanding and Defining

В данной статье исследуются подходы к пониманию и определению глобального информационного общества, а также правовые проблемы, возникающие при его построении. Рассматриваются основные направления государственной политики в области обеспечения информационной безопасности в условиях глобализации, проблемы обеспечения безопасности персональных данных, используемых в различных информационных системах, а также вопросы трансграничности при международном информационном обмене и правовые особенности использования «облачных» технологий.

Глобализация; информационное общество; глобальное информационное общество; теории информационного общества; международный информационный обмен, трансграничная передача персональных данных.

In this paper we study the approaches to the understanding and definition of the global information society, as well as the legal problems arising from its construction. Considered the basic directions of state policy in the field of information security in the context of globalization, the problem of ensuring the security of personal data to be used in various information systems, as well as transboundary issues at the international information exchange and legal features of the use of "cloud" technologies.

Globalization; information society; global information society; theory of information society; international information exchange; transborder exchange of personal data.

Все с большей очевидностью проявляется в современном обществе взаимосвязь и взаимозависимость глобализации и роста информационно-коммуникационных технологий, которые не только явились огромным достижением, благом (не случайно XXI в. принято называть информационным), но и принесли новые вызовы и угрозы информационной безопасности.

В настоящее время влияние глобализации на развитие мировых процессов, связанных с формированием информационного общества, очевидно. В связи с этим научное исследование подхо-

дов к пониманию и раскрытию содержания таких дефиниций, как «глобализация», «глобальное информационное общество», а также анализ теорий информационного общества, их систематизация представляются актуальными для развития теории информационного права и нуждаются в теоретическом осмыслении.

Как показывает проведенное автором научное исследование изучению такого феномена, каким является информационное общество, посвятили свои научные труды ученые различных отраслей науки — социологии, философии, политологии,

экономики, истории, кибернетики, математики. Среди них Д. Белл, Н. Винер, М. Кастельс, академик А. Н. Колмогоров, Й. Массуда, Ф. Машлуп, К. Мэй, Д. Нейман, А. Тоффлер, Ф. Уэбстер, Ю. Хаяши, К. Шеннон и др.

Следует признать, что научное изучение различных аспектов этого многогранного явления в условиях процессов глобализации, происходящих в современном мире, приобретает особое значение.

Важным импульсом развития концепции глобального информационного общества стала Окинская хартия глобального информационного общества, подписанная главами государств 22.07.2000 [1]. Однако правовые аспекты возникновения, развития информационного общества исследованы недостаточно, несмотря на то что одним из основных принципов глобального информационного общества, определенных в Декларации принципов построения информационного общества: глобальная задача нового тысячелетия [2], определен именно принцип верховенства права.

Необходимость реализации указанного принципа в условиях формирования глобального информационного общества повлияла на исследовательскую мотивацию автора, поскольку правовые подходы при достаточно широком использовании терминологии, связанной с глобализацией и глобальным информационным обществом, в международных документах обозначены фрагментарно, не конкретизированы или пока не нашли своих решений. В связи с этим насущной потребностью являются в настоящее время углубленные исследования правовых проблем не только национального, но и международного уровня. Представляется, что особый научный интерес вызывает вопрос о соотношении международно-правового регулирования информационного обмена и глобального информационного общества; информационного общества формируемого в России и глобального информационного общества; правовой природы Интернета и проблемы трансграничности; преодоление «цифрового» неравенства; противодействие киберпреступности.

Правовое осмысление проблематики, касающейся феномена глобального информационного общества, требует изучения историко-теоретических основ информационного общества, выявления его сущности и содержания, исследования его характеристик и структуры.

Изучение генезиса понятия «информационное общество» свидетельствует о наличии различных научных позиций, точек зрения относительно возникновения теории информационного общества.

О возможности и даже необходимости формирования общества, в основе которого ле-

жит обмен информацией, по сути, одним из первых в начале 50-х гг. XX в. заявил основоположник кибернетики Н. Винер: «Развитию обмена информацией между человеком и машиной, между машиной и человеком и между машиной и машиной суждено играть все возрастающую роль» [3].

Ключевой термин «информационное общество» впервые применил американский экономист Ф. Машлуп в исследовании информационного сектора экономики на примере США [4]. Следует отметить, что в специальной литературе авторство данного понятия приписывают также профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши. Этот вопрос носит дискуссионный характер. Основные характеристики информационного общества впервые были определены в отчетах японскому правительству («Японское информационное общество: темы и подходы» (1969 г.), «План информационного общества» (1971 г.)), в которых информационное общество определено как общество, где развитие компьютеризации позволит иметь высокую по качеству информацию и необходимые средства ее распределения [5].

Как показывает исследование, наряду с этим использовались такие термины, как «постиндустриальное общество», «технотронное общество», «общество знаний» или «знаниевое общество», потому что именно знания и информация становятся теми идеальными факторами, которые отличают информационное общество, причем в процессе их получения, обработки, хранения и выдачи занято большинство членов общества.

Изучению различных концепций и теорий глобального информационного общества, а также международно-правовому регулированию отношений информационного обмена, соотношению информационного общества и глобального информационного общества посвящено научное исследование В. П. Талимончик [6]. Следует согласиться с автором, что сегодня в международных документах отсутствует четкий ответ на вопрос: чем отличается общество информационное от глобального информационного.

При этом предлагаемое авторское определение глобального информационного общества представляется недостаточно полным, поскольку в нем определяется предмет, но не указаны субъекты и основной принцип глобального информационного общества — верховенство права.

На основе анализа различных научных исследований целесообразно определить глобальное информационное общество как общество нового типа — гражданское, социально-демократическое, предоставляющее на основе верховенства права и обеспечения информационной безопасности качественно новые возможности для государств,

объединений государств, международных организаций и общественных объединений, индивидов, юридических лиц повышения качества жизни людей, доступа к накопленным человеческим знаниям, а также способствующего преодолению цифрового и социального неравенства между развитыми и развивающимися странами посредством развития информационных инфраструктур, создания и использования глобальных информационных сетей и систем, включая Интернет.

Предложенное определение может быть использовано в правотворческой деятельности, поскольку в теории информационного права одним из направлений совершенствования нормативного правового регулирования в сфере информационных правоотношений является включение единообразных понятий в правовые акты в целях унификации терминологического аппарата.

Исследование правовых проблем глобального информационного общества необходимо и для дальнейшего формирования и развития единого информационно-правового пространства государств СНГ, Евразийского экономического сотрудничества, Союзного государства Беларуси и России и иных региональных интеграционных образований, членом которых является Российская Федерация, в целях противодействия новым вызовам и угрозам информационной безопасности в связи с развитием информационных телекоммуникационных технологий.

Задачи по формированию и поступательному развитию информационного общества, созданию единого информационно-правового пространства и обеспечению информационной безопасности в рамках Союзного государства должны решаться системно и комплексно, поскольку формирование единого информационно-правового пространства Союзного государства делает особо важной задачу не только согласованного правового регулирования, но и доступа к информации, особенно правовой, и, как уже отмечалось, обеспечения информационной безопасности в рамках этого пространства.

В условиях развития глобального информационного общества и построения информационного общества в Российской Федерации особое значение имеет государственная политика в области обеспечения информационной безопасности. Это важно в связи с обострением в последнее время различных международных процессов и динамикой развития информационного общества в нашей стране.

Глобализация информационной сферы, рост и трансграничность новых вызовов и угроз в информационном пространстве — это реалии современного виртуального мира. В то же время продолжают дискуссии о правовом положении

Интернета и необходимости закрепления на международном уровне определенных правил поведения в так называемом виртуальном пространстве, о цензуре или необходимости правового урегулирования вопросов, связанных с неправомерным использованием Интернета. Это всего лишь часть вопросов, которые заслуживают внимания и научных исследований [7].

Следует отметить, что в текущем году произошли резонансные события, представляющие угрозы МИБ. В настоящее время ряд кибератак не только направлен на хищения данных, нарушение нормальной работы корпораций и государственных структур, но и нередко имеет политические мотивы.

Иными словами, вопросы, связанные с формированием и реализацией государственной политики в информационном пространстве в условиях глобализации и широкого применения информационно-телекоммуникационных технологий во всех сферах нашей жизни, приобретают особую актуальность и значимость. МИБ является одним из приоритетных направлений государственной политики России.

Ключевым политическим документом, отражающим государственную политику России в этой сфере, являются утвержденные 27.07.2013 Президентом РФ В. В. Путиным Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года [8], отражающие важные инициативы России в сфере МИБ и приоритеты на перспективу.

В условиях глобализации именно в этом стратегическом документе обозначены новые подходы к формированию понятия «международная информационная безопасность», существенно отличающиеся от определенных ранее в международных актах (соглашениях). *МИБ* — это «состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры» [9]. Кроме того, обозначены цели, задачи, основные направления, а также механизмы реализации государственной политики России в области МИБ.

В качестве основных угроз в этой сфере признано использование информационных и коммуникационных технологий:

1) как информационного оружия в военно-политических целях, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, нарушение территориальной целостности государств и представляющих

угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;

2) в террористических целях, в том числе для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры, а также для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;

3) для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию;

4) для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ.

Общеизвестно, что ряд так называемых международных соглашений в этой сфере уже действует — в рамках Шанхайской организации сотрудничества, организации Договора о коллективной безопасности, БРИКС. Ведется разработка аналогичных документов в других форматах. Особое значение имеет реализация инициатив России, связанных с принятием в ООН Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности [10]. Концепция Конвенции содержит правила поведения в киберпространстве, развивает предложения, связанные с интернационализацией системы управления Интернетом и установления международного правового режима нераспространения информационного оружия, а также основные угрозы, на борьбу с которыми направлен документ. Среди новых угроз в современном глобальном информационном обществе выделяют: использование информационных технологий для враждебных действий и актов агрессии; подрыв политической, экономической и социальной систем одного государства другим; манипулирование потоками в информационном пространстве других государств в целях искажения психологической и духовной среды общества; массированная психологическая обработка населения для дестабилизации общества и государства.

Не менее актуальной является глобальная проблема обеспечения безопасности персональных данных, используемых в различных информационных системах. В связи с этим важно отметить, что 15 мая 2013 г. осуществлена передача на хранение Генеральному секретарю Совета Европы Т. Ягланду грамоты о ратификации Российской Федерацией Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной

обработке персональных данных [11]. Таким образом, завершен почти семилетний процесс, связанный с ратификацией одного из актуальнейших международных правовых актов в области защиты прав человека в процессе использования современных информационно-коммуникационных технологий, сделан значительный шаг на пути к полноформатному участию России в усилиях государств — членов Совета Европы по укреплению безопасности человека в киберпространстве и общеевропейском правовом пространстве.

При этом исследование проблем трансграничности при международном информационном обмене показывает, что он является базовой частью глобального информационного общества. Необходимо разработка концепции обеспечения информационной безопасности при передаче данных при трансграничном электронном документообороте РФ с иностранными государствами. Кроме того, остро стоит организационно-правовая проблема определения подсудности дел при нарушении законодательства о персональных данных при трансграничном обмене персональных данных.

В целях принятия мер, направленных на ускоренное развитие российской отрасли информационных технологий в 2013–2018 гг., упрощения взаимодействия государства и бизнеса, повышения прозрачности, распоряжениями Правительства РФ от 11.06.2013 № 953-р [12] и от 20.07.2013 № 1268 [13] утверждены планы мероприятий («дорожные карты»), в которых нашли отражение актуальные организационно-правовые вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности.

Сюда относятся вопросы использования электронных документов и унификации форматов обмена данными при взаимодействии органов государственной власти и предпринимателей, вопросы использования электронных документов в суде, а также развития исследований в области информационных технологий, экспорта информационно-коммуникационной продукции, совершенствования институциональных условий ведения бизнеса в области информационных технологий, включая совершенствование законодательства для обеспечения развития «облачных» вычислений и др.

Важность проблемы обеспечения информационной безопасности при использовании облачных вычислений обусловлена прежде всего отсутствием каких-либо стандартов безопасности и инструментов измерения уровня рисков и угроз. Очевидна необходимость разработки нормативного правового акта, регламентирующего отношения при использовании новых информационных технологий, в частности между провайдерами и потребителями облачных услуг при передаче

информации поставщику облачных услуг, а также стандартов безопасности облачных технологий, используемых органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Принимая во внимание принципы глобального информационного общества и практику саморегулирования в Интернете, требуется разработка концептуальных положений, направленных на формирование единой государственной политики в области регулирования Сети и отражающих основные

принципы управления Интернетом, в целях реализации основ государственной политики РФ в области международной информационной безопасности для продвижения на международной арене инициативы по интернационализации управления Интернетом, а также для принятия в качестве универсального акта ООН правил безопасного поведения в глобальном информационном обществе в целях формирования и развития глобальной культуры информационной безопасности.

-
1. См.: *Дипломат. вестник*. 2000. № 8. С. 51–56.
 2. См.: Декларация принципов построения информационного общества: глобальная задача нового тысячелетия, принята 12 декабря 2003 года на Всемирном саммите по вопросам информационного общества : сайт. URL: <http://www.itu.int/dms.../S03-WISIS-DOC-0004!!PDF-R.pdf> (дата обращения: 14.01.2014).
 3. Винер Н. *Человек управляющий*. СПб., 2001. С. 12.
 4. См.: Машлуп М. *Производство и распространение знания в США*. Нью-Йорк, 1962.
 5. См.: Боков Д. Ю. *Социально-правовые основания информационного общества*. Балашиха, 2011. С. 14.
 6. См.: Талимончик В. П. *Международно-правовое регулирование отношений информационного обмена*. СПб., 2011. С. 382.
 7. См.: Бачило И. Л. *О векторах эволюции государственных и правовых институтов в условиях глобальной информатизации*. М., 2012. С. 17–31.
 8. См.: *Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года* : сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения: 14.01.2014).
 9. Там же.
 10. См.: *Концепция Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности // Совет Безопасности РФ* : сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/112.html> (дата обращения: 14.01.2014)
 11. См.: *СЗ РФ*. 2014. № 5. Ст. 419.
 12. См.: Там же. 2013. № 25. Ст. 3172.
 13. См.: Там же. № 30 (Ч. II). Ст. 4168.

**Механизм реализации
административно-правового статуса
территориального органа Минюста России:
понятие, структура, содержание**

**Administrative-law Status Realization Mechanism
of Regional Departments of the Ministry of Justice
of the Russian Federation:
Concept, Structure, Contents**

В статье разработано понятие, раскрыто содержание и определена структура механизма реализации административно-правового статуса территориального органа Минюста России. Обозначаются три основных направления реализации элементов административно-правового статуса указанного органа.

Административно-правовой статус; элементы административно-правового статуса; механизм реализации административно-правового статуса; административная процедура

In the article the definition, contents and structure of Administrative-law Status realisation mechanism of Regional Departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation are developed. Three basic directions of realisation of elements of Administrative-law Status of stated apparatus are designated.

Economic crime; the investigation; fraud; misappropriation or embezzlement; legislation; methods of fraud; the preliminary investigation

С нашей точки зрения, административно-правовой статус федерального органа исполнительной власти вообще и территориального органа Минюста России в частности можно рассматривать как комплекс специфических элементов, характеризующих взаимодействие указанных органов с иными участниками административных правоотношений.

В этой связи следует заметить, что административно-правовые нормы, содержащие основные элементы административно-правового статуса территориального органа Минюста России (нормы-цели, нормы-задачи, нормы-функции, компетенционные нормы), по сути, являются материальными нормами административного права. Они определяют положение территориального органа

Минюста России в системе административных правоотношений, но не раскрывают особенностей реализации данных норм.

При таком понимании административно-правового статуса территориального органа Минюста России возникает вопрос: каким наиболее последовательным образом его основные элементы реализуются в современной системе административных правоотношений? В настоящее время в отечественной административно-правовой науке на данный вопрос четкого и ясного ответа не существует.

На наш взгляд, основные элементы административно-правового статуса территориального органа Минюста России реализуются в системе административных правоотношений с помощью

специального механизма, который образуют административные процедуры, регламентирующие порядок взаимодействия данного территориального органа с иными участниками административных правоотношений.

При таком подходе под механизмом реализации административно-правового статуса территориального органа Минюста России предлагается понимать систему административных процедур, позволяющих наиболее последовательно реализовать основные элементы данного статуса (нормы-цели, нормы-задачи, нормы-функции, компетенционные нормы) во взаимодействии данного органа с иными участниками административных правоотношений.

Под взаимодействием территориального органа Минюста России с иными участниками административных правоотношений, на наш взгляд, следует понимать совместную деятельность (совместные действия) данного органа на территории соответствующего субъекта РФ с иными органами публичной власти (государственными органами и органами местного самоуправления), гражданами и организациями по достижению одной или нескольких целей, а также реализации задач, функций и полномочий, образующих его административно-правовой статус.

С учетом изложенного подхода из анализа федерального законодательства, регламентирующего взаимодействие территориального органа Минюста России с иными участниками административных правоотношений (приказ Минюста России от 21.05.2009 № 147 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации и Перечня управлений Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации» [1], Указ Президента РФ от 02.07.2005 № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» [2], постановление Правительства РФ от 05.12.2005 № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» [3], приказ Минюста России от 15.01.2001 № 10 «Об утверждении Примерного соглашения между Министерством юстиции Российской Федерации и субъектом Российской Федерации о взаимодействии в сфере юстиции» [4]), представляется обоснованным выделить три направления реализации основных элементов административно-правового статуса данного органа посредством админист-

ративных процедур взаимодействия территориального органа Минюста России:

- с федеральными государственными органами, действующими на территории субъекта РФ (в том числе с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, федеральными судами, органами прокуратуры);

- органами публичной власти субъекта РФ (в том числе с исполнительными, законодательными, судебными органами государственной власти субъекта РФ, а также органами местного самоуправления, функционирующими на территории субъекта РФ);

- гражданами и организациями.

С нашей точки зрения, выделенные административные процедуры взаимодействия территориального органа Минюста России с иными участниками административных правоотношений составляют структуру механизма реализации административно-правового статуса данного органа.

Формально понятие «административная процедура» закреплено в постановлении Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» [5] и определяется как логически обособленная последовательность административных действий при исполнении государственной функции, имеющих конечный результат и выделяемых в рамках исполнения государственной функции.

В административно-правовой науке до сих пор отсутствует единство во взглядах на то, что следует понимать под административной процедурой [6].

В частности, некоторые ученые под административной процедурой понимают нормативно установленный порядок последовательно совершаемых действий субъектов права для реализации их прав и обязанностей [7]; установленный нормами административного права порядок деятельности органов исполнительной власти по рассмотрению и разрешению индивидуальных дел, результатом которой будет издание индивидуального административного акта и которая направлена на обеспечение реализации прав и законных интересов частных лиц в процессе их взаимодействия с органами исполнительной власти в рамках выполнения последними своих задач и функций [8].

В ряде случаев говорят о том, что административная процедура представляет собой систему взаимоувязанных властных действий, основанных на реализации материальных и процессуальных норм права при предоставлении гражданам и организациям материальных и нематериальных благ [9].

Отдельные исследователи отождествляют административную процедуру с системой административно-процессуальных норм, определяющих порядок действий административных органов по применению типичных административно-правовых мер исполнения, возложенных на данные органы законом, указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ унифицированных государственных (административно-правовых) функций и направленных на принятие промежуточных и конечных решений по определенной категории административных дел (правовым вопросам, влекущим возникновение, изменение или прекращение определенных административных прав и обязанностей физических и юридических лиц, иных государственных органов и органов местного самоуправления) [10].

С нашей точки зрения, среди общего числа приведенных подходов к пониманию административной процедуры наиболее убедительной представляется позиция ученых, рассматривающих административную процедуру в качестве определенной системы административно-процессуальных норм.

Соответственно применительно к проводимому исследованию административно-правового статуса территориального органа Минюста России предлагается рассматривать административную процедуру в качестве системы административно-процессуальных норм, определяющих наиболее последовательным образом порядок взаимодействия территориального органа Минюста России с федеральными государственными органами, действующими на территории субъекта РФ, органами публичной власти субъекта РФ (в том числе исполнительными, законодательными и судебными органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, функционирующими на территории субъекта РФ), гражданами и организациями.

При таком подходе можно утверждать, что содержание механизма реализации административно-правового статуса территориального органа Минюста России определяют специфические общеобязательные правила (административно-процессуальные нормы), регламентирующие порядок взаимодействия данного органа с иными участниками административных правоотношений.

-
1. См.: *РГ*. 2009. 27 мая.
 2. См.: *СЗ РФ*. 2005. № 27. Ст. 2730.
 3. См.: Там же. № 50. Ст. 5311.
 4. См.: *Бюллетень Минюста России*. 2001. № 2.
 5. См.: *СЗ РФ*. 2011. № 22. Ст. 3169.
 6. См., напр.: Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. *Административные процедуры и право* // *Журн. рос. права*. 2002. № 4; Хабриева Т. Я. *Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта*. М., 2011; Лазарев И. М. *Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Морозова О. В. *Административные процедуры в РФ, США, ФРГ* : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Конин В. Н. *К вопросу о понятии и видах административных процедур* // *Административное право и процесс* 2007. № 6; Хазанов С. А. *К проблеме формирования института административных процедур* // *Административное право и процесс*. 2005. № 4. С. 44; Никифоров М. В. *Проблемы теории административных процедур*. Н. Новгород, 2006. С. 23; Женетль С. З. *Административные процедуры в ракурсе административных реформ*. М., 2008; Никольская А. А. *Административные процедуры в системе публичного управления: проблемы административно-правового регулирования* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007; Зюзин В. А. *Административные процедуры: теория, практика и проблемы законодательного регулирования в Российской Федерации* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
 7. См.: Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. *Указ соч.* С. 4.
 8. См.: Морозова О. В. *Указ соч.* С. 43.
 9. См.: Хабриева Т. Я. *Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта*.
 10. См.: Стахов А. И., Нестеренко И. А. *Административная процедура в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, сфера применения* // *Административное право и процесс*. 2012. № 4. С. 40.

**Международное право в противодействии
политическому насилию
(к 65-летию Всеобщей декларации прав человека)**

**International Law in Countering Political Violence
(the 65th Anniversary of the Universal Declaration
of Human Rights)**

Статья рассматривает основное содержание этого фундаментального международного документа. Выявляются разные его части, посвященные главным аспектам защиты прав человека.

Политическое насилие; его природа и причины; права человека

The article examines the main content of this fundamental international instrument. Identifies its different parts about the main aspects of the protection of human rights.

Political violence; its nature and causes; human rights

На протяжении всей истории человек постоянно стремился притеснять ближнего своего, при этом не только используя личные силы, но и опираясь на группы друзей, единомышленников, сторонников. Долгое время это вызывало лишь отдельные протесты этически озабоченных политиков либо идеалистически настроенных философов и моралистов. Однако 65 лет назад (резолюция 217А (III) Генеральной ассамблеи ООН от 10.12.1948) противодействие насилию, в том числе политическому, было провозглашено общей задачей всех цивилизованных стран во Всеобщей декларации прав человека (далее — Декларация) [1]. Что же такое политическое насилие и каким образом ему противодействует Декларация?

Политическое насилие связано с феноменом постоянных групповых конфликтов по поводу власти, контроля над ресурсами в том или ином сообществе. Проявляется оно в виде избиений,

принудительных задержаний, пыток, взрывов, поджогов, экспроприаций, убийств и т. п. Этим оно отличается от принуждения — формы влияния, также характеризующейся высоким уровнем оказываемого давления, но имеющей не физический, а психологический или идеологический характер. Принуждение, однако, тоже косвенно использует насилие, так как давлению поддаются помня об имевшемся ранее насилии либо пасуя перед угрозами его применения в последующем, в чем и заключается действительность нефизического давления.

Кроме того, политическое насилие имеет множество причин, но наиболее важная из них — структурная (неравное положение, постоянно существующие, прямые и скрытые столкновения групповых интересов). В обществе всегда наличествует мозаика групп, обособляющихся от других по тем или иным основаниям (экономическим,

религиозным, культурным) и конкурирующих между собой за ресурсы и статус. Ничто не стоит на месте: одни группы нисходят по влиянию, активности, оставаясь некоторое время еще в прежнем статусе, другие восходят, будучи какое-то время ущемлены в распределении общественного пирога. Ясное дело, что подобные группы болезненно реагируют на социальные изменения и охотнее, решительнее других прибегают к радикальным, насильственным мерам по коррекции своего положения. Как и на международной арене, те же группы или национальные государства постоянно раскладывают объективный геополитический пазл ресурсов и влияния, преследуя свои интересы. Иначе говоря, политическое насилие как выражение критических моментов прямых столкновений между ними в периоды неурегулированности, обострений, нестабильности всегда будет существовать в той или иной степени интенсивности своего проявления.

Также не устранима и бюрократия, слой специалистов-управленцев, особая каста, служебная машина, имеющая свои внутренние автономные механизмы существования и особое корпоративно-групповое сознание, в той или иной степени отчужденное от остального общества, паразитирующее на властном ресурсе и вызывающее глухое неприятие остального населения. И государство, и бюрократия обладают таким консервативным качеством, как инерционность, неумение быстро изменяться, адаптироваться к новым условиям, требованиям мобилизованных групп. Все это может вызывать политическое насилие даже в самых демократических странах.

Иные причины устранимы по мере цивилизационного развития (производства, технологий, науки, образования, культуры терпимости и плюрализма), хотя есть подозрение, что и они носят имманентный характер, просто потом придут к нам в модифицированных культурных формах. Например, тип власти. Авторитарные и тоталитарные режимы, существовавшие как в древности, так и в наше время, всегда провоцируют крайние формы политического недовольства (в силу более высокой интенсивности монополизации власти и соответствующего более серьезного, чем обычно, ущемления остальных групп в их политическом участии) и столь же крайними средствами их подавляют. Время от времени в общественном развитии появляется противостояние между господствующими культурами и новыми радикальными контркультурами, служащее питательной почвой для самых крайних форм протеста и политического насилия.

Таким образом, причины существования политического насилия объективны и неустрани-

мы как таковые. Правда, это не означает, что их нельзя ввести в формат предсказуемости и контроля. Одним из шагов на данном пути и стала Декларация, обозначившая в своем содержании ряд действенных путей возможного снижения политического насилия. Эти пути относимы к разным возможным сферам проявления политического насилия.

Хотя исторически сложилось, что монополия на насилие находилась в руках господствующих групп, присвоивших себе эмблему государства, это не означало, что лишь они применяют насилие, т. е. физическое воздействие в отношении населения, объекта общего управления. Да, насилие под образом порядка, правления осуществляется государством, включает в себя как неполитизированное, так и политическое насилие. Армия и полиция поддерживают соблюдение законодательства и конституции, которое можно назвать коллективным структурированным насилием, так как налицо коллективный субъект (государство в лице исполнительной власти, армии и полиции) и внутренняя структуризация его деятельности (уставы, законы, инструкции). Однако здесь насилие имеет двойственный характер: как не политический по отношению к отдельным людям (уголовный, гражданский, административный и пр. кодексы), так и политический к остальной совокупной массе населения как управляемых и потенциально оспаривающих власть.

Помимо признанного носителя политического насилия государства его субъектом может выступать также оппозиция (системная и внесистемная) — группы, стремящиеся к политической власти, революции и контрреволюции. Это наиболее емкая для политического насилия сфера, так как в ней господствующие группы видят своего извечного врага — конкурирующие, политически амбициозные силы. Именно здесь политическое насилие достигает наивысшей степени напряженности, и зачастую используются его крайние формы в виде государственного и сопротивленческого терроризма (восстание, революция, бунт, партизанское движение). Политическое насилие также может быть между этническими, религиозными, идеологическими группировками, в данный момент прямо не оспаривающими власть у государства, но конфликтующими между собой за ресурсы и позиции в будущих битвах за нее. Политическое насилие может приобрести одиозный характер, особенно если государство сознательно занимает двурушническую, маккиавелловскую позицию в целях ослабления потенциальных противников, причем их же собственными руками. Наконец политическое насилие пребывает и в межгосударственной сфере, руководимое

с политическим насилием геополитическими соображениями. Как известно, у национальных государств нет вечных друзей или же врагов, но есть вечные интересы в наращивании либо сохранении ресурсов и влияния.

Двадцать восемь статей Декларации можно структурировать по четырем рубрикам (критерий — адресование правовменения, т. е. наделение правами, или же запреты в отношении тех или иных субъектов). Последние две статьи (ст. 29 и 30) выпадают из общего строя и являются своего рода страховочными полисами.

Более половины статей (16) вменяет *общий, нередуцируемый объем* прав, которые объявляются неотъемлемыми и врожденными, — человеческому существу как таковому (без любых ограничений, ст. 2, 7). Это права на:

- свободу и равенство (ст. 1);
- жизнь и личную неприкосновенность (ст. 3);
- на собственность (ст. 17);
- брак и семью (ст. 16);
- свободное передвижение и местожительство (ст. 13);
- выбор труда и его достойный жизненный уровень (ст. 23, 25);
- гласный и справедливый суд (ст. 6, 8, 10);
- социальное обеспечение (ст. 22);
- отдых и досуг (ст. 24);
- доступное образование (ст. 26);
- участие в культурной жизни (ст. 27).

Разумеется, это наиболее гуманистические, но одновременно и самые абстрактные, потому неуловимые в возможной интерпретации права. Реализовать их должна некоторая неопределенная совокупность субъектов: прежде всего государство, но и такие эфемерные образования, как общество, общественность. Абстрактность и неотчетливость формулировок типа «свобода», «равенство», «брак и семья», особенно эпитетов «достойный», «доступный», «участие», делают их приемлемыми, т. е. ничем не обязывающими для любых режимов. Последние менее всего опасаются обвинений по этим пунктам, так как довольно трудно реально доказать несоблюдение этих статей — каким-то ведь образом везде обеспечивается некоторый минимум подобных достойных прав.

Это уже некий минимальный уровень гуманизма, который в его выхолощенном виде признается всеми режимами. Однако именно принимаемая всеми самоочевидность и бесспорность — лучшее свидетельство достигнутого уровня осознания и приятия ценности человеческой жизни в некоторых фиксированных ее стандартах. Индивидуальные права признаются в их абстрактном минимуме — со стороны Целого, государства (господствующих групп), прячущихся под пристой-

ной маской общества. И это итог многовековой борьбы личности за свои права. Вместе с тем Целое — тот постоянный центр власти и контроля, милостиво дарующий волю личности в виде мало чему обязывающих прав, т. е. притязаний людей, не преминул указать в конце Декларации, в ст. 29, на более конкретную реальность. «Каждый человек имеет *обязанности* перед обществом... При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения *должного* признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения *справедливых* требований морали, общественного порядка» [2] (курсив мой. — В. К.).

Ну что в том, чтобы иметь права, их ведь надо еще обеспечить, однако Декларация не говорит об этом. Если бы были приняты формулировки «государство обязано обеспечить каждому» (далее права по тексту), то круг государств, отважившихся подписать данный документ, существенно бы сократился. Единственные обязанности, но именно личности перед обществом (маска государства), упомянуть не преминули, и государство тем самым имеет реальные и весомые основания требовать соблюдения обязанностей, справедливых требований общественного порядка, под которые можно подогнать что угодно.

Более конкретная, соответственно более эффективная в правоприменении, вторая рубрика Декларации, которая обращена на регулирование отношений государства и граждан, населения. Здесь следует говорить о более внятном ограничении *возможностей* политического насилия. Это единственная рубрика в Декларации, в которой статьи имеют прямой, однозначный, *запретительный* характер:

- запрет рабства или подневольного состояния (ст. 4);
- запрет пыток, жестокого обращения и наказания (ст. 5);
- запрет произвольных арестов, задержаний, изгнаний (ст. 9);
- запрет осуждений по преступлениям, ранее таковыми не считавшимися, также более тяжелых наказаний, нежели бывшими на время совершения преступления (ст. 11, ч. 2);
- запрет на вмешательство в личную, семейную жизнь и жилище (ст. 12);
- запрет на произвольное лишение гражданства (ст. 15, ч. 2);
- запрет на произвольное лишение собственности (ст. 17, ч. 2);
- запрет на принуждение к вступлению в какую-либо организацию (ст. 20, ч. 2).

Перечисленные восемь статей Декларации заведомо ставят власти в ситуацию оправдывающихся, защищающихся, если возникает подозрение о нарушении этих запретительных статей. В случае нарушения общих абстрактных прав гражданина, указанных в первой рубрикации, подающему иск на невыполнение статей Декларации придется доказывать, почему тот минимум (а он имеется всегда), который есть в его стране, является ущербным, не подводимым под некое полноценное право. Здесь подающий иск, по сути дела, оправдывается в своих притязаниях на более полное понимание тех прав, которые прописаны в Декларации. Однако если что-то прямо запрещено и совершено противоположное действие, то оправдываться приходится все же субъекту совершения действия, а не потерпевшему.

Наиболее любопытны те статьи Декларации, которые предполагают регулирование отношений именно в конфликтных и чреватых политическим насилием сферах общественных отношений: государства с оппозиционными группами и последних между собой. Их немного, но они составляют идеологический эпицентр Декларации. Так же как и модусы должного существования человека в обществе, они сформулированы в виде абстрактных прав, и национальные государства могут, ничтоже сумняшеся, говорить о полном порядке в этом вопросе во вверенных им территориях. Однако ситуация здесь несколько иная и искомое спокойствие не обретается.

Абстрактные права первой рубрикации адресованы отдельному человеку, который должен сам заботиться о соблюдении его прав. Таковые, неумные и активные, конечно, находятся, но конформному большинству индивидов дела до этого мало. К чему тратить драгоценную жизненную энергию, свое время на войну с ветряными мельницами? Однако права, речь о которых идет в следующих друг за другом 18–21 статьях, адресованы *группам*, причем всегда общественно активным. Вот они-то не только охотно, но и с рвением ввяжутся в тяжбу с государством — собственным посредством этого они получают публичность, известность, могут мобилизовать сторонников. В этом адресовании общественно активным группам и заключается реальное значение прав Декларации для демократизации общества, а следовательно, конвенционализации и гуманизации сфер потенциальных политических столкновений:

- право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18);

- право на свободу убеждений и на свободное выражение их; получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19);

- право на свободу мирных собраний и ассоциаций (ст. 20);

- право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей, равный доступ к государственной службе в своей стране, воля народа *должна* быть основой власти правительства, эта воля *должна* находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые *должны* проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования (курсив мой. — В. К.).

Среди них именно 21 статья означала серьезную победу либеральной демократии и старт модернизации власти в самых медвежьих уголках планеты. Не случайно тон Декларации здесь вновь становится решительным и определенным, *долженствующим*, без всяких туманных прав. Это был наиболее сильный ход либеральной идеологии в то время. Здесь они в отличие, например, от всегда привилегированных прав управления и доступа к государственной службе, однозначны и смелы — все равно практика периодических и относительно прозрачных выборов уже сложилась на Западе де-факто и де-юре. Правда, для большинства остальных стран, которые находятся в ситуации догоняющей модернизации, это стало и миной замедленного действия, и источником перманентного политического насилия. Конечно, можно и здесь хитрить, лицемерить: демократическими выборами объявлялись как в СССР, так и в сегодняшних Туркмении или Северной Корее. Однако институт международных наблюдателей и требования информационной прозрачности делают явным происходящий фарс и то политическое насилие, на котором он основан.

Справедливости ради, следует заметить и другое объективное следствие, вытекающее из этих наиболее политических статей. Да, с одной стороны, они просвечивают режимы на степень политических свобод и демократизм — если где-то не проводятся периодические выборы по установленным правилам, зажимается информация, подавляются политические или же религиозные взгляды, то налицо политическое насилие и создается некий санитарный кордон вокруг этих стран. С другой стороны, те же статьи сами провоцируют политическое насилие. Любая нестабильность, любая ситуация поляризации политических сил, которые могут возникать даже в странах с укоренившимися демократическими порядками, обязательно вызовет политическое насилие — под лозунгами тех же требований соблюдения норм Декларации относительно императива

смены власти: «выборы, правительство, воля народа» и проблемы его фальсифицируемости. Это, однако, уже издержки демократии, лучшего из возможных зол.

Наконец, две статьи Декларации прямо посвящены правам человека в аспекте международных отношений. По понятным соображениям начинающегося во времена принятия Декларации блокового противостояния достигнуть компромисса удалось в немногом, но это немногое получилось многозначительным:

- право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем (ст. 14);

- право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены (ст. 28).

Со ст. 14 согласны были все, так как перебежчики из лагеря в лагерь существовали всегда, составляя важный ресурс шпионажа, подрывной деятельности и идеологического кликушества. Да, в общем-то их невозможно было вернуть, здесь просто легализовали имеющуюся практику.

Но вот ст. 28 была принята хотя и с обоюдного согласия, но две соперничающие стороны вкладывали сюда свои смыслы и обе оказались бы правы в случае фаворитизма исторической судьбы. Советы мечтали о своем социальном и международном порядке, Запад — о своем. Как повернулось известно всем, и именно эта статья

является сейчас краеугольным камнем в возводимом мировом государстве — каждому человеку нужен этот самый общий для всех международный порядок или единый глобальный формат права, экономики и политики.

Подытоживая, скажем, что Декларация является:

- важной исторической вехой в развитии светского гуманизма, объединяя в себе общие, согласующиеся компоненты как либерального, так и социалистического гуманизма;

- первым прецедентом в создании общечеловеческого, еще синкретичного и абстрактного, кодекса взаимоотношений государства, общества и личности, приобретшим международную легитимность и авторитет;

- многоцелевым документом, вменяющим права в различном адресовании: личности, населению, оппозиции и социальным группам;

- программой существенного ограничения политического насилия: как в своих прямо запретительных статьях относительно его откровенно одиозных форм (пытки, жестокие наказания и др.), так и мягких форм (лишение имущества, гражданства, депортация и пр.);

- также и явлением эпохи идеологической борьбы, содержа в себе абстрактную, т. е. потенциально многозначную, формулировку основополагающих правил политических игр современности, провоцирующих, при их интерпретациях, новое политическое насилие.

1. См.: Всеобщая декларация прав человека : сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.01.2014).

2. Там же.

**Дополнительные категории граждан,
имеющих право на получение бесплатной
юридической помощи,
установленные законодательством
субъектов Российской Федерации**

**Additional Categories of Citizens,
Eligible for Free Legal Aid,
Well the Legislation of Subjects
of the Russian Federation**

Автор проводит сравнительный анализ законодательных актов, принятых субъектами РФ в связи с передачей им полномочий по вопросам оказания бесплатной юридической помощи. В статье рассмотрены законы, принятые в субъектах РФ, выявлены схожие и различные положения в них, проанализированы особенности законов, связанные со спецификой региона, природными, экономическими условиями, сформулированы выводы о положениях, которые целесообразно включить в региональные законы, в том числе о бесплатной юридической помощи.

Бесплатная юридическая помощь; субъект Федерации; региональное законодательство; Министерство юстиции Российской Федерации

The author carries out a comparative analysis of legislative acts adopted by subjects of the Russian Federation in connection with transfer of powers on the issues of rendering free legal aid. The author considers the laws adopted by the subjects of the Russian Federation, showed similar and different provisions them, analyzes the peculiarities of laws connected with the specificity of the region, natural, economic conditions, the conclusions of the provisions to include in a regional laws, including on free legal aid.

Free legal help; the subjects of the Russian Federation; regional law; The Ministry of Justice of the Russian Federation

Одним из полномочий субъектов РФ в нормотворческой деятельности является установление дополнительных гарантий реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи, в том числе расширение перечня категорий граждан, имеющих право на ее получение, перечня случаев оказания бесплатной юридической помощи, определение порядка принятия решений об оказании в экстренных случаях бесплатной юридической помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и обеспечение их исполнения.

Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи

в Российской Федерации» (ст. 20) [1] установлена основная (минимальная) категория граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи. Право на получение всех видов бесплатной юридической помощи, предусмотренных ст. 6 данного Закона, в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи имеют:

1) граждане, среднедушевой доход семей которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ в соответствии с законодательством РФ, либо одиноко проживающие граждане, доходы которых ниже величины прожиточного минимума;

2) инвалиды I и II группы;

3) ветераны Великой Отечественной войны, герои РФ, герои Советского Союза, герои Социалистического Труда;

4) дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также их законные представители и представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей (в редакции Федерального закона от 02.07.2013 № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее — Закон по вопросам устройства детей-сирот) [2]);

4.1) лица, желающие принять на воспитание в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с устройством ребенка на воспитание в семью (данный пункт введен Законом по вопросам устройства детей-сирот);

4.2) усыновители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов усыновленных детей (данный пункт введен Законом по вопросам устройства детей-сирот);

5) граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» [3];

6) несовершеннолетние, содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, а также их законные представители и представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких несовершеннолетних (за исключением вопросов, связанных с оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве);

7) граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [4];

8) граждане, признанные судом недееспособными, а также их законные представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обес-

печением и защитой прав и законных интересов таких граждан;

9) граждане, которым право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи предоставлено в соответствии с иными федеральными законами и законами субъектов РФ.

Субъектам РФ предоставлены полномочия по повышению степени социальной защиты проживающих на данных территориях граждан, т. е. расширение перечня категорий граждан, имеющих право на ее получение, а также перечня случаев оказания бесплатной юридической помощи.

В первой половине 2013 г. в 42 регионах РФ были установлены дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи.

Прогрессирует количество регионов, расширивших перечень категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, и перечень случаев оказания бесплатной юридической помощи

Субъекты РФ в своих законах ввели следующие дополнительные категории:

1) беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, — по вопросам, связанным с восстановлением на работе, отказом в приеме на работу, взысканием заработной платы, назначением и выплатой пособий (Воронежская область, Тверская область, Смоленская область, Республика Карелия, г. Санкт-Петербург, Республика Мордовия, Свердловская область, Чукотский автономный округ);

2) лица, освобожденные из мест лишения свободы, в течение двух месяцев со дня освобождения — по вопросам трудоустройства (Воронежская область, Ивановская область, Липецкая область (в течение трех месяцев со дня освобождения), Смоленская область, Тверская область, Республика Мордовия);

3) граждане, имеющие трех и более несовершеннолетних детей, — по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей (Ивановская область, Липецкая область, Тульская область, Ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Пензенская область, Ульяновская область, Республика Калмыкия, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Иркутская область, Республика Хакасия, Хабаровский край, Чукотский автономный округ, Республика Дагестан, Еврейская автономная область, Калининградская область, Челябинская область, Республика Карелия, Смоленская область, Волгоградская область);

4) граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, в связи с утратой ими единственного

жилого помещения (вследствие паводка, пожара, взрыва либо разрушения по иной причине) (Калужская область, Липецкая область, Республика Калмыкия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Республика Дагестан);

5) лица без определенного места жительства (Хабаровский край, Ульяновская область);

6) инвалиды III группы (Калужская область), г. Санкт-Петербург (инвалиды III группы), Смоленская область (инвалиды III группы), Саратовская область (инвалиды III группы), Ульяновская область (инвалиды III группы, не проживающие в стационарных учреждениях социального обслуживания), Республика Дагестан (неработающие инвалиды III группы), Республика Калмыкия (инвалиды III группы), Свердловская область (неработающие инвалиды III группы), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (неработающие инвалиды III группы), Челябинская область (инвалиды III группы), Иркутская область (неработающие инвалиды III группы), Республика Хакасия (инвалиды III группы), Хабаровский край (инвалиды III группы), Чукотский автономный округ (неработающие инвалиды III группы), Республика Карелия (неработающие инвалиды III группы);

7) лица, имеющие статус безработного (Калужская область, Саратовская область, Свердловская область);

8) женщины, достигшие 55 лет; мужчины, достигшие 60 лет (Калужская область, Смоленская область, Республика Карелия (только неработающие пенсионеры), Нижегородская область (только неработающие пенсионеры), Саратовская область, Ульяновская область (только неработающие пенсионеры), Волгоградская область (только неработающие пенсионеры), Республика Калмыкия (только неработающие пенсионеры), Свердловская область, Иркутская область (только неработающие пенсионеры);

9) одинокие родители, имеющие ребенка в возрасте до 14 лет, — (по вопросам защиты прав и интересов детей (Липецкая область, Рязанская область, Смоленская область (в том числе ребенка инвалида до 18 лет), Нижегородская область, Ульяновская область (в том числе ребенка инвалида до 18 лет), Республика Дагестан, Республика Калмыкия (в том числе ребенка инвалида до 18 лет), Свердловская область (в том числе ребенка инвалида до 18 лет), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Иркутская область, Республика Хакасия, Хабаровский край, Еврейская автономная область (если их среднедушевой доход ниже двукратной величины прожиточного минимума, установленного в области));

10) лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (Смоленская область, Республика Карелия, г. Санкт-Петербург,

Ненецкий автономный округ, Республика Мордовия, Ульяновская область, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Иркутская область, Республика Хакасия);

11) ветераны боевых действий (Рязанская область, Кировская область (ветераны ВОВ, кроме предпринимательской деятельности), Республика Дагестан, Смоленская область, Чеченская Республика (только ставшие инвалидами или члены семей погибших (умерших) ветеранов боевых действий), Свердловская область (в том числе члены семей погибших (умерших) ветеранов боевых действий), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Еврейская автономная область (ставшие инвалидами);

12) полные кавалеры ордена Славы и (или) Трудовой Славы (Московская область, Смоленская область);

13) бывшие несовершеннолетние узники концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны (Республика Адыгея, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Алтай, Иркутская область, Камчатский край);

14) члены семей погибших (умерших) инвалидов Великой Отечественной войны, инвалидов боевых действий, участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий (Смоленская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (в том числе в войны с Японией), Иркутская область, Хабаровский край);

15) ветераны труда (Смоленская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Челябинская область);

16) почетные доноры (Смоленская область, Нижегородская область);

17) реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий (Кировская область, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Хакасия, Хабаровский край).

Как показало проведенное исследование законодательства субъектов РФ, регулирующего категории лиц, имеющих право на получение бесплатной правовой помощи, некоторые из региональных законодателей подошли серьезно к осмыслению того, каким категориям граждан в каждом конкретном субъекте необходимы дополнительные привилегии. Такие регионы воспользовались своим правом дополнить федеральное законодательство в полной мере. Есть категории граждан дополнительно внесенных законами субъектов, которые нельзя увидеть в законах других субъектов РФ. Например, Законом Московской области от

27.07.2013 № 97/2013-ОЗ «О предоставлении бесплатной юридической помощи в Московской области» предусмотрены дополнительные гарантии для почетных граждан Московской области [5], а Законом Ульяновской области от 03.10.2012 № 131-ЗО «О бесплатной юридической помощи на территории Ульяновской области» [6] дополнительное право на получение бесплатной правовой помощи есть у граждан — жертв насилия в семье, т. е. у тех людей, которым умышленными противоправными действиями (бездействием) других членов семьи причинены физические и (или) психические страдания, в том числе вред их физическому и (или) психическому здоровью. В том же законе дополнительные гарантии установлены для граждан, достигших 70 лет, не проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания.

Особенностью закона Ханты-Мансийского автономного округа являются дополнительные случаи оказания бесплатной юридической помощи для граждан, проживающих в труднодоступных и малонаселенных местностях автономного округа, при рассмотрении заявления, по вопросам традиционного природопользования, землепользования, представителей малочисленных народов, имеющих право на такую помощь, а также представителей общественных организаций малочисленных народов, не имеющие статуса юридического лица.

Кроме того, проблемами малочисленных народов занимаются и органы власти Иркутской области. Так, право получать бесплатную правовую помощь на территории Иркутской области имеют члены общин коренных малочисленных народов и иных объединений коренных малочисленных народов.

Подобная ситуация с представителями коренных малочисленных народов прослеживается в Камчатском и Хабаровском краях, а также в Мурманской области.

Несколько иная ситуация сложилась в Республике Хакасия. В данном субъекте РФ имеют право получать бесплатную юридическую помощь не только представители коренных малочисленных народов РФ, проживающих на территории Республики Хакасия, но и лица, не относящиеся к малочисленным народам, но постоянно проживающие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочис-

ленных народов и ведущие, также как и малочисленные народы, традиционное природопользование и традиционный образ жизни.

В Челябинской области есть категория граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи как граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча. Данная детализация положений закона Челябинской области еще раз доказывает необходимость передачи ряда полномочий субъектам Федерации, которые следят за ситуацией в регионе и могут приводить в равновесие права граждан.

Еще ряд субъектов РФ добавили в региональные законы о бесплатной юридической помощи дополнительные категории граждан, которые отражают положение дел в данном регионе. Так, законодатель Кемеровской области предоставил право на получение бесплатной юридической помощи детям, родителям, вдовам, пасынкам, падчерицам граждан, погибших (умерших), пропавших без вести в результате аварий на предприятиях угольной промышленности в Кемеровской области.

В Республике Дагестан дополнительные права предоставлены гражданам, проживающим в труднодоступных и отдаленных местностях.

Анализ дополнительных гарантий реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи, произведенный на основе законодательства субъектов РФ, регулирующего данные общественные отношения, позволяет сделать следующие выводы. В целом работа в субъектах ведется и региональные законодатели понимают ее важность. В первой половине 2013 г. в 42 из 83 регионов РФ были установлены дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи. Из них дополнительные категории граждан присутствуют в законах 40 субъектов. В Республике Бурятия и Удмуртской Республике дополнительные категории граждан, имеющие право на получение бесплатной юридической помощи, не установлены. Теперь остается надеяться, что и другие субъекты РФ добавят в региональные нормативные правовые акты дополнительные категории граждан, которые будут иметь право на получение бесплатной юридической помощи.

1. См.: СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

2. См.: Там же. 2013. № 27. Ст. 3459.

3. См.: Там же. 1995. № 32. Ст. 3198.

4. См.: Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

5. См.: РФ. 2013. 29 июля.

6. См.: Ульяновская правда. 2012. 10 окт.

УДК 378 (092)

Т. С. Никифорова
T. S. Nikiforova

**Человек на все времена
(памяти Юрия Дмитриевича Северина)**

**The Man for All Time
(to the Memory of Yuri Dmitrievich Severin)**

Юрий Дмитриевич Северин — советский и российский юрист, государственный деятель, заслуженный юрист РСФСР. Начав свой профессиональный путь с консультанта Судебной коллегии по уголовным делам, он продолжил его в Отделе административных органов ЦК КПСС, а в 1976 г. был назначен заместителем министра юстиции РСФСР.

На долю Юрия Дмитриевича выпало участие в двух крупнейших военных действиях XX в.: Великой Отечественной войне и событиях в Афганистане, куда в 1981–1982 гг. его командировали в качестве советника правительства по правовым вопросам.

В разные годы он работал ответственным редактором Комментария к Уголовному кодексу РСФСР, стал автором книг «Молнией небо расколото» и «Вторжение долгожителей в чужие эпохи». Будучи человеком с неиссякаемой жизненной и творческой энергией, Юрий Дмитриевич ни разу не изменил выбору, сделанному еще в юности, — служить стране и справедливости.

Ю. Д. Северин; заслуженный юрист РСФСР; заместитель министра юстиции РСФСР; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР

Yuri Dmitrievich Severin — a Soviet and Russian jurist, a statesman, the Honored Lawyer of the Russian Soviet Federal Socialist Republic. He began his professional career being a consultant of the Judicial criminal assembly, then he continued his work in the Department of administrative bodies of the Communist Party of the Soviet Union Central Committee, and in 1976 he was appointed the Deputy Minister of Justice of the Russian Soviet Federal Socialist Republic.

Yuri Dmitrievich took part in two biggest military activities of the XX century: the Great Patriotic War and military events in Afghanistan, where he was sent on an assignment as a government adviser in legal matters.

In different periods of his life he worked as a managing editor of the Commentary to the Criminal code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic, he became the author of the books “The sky split with lightning” and “The invasion of long-living people into unfamiliar epochs”. Being a person with inexhaustible vital and creative energy Yuri Dmitrievich was never unfaithful to the choice made by him in his youth — to serve his country and justice.

Y. D. Severin; the Honored Lawyer of the Russian Soviet Federal Socialist Republic; the Deputy Minister of Justice of the Russian Soviet Federal Socialist Republic; the Commentary to the Criminal code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic

31 марта 2014 года исполнилось бы 90 лет со дня рождения Юрия Дмитриевича Северина — уникального, разносторонне талантливого, самобытного человека.

На временном отдалении более четко вырисовывается его образ, черты характера, мотивы поступков.

Говорить о нем можно, выбирая только превосходящую степень сравнения.

Думается, главным в нем были единство цели и верность избранному пути.

Ю. Д. Северин — человек неиссякаемой жизненной и творческой энергии, глубокого аналитического ума, яркого организаторского таланта.

Будучи богато одаренной, цельной личностью, он ни разу не изменил выбору юности — служить справедливости. Эпохальные события, непосредственным участником которых ему пришлось быть, сделали жизнь Юрия Дмитриевича неповторимой. Уход их жизни таких людей — невосполнимая потеря для страны, поскольку они уносят дух великой, созидательной эпохи.

Жизнь его была столь насыщена событиями, впечатлениями, что писать о нем можно очень много. Сейчас же хочется остановиться хотя бы на некоторых значимых событиях.

Родился Северин 31 марта 1924 г. в Южском районе Ивановской области. До войны его семья переехала в пригород Москвы — Юрий оканчивал школу, и надо было думать о дальнейшем образовании. Отец работал директором школы, впоследствии стал руководителем РОНО, а мать была домохозяйкой.

Юрий предчувствовал, что его поколению придется сражаться с фашистской Германией. Когда началась война, он с отцом по географической карте с горечью отмечал флажками границы отступления нашей армии. До этого в возрасте 13–14 лет вместе с другом предпринял попытку пробраться в Испанию бить фашистов. Отец, догадавшись, куда мог пропасть сын, связался с милицией, и ребят сняли с поезда.

Воспитанный в семье твердых нравственных устоев, на патриотических фильмах 30-х гг., глубоко переживая отступление Красной армии, по окончании десятого класса он заявил родителям: «Как хотите, а я так больше не могу. Я ухажу на войну!»

В 1942 г., окончив школу, Юрий Северин добровольцем ушел на фронт.

Дело было так. Ребята давно просились на фронт, но военный комиссар и слышать ничего не желал. Тогда они обратились в Красногорский горком комсомола. И получилось! Так, 3 августа в школу позвонили: «Кто желает пойти на фронт, должен явиться завтра в 10 утра в горком». Отправились, как за грибами. Сели на велосипеды, передали известие друзьям и одноклассникам. Никто не отказался. Утром пораньше собрались у школы и пошли.

В горкоме комсомола ребят усадили за стол и накормили. Впервые с начала войны они досыта поели, ведь время было голодное. Выдали каждому по целому батону хлеба и комсомольскую путевку на фронт — одну на пятерых.

Юрий Дмитриевич считал за счастье, что ему довелось участвовать в войне и внести свой вклад в победу. Он прошел большой боевой путь, воюя в составе 95-го гвардейского артиллерийского полка на Северо-Западном, Западном, за-

тем на 3-м Белорусском фронтах, участвовал в освобождении Смоленска, Витебска, Каунаса, Вильнюса, взятии Кенигсберга, в котором встретил День Победы. Боевой путь гвардии старшего сержанта Северина, которому в марте 1945 г. исполнился лишь 21 год, был отмечен четырьмя боевыми орденами и 18 медалями, среди них — орден Славы (до революции — Георгиевский крест), Отечественной войны, медаль «За отвагу» и т. д.

Он помнил о 15 явных ситуациях, когда ему чудом удалось избежать гибели. Однако фронтовая судьба хранила Юрия от смерти и ранений — во время ожесточенных боев в Кенигсберге он получил лишь контузию.

Безусловно, война стала главным событием его жизни. Она оказала сильное влияние на его становление, определила отношение к жизни, ее ценностям, людям. Именно такие, как Юрий Северин, и решили исход войны, остановили фашизм. К счастью, родители сохранили все фронтовые письма сына — солдатские треугольники. Читая их одно за другим в хронологическом порядке, чувствуешь, как он еще не остыл от дома, как ему хочется побыть со своими, особенно в Новый год. Перерыв в письмах объяснял тем, что «напряженно работал», «было много работы».

Воинская дружба была для него абсолютно свята, как и все, связанное с жизнью полка, с которым он прошел боевой путь с 1942 г. до Победы и где дослуживал еще два года после войны. Связь с полком он поддерживал постоянно. Последний раз был гостем полка в год 60-летия Победы. Единственным гостем.

Фронтовые воспоминания были для него самыми дорогими. Юрий Дмитриевич сожалел, что руководителям страны не хватило то ли мудрости, то ли средств для создания галереи портретов героев Советского Союза, подобной галерее героев Отечественной войны 1812 г.

После демобилизации в 1947 г. Юрий поступил на юридический факультет МГУ. А выбор, кем стать: архитектором или юристом — он сделал на фронте, во время ночного дежурства. На вопрос, что сыграло решающую роль в избрании профессии, он ответил: «Желание помочь людям».

После окончания университета, как и школы, с отличием Юрия Северина в качестве перспективного выпускника направили работать в Верховный Суд СССР на должность консультанта Судебной коллегии по уголовным делам. Это была большая честь: со студенческой скамьи — сразу в высшую судебную инстанцию. В Верховном Суде Юрий Дмитриевич проработал 12 лет (с 1952 по 1964 г.). Молодой юрист готовил тексты руководящих постановлений и обзоров судебной практики, делал доклады на пленумах, в том числе по делам необоснованно репрессированных; был избран председателем месткома, включен в выездную бригаду ЦК КПСС для инспектирования и оказания помощи судам союзных республик. Одновременно заочно окончил аспирантуру при Институте права Академии наук СССР. Руководство обратило внимание на склонность Северина к научно-исследовательской работе.

Последняя должность Юрия Дмитриевича в высшей судебной инстанции страны — член Верховного Суда РФ. За все эти годы ему неоднократно довелось выступать с докладами на пленумах Верховного Суда СССР о реабилитации необоснованно осужденных по обвинениям 1937 г. и последующих лет.

В 1957 г. Верховный Суд возглавил А. Ф. Горкин (тот самый секретарь Президиума Верховного Совета СССР, который подписывал документы о награждении Северина орденом Славы). Юрий Дмитриевич глубоко уважал и многому научился у Александра Федоровича, но особо отмечал его простоту и человечность в отношениях с коллегами. Александр Федорович относился к молодому специалисту фактически по-отцовски. Характеристику, данную А. Ф. Горкиным в 1962 г., как и путевку на фронт, Юрий Дмитриевич считал главными документами своей жизни.

С 1963 по 1974 г. Юрий Дмитриевич работал в Отделе административных органов ЦК КПСС. Будучи авторитетным юристом, он курировал организацию работы судебных органов, выполнял поручения секретарей ЦК КПСС; в тесном контакте с Верховным Судом и верховными судами союзных

республик разбирался с заявлениями и жалобами о проявлениях коррупции высокопоставленными партийными деятелями и должностными лицами, в частности, в Дагестане, фактами хищения на сибирских золотых приисках, бесхозяйственностью и злоупотреблениями в Якутии, проверял сигналы о взяточничестве в Узбекистане. Выполнение многих поручений носило крайне рискованный характер.

В 1970 г. было воссоздано Министерство юстиции СССР, а в 1976 г. Юрия Дмитриевича назначили заместителем министра юстиции РСФСР, затем первым заместителем министра. Пришлось восстанавливать систему юстиции, которая была ликвидирована при Н. С. Хрущеве и несколько лет не функционировала. И вот здесь сошлись два дарования Юрия Дмитриевича — он стал одним из архитекторов, зодчих возрождаемой юстиции. Законопроектная деятельность, подбор высококвалифицированных кадров — все это требовало напряженной работы и полной самоотдачи.

Уместно привести слова глубокоуважаемого Александра Яковлевича Сухарева — государственного советника юстиции 1-го класса (в 2010 г. ему присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции), заслуженного юриста РФ, в 90-е гг. — министра юстиции России и Генерального прокурора СССР из предисловия к книге Юрия Дмитриевича «Молнией небо расколото»: «Будучи консультантом высшего органа правосудия Союза ССР, членом Верховного Суда РСФСР и ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС, курировавшим проблемы правосудия, Ю. Д. Северин проявил недюжинные аналитические способности. При его определяющем влиянии в период работы первым заместителем министра юстиции России закладывались основы демократизации судопроизводства, принципы защиты прав и свобод личности, строжайшего соблюдения законности... На его долю выпала основная тяжесть забот по воссозданию органов юстиции в Российской Федерации после преодоления волонтаристского курса Н. С. Хрущева, отразившегося в непродуманности реорганизации управления в стране.

С чувством благодарности Юрию Дмитриевичу могу свидетельствовать, что именно ему принадлежала роль генератора, задававшего тон строительству всего каркаса здания юстиции на громадных евроазиатских просторах нашего федеративного государства... Велика заслуга Ю. Д. Северина в становлении и развитии системы правового воспитания населения.

Юристы в лице Ю. Д. Северина уже давно чувствовали первоклассного специалиста-профессионала широкого профиля, всегда ощущавшего биение пульса социально-правовой практики,

сохранившего со времен Великой Отечественной стержень настоящего патриота» [1].

Будучи депутатом Моссовета, Юрий Дмитриевич возглавлял Комиссию по законности Московского городского Совета народных депутатов. Получилось, что старший сержант Северин «командовал» несколькими боевыми генералами, которые входили в состав Комиссии.

Юрий Дмитриевич неоднократно принимал участие в подготовке договоров правовой помощи с другими странами, представлял нашу страну в ООН на конгрессах и симпозиумах по правовым вопросам и проблемам борьбы с преступностью. Эти визиты он называл малой дипломатией. Встречался с коллегами в Оттаве, где знакомился с работой Верховного суда Канады, низовых судебных органов, суда присяжных. Ему запомнилась поездка во Францию, где обсуждалась очень важная тема: «Юстиция в условиях рыночной экономики». После окончания работы французские юристы устроили прием в ресторане Эйфелевой башни. Узнав, что в зале находятся русские, французы стали подходить, чокаться, петь русские песни. Обстановка была самая дружественная. А наутро вышла *Le Figaro* с благожелательной заметкой под названием: «Русские раскачали Эйфелеву башню».

Сложной и ответственной была миссия по выполнению поручений в ООН. Положение официального представителя страны обязывало провести в принимаемых ООН документах линию, приемлемую для Советского Союза.

В США, в Гарвардском университете, советская делегация знакомилась с особенностями корпоративных прав Соединенных Штатов и образовательным процессом знаменитого учебного заведения. В Новом Орлеане Юрию Дмитриевичу было вручено свидетельство о присвоении звания «Почетный гражданин Нового Орлеана».

Многие годы Ю. Д. Северин был вице-президентом Общества дружбы СССР — Непал. В знаменитом университетском парке Катманду он посадил дерево дружбы.

Заслуги юриста Ю. Д. Северина были отмечены грамотой правительства Венгрии.

В 1981–1982 гг. Юрий Дмитриевич командирован в Афганистан в качестве советника правительства по правовым вопросам. Он консультировал афганское правительство, прокуратуру и Верховный суд по вопросам правового обеспечения реформ, подготовки конституции страны. Работа там стала особой страницей в его жизни как по сложности решаемых задач, так и по степени риска.

В 1984 г. ему присвоили звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Юрий Дмитриевич был человеком принципиальным, человеком чести. Это проявилось в том,

что в 1992 г. он ушел с поста первого заместителя министра юстиции, почувствовав, что в новое время ценятся не знания и служение делу, а приятельские отношения и личная преданность высшему руководству.

Восемнадцать лет он отдал работе в Министерстве юстиции РСФСР. До конца своих дней Юрий Дмитриевич поддерживал связь с коллегами по работе, управлениями юстиции на местах. Люди, которые работали с ним, с благодарностью вспоминали то время.

Вот строки из поздравительного письма (2004 г.) работников Управления юстиции Санкт-Петербурга — Ленинградской области (начальники Управления Н. Саринюк и В. Васюков): «Мы счастливы, что... нам довелось трудиться под руководством таких юристов, как Вы и Ваши товарищи. Стиль работы учреждений юстиции отличали стабильность, размах и практическая значимость решавшихся задач, конкретность и ответственность в работе, уважительное отношение к кадрам.

Сколько конкретных практических дел было тогда решено в Ленинграде и области с Вашей помощью!

Вы постоянно проявляли себя не только как опытный, грамотный и требовательный руководитель, но и как душевный человек, старший товарищ. Общение с Вами всегда придавало нам уверенность в своих действиях, заряд бодрости и оптимизма.

В течение многих лет Вас хорошо знали в коллективах городского и областного управлений юстиции, добрым словом вспоминают до сих пор».

С такими же теплыми поздравлениями звонили с Алтая, Сахалина, Камчатки...

В том же году его назначили первым вице-президентом РПА Минюста России.

В 1994 г. Юрий Дмитриевич пришел работать в московский нотариат. Здесь, как и всюду, где ему доводилось работать, он пользовался огромным уважением и непререкаемым авторитетом, стал «гвардии старшим нотариусом». Сотрудники нотариальной конторы отмечали его демократичность, «не было ощущения, что он — начальник, а я подчиненный. Вот так он умел общаться и строить отношения с людьми... Его дар общения с людьми, независимо от их возраста, социального или должностного положения, подкрепленный большим жизненным опытом, творил чудеса». Не случайно нотариусы Москвы единогласно избрали его председателем Комиссии по профессиональной этике, которую он возглавлял вплоть до ухода с работы.

Как личную трагедию, очень остро, он пережил бомбежку Югославии в 1999 г. Соединенными Штатами. В его позиции проявилась тогда

черта настоящего русского интеллигента — прийти на помощь несправедливо обиженному. Он сказал: «Я бы бросил абсолютно все, стрелял бы из чего угодно, только бы осадить зарвавшихся негодяев...». Однако диппаспорт был просрочен, а ему шел уже 76-й год... Он болезненно переживал невозможность реализовать себя в святом для него деле — отстоять справедливость.

Юрий Дмитриевич был не только первоклассным юристом, он обладал несомненным литературным и редакторским талантом. Все, за что он брался, он делал с четким видением проблемы, с полной самоотдачей, со знанием и любовью.

Будучи ответственным редактором «Комментария к Уголовному кодексу РСФСР», добивался четких выводов. На тысячу страниц текста авторов статей на стольких же страницах он писал поправки и замечания. Кроме того, он был автором нескольких статей. Юрий Дмитриевич требовал тщательного анализа, четких выводов и опоры на судебную практику. Благодаря такой научной добросовестности «Комментарий» стал настоящей книгой судей на многие годы.

Журнал «Человек и закон», созданный усилиями А. Я. Сухарева, Ю. Д. Северина и журналиста Я. Е. Шнайдера с целью повысить правовую грамотность населения, невозможно было купить, несмотря на его тираж — 3,5 млн экземпляров. Содержание каждого номера тщательно продумывалось. В состав редколлегии и авторского коллектива были привлечены авторитетные писатели, известные ученые-юристы и практики. Журнал был столь популярен, что его передавали друг другу для прочтения.

В течение 20 лет Юрий Дмитриевич работал в качестве члена редакционной коллегии в журнале «Советская юстиция», а также в выходившем в издательстве «Известия» журнале «Закон». Эти издания также использовались для помощи в разъяснении законодательства и практики его применения.

Ю. Д. Северин имеет научную степень кандидата юридических наук. Однако в начале 1990-х гг. он написал докторскую диссертацию, но защищать ее в обстановке оплевывания прошлого страны, очернения и искажения ее достижений принципиально не стал. Совестью он никогда не поступался.

За трудовые заслуги Юрий Дмитриевич был удостоен орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медали Анатолия Кони — высшей награды Минюста России.

Автор 82 печатных работ, среди которых монументальный «Комментарий к Уголовному кодексу», «Организационные основы правосудия», «Основы советского законодательства», он имеет полное право на присвоение ему (посмер-

тно) звания доктора юридических наук. Вопрос об этом Минюст России должен решить совместно с Минобрнауки России. Это было бы абсолютно справедливо.

Юрий Дмитриевич был примером человека, сохранившего в преклонном возрасте полноценный физический и творческий потенциал.

В ответ на просьбу друзей собрать воспоминания о войне, о работе он написал замечательную книгу «Молнией небо расколото». (Кстати, в полку, где служил Юрий Дмитриевич, молодые ребята с интересом читают ее.)

Стоит отметить, что при написании книги он ни разу не употребил местоимение «я» и категорически запретил делать это редактору, предупредив, что тогда книги не будет. Так же, как в воспоминаниях о работе в Афганистане, ни словом не обмолвился о том, как за ним охотились и скольких возможных покушений он избежал, следуя своей установке: «Если что, легкой добычей я не буду».

Юрий Дмитриевич был очень наблюдательным человеком, тонким психологом. У него был дар отмечать яркие, оригинальные мысли.

Так, в газете «Известия» он прочитал крошечную заметку о работе российских и зарубежных ученых над проблемой продления жизни человека до 300–400 лет. Удивился. Задумался, как бы сложилась жизнь такого долгожителя, и родилась идея написать книгу на столь далекую от его профессии тему — «Вторжение долгожителей в чужие эпохи» [2]. Создание ее стало результатом интенсивной работы, так как потребовались знания из самых разных областей жизни, глубокие размышления. Писал Юрий Дмитриевич стремительно, увлеченно, находил совершенно неожиданные приемы создания образов.

Написание книг у него сочеталось с напряженной профессиональной работой. Зато как он был счастлив, когда звонили друзья с восторженными отзывами, замечая, что не могли оторваться, читали всю ночь. Он писал о долгожителях, а ведь ему в момент написания книги было 84 года! Он сам явил пример редкого творческого долголетия, достойного Книги рекордов Гиннеса.

Юрий Дмитриевич не замыкался в рамках только профессиональной деятельности.

Почти 30 лет творческого сотрудничества связывали его как консультанта по юридическим вопросам с нашими известными кинематографистами — сценаристом Александром Миндадзе и народным артистом России режиссером Вадимом Абдрашитовым. Вот как об этом пишет В. Абдрашитов: «В 1975 году сценарий фильма «Слово для защиты» был отправлен начальством «Мосфильма» и Госкино на консультацию в Министерство

юстиции. В те времена заключения от соответствующих ведомств во многом определяли судьбу сценария, а затем и самой картины. Ничего хорошего мы не ждали: к сценарию были серьезные претензии. В съемочную группу на «Мосфильм» приехал строгий и суровый человек — заместитель министра. Мы приготовились выслушать приговор. Но ошиблись. «Это история о любви, — сказал консультант, — и все ведомственные неточности — чепуха. Будем работать!» Сценарий ему понравился, а мы в Северине обнаружили тонкого, глубоко мыслящего и по-настоящему творческого человека. С фильмами, судьбы которых были весьма трудными и подчас драматичными, он был с нами до конца, помогая сохранить их и отстоять. «Остановился поезд», «Охота на лис», «Плюмбум», «Слуга», «Армавир», «Время танцора», «Пьеса для пассажира» — в этих картинах Юрий Дмитриевич был не просто консультантом, а коллегой, единомышленником, практически нашим соавтором.

И в съемочных группах его любят и уважают: он стал своим, кинематографистом. Дружеские отношения сложились у него и со всеми актерами — Мариной Нееловой, Олегом Янковским, Володей Гостюхиным, Олегом Борисовым. А для нас с Миндадзе Юрий Дмитриевич — близкий друг и товарищ, которого мы любим и глубоко уважаем. Он — особый, редкий, очень хороший человек».

Интересным стало сотрудничество Ю. Д. Северина с режиссером В. Н. Наумовым в фильмах «Закон» и «Десять лет без права переписки».

Через всю жизнь Юрий Дмитриевич пронес проникновенную любовь к природе. Любил наблюдать за игрой облаков, слушать плеск волн, не мог оторвать взгляда от украшенных полевыми цветами полян. В мае слушал пение соловьев в лесной роще, сравнивал его с игрой небесного оркестра и говорил, что для него послушать пение птиц, как для верующего — сходить в храм. Был страстным охотником, грибником. В какой бы край нашей необъятной Родины ни забрасывала его судьба, при малейшей возможности стремился попасть в лес, поучаствовать в охоте. Обладая тонким слухом, мог абсолютно точно передать пение многих птиц.

Продолжением любви к природе было его увлечение пейзажной живописью. Долгие годы он дружил с выдающимся художником-пейзажистом Борисом Шербаковым. Юрий Дмитриевич и сам был по наследству художественно одарен и не стань он юристом, был бы, безусловно, выдающимся архитектором.

Часто возвращался к воспоминаниям о беседах с писателем Юлианом Семеновым на рубеже 70–80 гг. о возможных путях развития страны в будущем.

Он любил встречаться с друзьями, коллегами по работе в ЦК КПСС, Минюсте России, даже с одноклассниками. Собирал мальчишники и всегда являлся душой компании. С огромным теплом вспоминал безвременно ушедшего из жизни замечательного юриста Виктора Найденова, погибшего в автокатастрофе Виктора Данишевского. Вообще потерю коллег переживал тяжело.

Он прошел через ужас войны, трудности послевоенного быта, через горнило широких властных полномочий, не сломавшись, с честью и достоинством. Но не хватило сил пережить обрушившуюся в последние годы работы в нотариате череду столкновений с преступностью:

- украденный бланк его нотариальной конторы, подделанные подпись и печать для совершения мошеннической сделки;

- три молодых негодяя, руководители фирмы, не сумев разобраться в финансовых расчетах друг с другом, не нашли иного выхода, как предъявить материальный иск Юрию Дмитриевичу как к нотариусу;

- взятая молодым знакомым предпринимателем (кстати, тоже выпускником юридического факультета МГУ) взаймы крупная сумма денег и отказ вернуть ее, даже отказ от своей расписки;

- разбойное нападение на офис (в 50 метрах от Красной площади), совершенное, к счастью, вечером, когда работников уже не было в помещении... Взломанная дверь, разбитые ломом сейфы, разбросанные по полу дела, папки с документами...

Этот разгул преступности произвел на Юрия Дмитриевича гнетущее впечатление. Ему, как человеку кристальной честности, вообще как человеку такого склада характера, было невыносимо сознать, что все нравственные устои общества рушатся, общество тотально криминализировано. Эти психологические удары вывели его из равновесия, из обычного оптимистического настроения и стали причиной нервного заболевания. У него усилилось резкое неприятие многих сторон действительности.

Так, 1 ноября 2006 г. он прекратил профессиональную деятельность.

Когда рабочее напряжение спало, Юрий Дмитриевич открыл для себя новую сторону жизни — с огромным удовольствием слушал оперное пение и симфоническую музыку.

Очень сожалел, что не хватает физических сил писать, а замыслы были заманчивые.

Всегда оставался доброжелательным, скромным, собранным, аккуратистом; часто вспоминал детство, а уж войну — постоянно.

Шестьдесят четыре года своей жизни Юрий Дмитриевич отдал участию в войне, учебе в университете, непосредственно работе. И за эти годы —

ни одного больничного листа. Он не мог себе позволить пропустить хотя бы один рабочий день, даже когда на этом настаивали врачи, чтобы провести обязательное обследование. Приходилось буквально за руку водить его из кабинета в кабинет.

Первые дни ноября 2009 г. прошли в ожидании торжественного парада на Красной площади. А утром 6 ноября он проснулся со слезами на глазах и сказал: «Я видел всех своих погибших (фронтовых) ребят. К чему бы это?» Через час произошло обширное кровоизлияние в мозг. Врачи ЦКБ выташили его из тяжелейшего состояния. Но развязка наступила дома. Из-за преступного,

непродуманного решения властей о двухнедельных каникулах по случаю Нового года, в том числе в сфере здравоохранения, больные остаются без необходимой помощи. Так, 29 декабря его привезли домой, а в последующие две недели дежурные врачи ни кремлевской «Скорой помощи», ни городской не могли сделать несложную медицинскую процедуру, а специалисты отдыхали...

Юрий Дмитриевич часто делился воспоминаниями, давал глубокую оценку текущих событий. *Что и как он говорил, всегда было интересно и поучительно и, главное, — так красноречиво свидетельствовало о талантливой, сильной и яркой личности Северина — человека на все времена.*

-
1. Северин Ю. Д. *Молнией небо расколото*. М. : Локид-пресс, 2004.
 2. См.: *Его же. Вторжение долгожителей в чужие эпохи. Скрытые возможности человеческого организма*. М. : Рипол-классик, 2009.

Сокращения, принятые в издании

- абз.** — абзац (-ы)
БВС — Бюллетень Верховного Суда
БНА — Бюллетень нормативных актов
БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР
ВВС — Ведомости Верховного Совета
гл. — глава (-ы)
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации
МИБ — международная информационная безопасность
Минздравсоцразвития России — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации
Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации
МИФИ — Московский инженерно-физический институт (государственный университет)
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
НИЯУ — Национальный исследовательский ядерный университет
- НЦПИ** — научный центр правовой информации
ООН — Организация Объединенных Наций
п. — пункт (-ы)
подп. — подпункт (-ы)
ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
РГ — «Российская газета»
РОНО — районный отдел народного образования
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль (-и)
РФ — Российская Федерация
СЗ — Собрание законодательства
СНГ — Содружество Независимых Государств
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — статья (-и)
США — Соединенные Штаты Америки
т. — том (-а)
тыс. — тысяча (-и)
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ЦК — Центральный Комитет
ч. — часть (-и)

Наши авторы

Абрамов Владислав Геннадьевич — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Северного (г. Петрозаводск) филиала РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Петрозаводск), vlaabr@rambler.ru

Авсеницкая Ксения Вячеславовна — помощник адвоката (г. Иркутск), vesnavip@mail.ru

Гинц Евгения Михайловна — соискатель кафедры гражданского права РПА Минюста России (г. Москва), missGints@yandex.ru

Гушин Василий Васильевич — профессор кафедры организации службы судебных приставов и исполнительного производства Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва), gvv100@bk.ru

Егошина Юлия Анатольевна — соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров), invicta.russia@gmail.com

Еськов Сергей Валентинович — ученый секретарь секретариата Ученого совета Луганского государственного университета внутренних дел им. Э. А. Дидоренко, кандидат юридических наук, доцент (г. Луганск), yeskov@meta.ua

Заец Александр Михайлович — старший преподаватель кафедры экономической безопасности Луганского государственного университета внутренних дел им. Э. А. Дидоренко, кандидат юридических наук (г. Луганск), zaec_1985@bk.ru

Звягинцев Александр Григорьевич — заместитель Генерального прокурора РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный прокурор РФ (г. Москва), gra@rpa-mjust.ru

Карпова Ольга Владимировна — мировой судья Судебного участка № 23 Ленинского округа (г. Иркутск), dvsv@list.ru

Кирпичев Александр Евгеньевич — доцент кафедры гражданского права Российской ака-

демии правосудия, кандидат юридических наук (г. Москва), raj@aekirpichev.ru

Козлова Елена Борисовна — доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), kozlova@urexpert.ru

Колесова Анастасия Сергеевна — доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики РПА Минюста России, кандидат юридических наук (г. Москва), nas2481@yandex.ru

Красиков Владимир Иванович — профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор (г. Москва), KrasVladlv@gmail.ru

Мальков Борис Николаевич — заведующий кафедрой философии и социально-экономических наук РПА Минюста России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), malkovbn@mail.ru

Морозов Антон Андреевич — аспирант кафедры компьютерного права НИЯУ МИФИ (г. Москва), morozov.aa.1988@rambler.ru

Никифорова Татьяна Серафимовна — секретарь Ю. Д. Северина (г. Москва), schachnevsv@mail.ru

Рычкова Ирина Николаевна — аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров), irina020683@mail.ru

Химченко Алексей Игоревич — соискатель кафедры информационного права, информатики и математики РПА Минюста России (г. Москва), alekseykhimchenko@gmail.com

Чумакова Ольга Владимировна — доцент кафедры административного и финансового права РПА Минюста России, директор юридической клиники РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва), chumakova-ov@yandex.ru

Our Authors

Abramov Vladislav Gennadievich — the assistant professor of the Chair of Criminal Law Disciplines of North (Petrozavodsk) Branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Petrozavodsk), vlaabr@rambler.ru

Avsenitskaya Ksenia Viacheslavovna — the assistant lawyer (Irkutsk), vesnavip@mail.ru

Chumakova Olga Vladimirovna — the assistant professor of the Administrative and Finance Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Director of the Legal Clinic of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), chumakova-ov@yandex.ru

Egoshina Yulia Anatolyevna — the post-graduate of the State Legal Disciplines Chair of Vyatka State University of Humanities (Kirov), invicta.russia@gmail.com

Gints Evgeniya Mihaylovna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), missGints@yandex.ru

Gushchin Vasily Vasilievich — the professor of Management of the Bailiff Service and Enforcement Proceeding Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of law, the professor (Moscow), gv100@bk.ru

Karpova Olga Vladimirovna — Justice of the Peace Magisterial District № 23, Lenin Okrug (Irkutsk), dvsv@list.ru

Khimchenko Alexey Igorevich — the post-graduate of the Informational Law, Information and Mathematics Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow), alekseykhimchenko@gmail.com

Kirpichev Alexander Evgenievich — the associate professor of Civil Law Chair of the Russian Academy of Justice, PhD in law (Moscow), raj@aekirpichev.ru

Kolesova Anastasia Sergeevna — the assistant professor of Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law (Moscow), nas2481@yandex.ru

Kozlova Elena Borisovna — the assistant professor of the Business Law, Civil and Arbitration Proceedings Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD in law, the assistant professor (Moscow), kozlova@urexpert.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich — the professor of the Philosophy and Social and Economic Disciplines Chair of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor (Moscow), KrasVladlv@gmail.ru

Malkov Boris Nikolaevich — the head of the Chair of Philosophy and Social and Economic Disciplines of the Russian Law Academy of the Ministry of justice of the Russian Federation, the doctor of philosophy, the professor, the honored worker of Science of the Russian Federation (Moscow), malkovbn@mail.ru

Morozov Anton Andreevich — the post-graduate of the Computer Law Department of MEPhI (Moscow), morozov.aa.1988@rambler.ru

Nikiforova Tatiana Serafimovna — secretary Yu. D. Severin (Moscow), schachnev-sv@mail.ru

Rychkova Irina Nikolaevna — the post-graduate of the Civil Law Chair of the Vyatka State Humanities University (Kirov), irina020683@mail.ru

Yeskov Sergey Valentinovich — scientific Secretary of the Secretariat of the Academic Council of the Lugansk state University of internal Affairs named E. A. Didorenko, PhD in law, the assistant professor (Lugansk), yeskov@meta.ua

Zaec Alexander Mikhailovich — senior teacher of the Department of economic security of

the Lugansk state University of internal Affairs named E. A. Didorenko, PhD in law (Lugansk), zaec_1985@bk.ru

Zvyagintsev Alexander Grigorievich — Deputy Prosecutor General of the Russian Federation, honored lawyer of the RF, honored Prosecutor of the Russian Federation (Moscow), rpa@rpa-mjust.ru

Перечень статей и материалов, опубликованных в 2013 году

Название статьи	Страницы	Номер
Аветисян В. Д. Реорганизация корпорации и особенности ее осуществления в Республике Армения	41–46	3
Алексеев А. И. Человек-легенда	7–11	3
Басос Е. В. Общетеоретическое исследование понятия «правовой режим»	3–6	4
Белов А. В., Казаков Е. Н. Характерные черты современной ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков	58–61	4
Боголюбский С. С. Природа преступных проявлений в области предпринимательской деятельности	31–36	1
Боляк В. И. Методика прокурорского надзора как разновидность юридической методики: понятие и основные черты	37–40	1
Борсученко С. А. Правовые аспекты международного контроля в уголовно-исполнительной сфере	57–60	3
Борсученко С. А. Социальная адаптация осужденных и меры по ее обеспечению: метод зарубежных стран	41–44	1
Брыка И. И. Об усилении ответственности за преступления полового характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних	45–48	1

Варюшин М. С. Институт корпоративных договоров в корпоративном законодательстве государств романской правовой системы	35–39	4
Ведзижева Т. Ш. Генезис института возмещения вреда, причиненного судебными органами в Древней Руси	7–10	4
Вольдимарова Н. Г. О некоторых вопросах квалификации уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица и организации	61–65	3
Вольдимарова Н. Г. О проблемах законодательного регулирования уголовной ответственности за налоговые преступления	62–65	4
Гейхман В. А. С юбилеем, наш Почетный профессор!	12–14	3
Гейхман В. А. Свобода труда и право на труд: современное состояние и перспективы развития (к 20-летию российской Конституции)	9–23	4
Герасимов С. И. К 90-летию А. Я. Сухарева	4–6	3
Глебова А. Г. О некоторых особенностях производства предварительного следствия по делам, возбужденным по признакам экономических преступлений (на примерах статей 159, 160 Уголовного кодекса Российской Федерации)	66–70	4
Горемычкин И. Е. Сравнительный анализ уголовного законодательства в области борьбы с преступной деятельностью групповых образований экстремистской направленности в России и Федеративной Республике Германия	71–75	4
Грачев В. Д. Потенциал герменевтической традиции в познании права	6–9	1
Давыдов Д. А. Криминологические аспекты деятельности военных судов	66–71	3
Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год	3–44	2
Дробышев М. Г. Законодательство об интеллектуальной собственности Китайской Народной Республики: история и перспективы	47–51	3
Ибрагимов Я. М. Сделка обвиняемого с правосудием по уголовному процессу США и Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный разделом X Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (различия и сходство уголовно-процессуальных институтов)	45–49	2
Иванский В. П. Информационно-квантовое измерение права	11–15	4

Ильницкая И. В. Особенности регулирования трудовых отношений иностранных работников, являющихся высококвалифицированными специалистами	36–40	3
Исмаилова Д. А. Правовое регулирование объектов интеллектуальной собственности в Азербайджане	40–42	4
Казаков Е. Н. Совершенствование организации информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности по выявлению коррупции в судебных органах	90–94	3
Казаков Е. Н. Современное состояние коррупционной преступности в судебной системе и противодействие ей со стороны оперативно-розыскных органов	49–52	1
Карпов В. С. Российская конфискация в аспекте зарубежного законодательства	53–56	1
Кибак И. А. Инновационные предложения и формирование позитивного мнения о работе законодательного органа в общественном сознании	10–14	1
Козаев Н. Ш. Основные подходы к обеспечению информационной безопасности в зарубежном уголовном законодательстве	50–54	2
Колесова А. С. Проблемы взаимодействия следователя с государственными органами и общественными организациями по делам о насильственных преступлениях в семье	55–58	2
Корнев М. В. Формы государственно-частного партнерства: понятие и классификация	52–56	3
Краснов С. Ю. Судебные доказательства и способы их получения по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX века	76–80	2
Кузовкина Т. Н. Содержание бремени собственности	24–27	1
Кузьмин А. И. Голосование участника корпорации как юридический факт	43–49	4
Курбоналиев Н. Ш. Некоторые вопросы защиты гражданских информационных прав ребенка	28–30	1
Мальков Б. Н. Магистерский курс философии права: рефлексия, деятельность, интеграция	15–20	1
Маркунцов С. А. О значении положений теории уголовно-правовых запретов	72–75	3
Мишиева Я. П. Федеральная нотариальная палата как некоммерческая организация	81–85	1

Морозов А. В. Направление развития информационного права в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Информационное общество (2011–2012 годы)»	72–75	2
Мосин С. А. Норма-интерпретация как элемент правового государства в Российской Федерации	16–18	4
Н. Я. Соколову — 75 лет	91–92	4
Насимов Г. А., Абдулмуслимов М. А. Определение «рейдерских захватов» в уголовном праве Российской Федерации	76–79	3
Наумов А. В. Уголовное уложение 1903 года	59–63	2
Огурцов С. А. Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, соединенное с исполнением наказания в виде лишения свободы: международные и национальные подходы	57–60	1
Огурцов С. А. Исследование вопросов о невменяемости, уменьшенной вменяемости и применения мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния, в англо-американском уголовном праве (часть 1)	80–84	3
Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном законе	64–67	2
Плетнев М. В. Некоторые процедурные вопросы рассмотрения жалоб налогоплательщиков на акты налоговых органов	86–89	1
Рогов И. В. Практика применения норм трудового законодательства советского периода при рассмотрении дел о материальной ответственности работника	23–27	4
Ряховский К. Б. Эволюция образа органа исполнительной власти в контексте доктринальных воззрений и правоприменительной деятельности на примере Федеральной службы судебных приставов	90–93	1
Савранский В. А. Объективная сторона нарушения авторских и смежных прав: проблемы уголовно-правовой оценки	68–71	2
Салтанов Д. А. Правовые проблемы современной миграции и миграционные приоритеты Российской Федерации	76–80	4
Сергун Е. П. Антиконтитуционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников как возможный состав преступления в российском уголовном праве	61–66	1

Сердюк И. В. Избрание Принципов УНИДРУА в качестве применимого права в международных коммерческих сделках	87–90	4
Смирнов А. Ф. О системе функций прокурора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	67–71	1
Смирнова О. В. К вопросу об участии прокурора в рассмотрении судами дел о выселении в порядке части 3 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации	50–52	4
Соколов Н. Я. К юбилею А. Я. Сухарева	15–18	3
Соколова Т. В. Научные работники: понятие и правовое регулирование труда	28–30	4
Сухарев А. Я. К читателю	30–35	3
Сысоев В. Д. Жизнь по правде министра юстиции и Генерального прокурора А. Я. Сухарева	25–29	3
Тагиров Т. В. Оценочные признаки в зарубежном уголовном законодательстве	85–89	3
Торбин Ю. Г. Жизнь — подвиг (к 90-летию Александра Яковлевича Сухарева)	19–24	3
Ульянова А. В. Общие черты трудового договора и служебного контракта	31–34	4
Федюнин А. Е., Алферов В. Ю. Исследование проблем выявления преступлений коррупционного характера в экспертно-криминалистических учреждениях	72–76	1
Фильченко А. П., Бузина М. В. Испытание осужденного в механизме реализации уголовной ответственности	77–80	1
Цыремпилова М. А. О некоторых теоретических и практических проблемах муниципального правотворческого процесса	81–86	4
Червинская А. В. Дореволюционный этап становления института российского гражданства. Подданство взрослых и детей	21–23	1
Шевчук М. С. Аутентификация субъектов гражданских правоотношений как квалифицирующий признак электронной формы гражданско-правового договора	53–57	4
Ястребов В. Б. Рецензия на книгу А. И. Алексеева «Музы и право»	4–5	1

Правила приема и требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»

Приглашая к сотрудничеству, обращаем внимание авторов на то, что к рассмотрению для публикации в журнале «Вестник Российской правовой академии» принимаются рукописи в случае: 1) соблюдения Порядка рецензирования рукописей, поступающих в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии»; 2) соответствия представленных материалов общей тематике журнала, актуальности и научной новизне; 3) соблюдения Требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии».

Решение о включении рукописи в очередной номер журнала принимает редакционная коллегия.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописей.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, социологических, криминологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Плата с аспирантов и авторов других категорий за публикацию рукописей не взимается; гонорары за статью не выплачиваются. Автору, проживающему в Москве, полагается один авторский экземпляр, за которым он приезжает самостоятельно. Иногородним авторам один авторский экземпляр высылается по почте.

Рукописи со всей соответствующей документацией можно представлять в редакцию лично, а также направлять по почте: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, редакция журнала «Вестник Российской правовой академии».

Необходимый комплект документов:

- экземпляр рукописи на бумажном носителе (белая бумага формата А4);
- экземпляр рукописи на электронном носителе (дискета или диск CD-RW, CD-R);
- решение (рекомендация) редакционного совета региона (или вуза); письменная рецензия на рукопись статьи, подготовленная доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом), — для статей, поступающих от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения;

- выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале, с подписью заведующего кафедрой (руководителя научного подразделения) или его заместителя, заверенной соответствующей кадровой структурой; оформленный и заверенный отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале, — для статей, поступающих в редакцию журнала в инициативном порядке;

- письменное представление — для статей, рекомендуемых к печати членами Российской академии естественных наук или членами редакционной коллегии журнала.

По всем возникающим вопросам обращаться к ответственному секретарю журнала **Геннадиию Асафовичу Насимову** по электронной почте vestnik-rpa@mail.ru или по телефону **8 (495) 969-16-82**.

Направление материалов для рассмотрения редакционной коллегией на указанные электронные адреса возможно при представлении в электронном (отсканированном) виде всей необходимой документации со всеми необходимыми подписями и с обязательным последующим направлением всех необходимых материалов (оригиналов) в адрес редакции.

Напоминаем авторам: одно из требований Высшей аттестационной комиссии — включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Тексты статей принимаются исключительно в том случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям:**

- объем — не менее 6 и не более 10 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте.

Автор **в обязательном порядке**, помимо документов, перечисленных в Порядке приема рукописей, направляемых в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии», **должен представить:**

- 1) сведения о себе: фамилия, имя (полностью), отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентская контактная информация (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- 2) перевод сведений о себе (всего перечисленного в п. 1) на английский язык;
- 3) аннотацию статьи;
- 4) ключевые слова статьи;
- 5) пристатейный библиографический список, составленный согласно ГОСТ 7.0.5—2008;
- 6) перевод аннотации, ключевых слов и заглавия статьи на английский язык.

**Подписку на журнал
«Вестник Российской правовой академии»
можно оформить по каталогу
«Газеты, журналы»
Агентства «Роспечать»**

46834

в любом почтовом отделении.